

Таксаторы и Бичи

Таксаторы и Бичи

Первооткрыватели Сибирской Тайги

ВЛАДИМИР СЕДЫХ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВСЕМ ПОЛЕВИКАМ
лесных, геологических, геофизических, геодезических экспедиций,
приведших в известность различные природные ресурсы
на таежных территориях Сибири
и Дальнего Востока.

Содержание

Его Сиятельство Мишка-Барон
Кружка браги за нокаут
Крещение
День Святого Владимира
Соломоново решение
Двенадцать суток без спичек и топора
Тайга-хозяин
Уверен, лошадь умнее человека
Якутский Казанова
Клещ
Пирожки с изюбятиной
Ата
Век Живи, Век Учись
Сибирский Рыбнадзор
Спирт пить надо салазками, закусывая чушью
Сосьвинская синильга
Кукла
Свержение короля
Лосенок
Проверочка
Последний заход
Диверсант

Тот самый лесной ресурс—древесина, ради изыскания которой отправлялись сотни таксаторов и бичей в сибирскую тайгу.

Введение

Сибирь—огромный и один из самых загадочных регионов мира. Руда, золото, нефть, газ, уголь, леса, вода, охотничье-промысловые животные, пищевые и лекарственные растения и многие другие, пока не открытые природные ресурсы определяют современное экономическое могущество России. На их разведку и обследование в советское время отправлялись сотни различных экспедиций. В их числе были и лесоустроительные, специалисты которых—таксаторы—занимались обследованием и картографированием лесов.

Таксация леса (от лат. *taxatio*—оценка)—как специальность, направленная на выявление, учет и оценку состояния лесных ресурсов, появилась в России, когда Петр Великий приступил к строительству морского флота. Для этого потребовалось привлечение большого объема высококачественной древесины, изысканием которой от корпуса военных лесничих стали заниматься лесные специалисты-таксаторы. С тех пор и по нынешнее время таксаторы проводят ежегодно обследование лесов на миллионах гектаров.

До середины XX века леса Сибири были известны всего на четверть их площади. Работа таксаторов как до войны, так и после войны, до конца 60-х годов, проходила в жестких экспедиционных условиях, в совершенно неизведанной тайге, полной тайн и опасностей, в местах, на сотни километров удаленных от ближайших населенных пунктов. До них приходилось добираться на деревянных лодках, конях, оленях, нагруженных продуктами и таборным имуществом. Таксаторы и экспедиционные рабочие—бичи, без всякой комариной мази, в кирзовых сапогах и черных комбинезонах, с конца апреля и до конца октября пребывали в тайге, выполняя работы по приведению лесов в известность.

Для работы в лесоустроительных экспедициях в качестве рабочих всегда брали только бичей, самых выносливых и надежных рабочих. Так

кто же эти бичи, без которых в ту пору не могла работать ни одна производственная экспедиция?

Ушла в небытие страна, а вместе с ней и люди, строители коммунизма. Только остались газеты и журналы, наполненные отчетами об успешном завершении различных промышленных объектов, об открытии месторождений угля, руды, нефти, докладов о битвах за урожай, хвалебных статей о новой, рождающейся в муках цивилизации, несущей счастливую жизнь будущим внукам и правнукам. И повсюду превозносились заслуги сознательного советского человека в его успехах, к которому относились все рабочие и крестьяне, не сидевшие в лагерях. Но совершенно ничего не говорилось о подлинных строителях заводов и городов, осужденных за правое и неправое дело, заслоня их работу трудовыми достижениями комсомола. И также ничего не было известно о многотысячной армии людей, освободившихся из лагерей, работающих в различных экспедициях, которых называли в ту пору «бичами». О них тогда никто не знал, а если и знал, то относил их к «бомжам», «бродягам», к опустившимся людям. Сознательные строители коммунизма избегали о них говорить и с ухмылкой разъясняли интересующимся аббревиатуру слова «бич»: бывший интеллигентный человек. В какой-то степени они были правы.

А бичи были братья, сестры и отцы тех героев, имена которых превозносились каждый день в печати, по радио и телевидению. Это бывшие заключенные, виновные и невинные, отсидевшие в лагерях различные сроки. Помыкавшись на воле, одни из них возвращались к своему уголовно наказуемому ремеслу, а остальные, отверженные властями, друзьями и родней уходили работать во многочисленные производственные геологические, геофизические, лесоустроительные, изыскательские экспедиции, направленные на приведение в известность природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Никто из обычных рабочих, вербованных или комсомольцев-романтиков, не выдерживал таежные будни экспедиций, многокилометровые переходы в горах, в дикой тайге, в болотах с гнусом, ночевки у костров там, где застанет ночь, битые глубоких шурфов, прорубку и промер просек, строительство геодезических знаков, житье в протекающих палатках, питание скудной пищей из сухой картошки, сухарей, макарон и тушенки. Нахлебавшись таежной романтики, далекой от красивых песен про «голубую тайгу», «танцы на палубе», вскоре эти романтики покидали экспедиции. Экспедициям требовались не романтики, а работяги, привычные к тяжелому

труду и походным неудобствам, работяги, которых не надо было заманивать, уговаривать, вербовать. И вот этими работягами и становились бывшие зеки, которых принимали на работу по справке об освобождении, не обращая внимания на их биографию, на отсутствие паспортов. Заполучив желанное место работы и небольшой аванс, который тут же после оформления на работу пропивался, они улетали, уплывали, уходили с инженерами в самые отдаленные неизведанные «медвежьи углы» и там вкалывали как проклятые, наконец-то ощущая себя нужными и даже незаменимыми людьми. Инженерно-технические работники экспедиций относились к ним, как равным себе, деля хлеб, чай, сахар поровну, питаясь из одного котла. Их никогда никто не оскорблял, не унижал, не обсчитывал, и эти рабочие шли с ИТР-профессионалами буквально огонь и воду. Их взаимоотношения строились на жесткой основе необходимости делового сотрудничества, исключающего нарушения сложившегося экспедиционного порядка, грозившего серьезными, а порой роковыми последствиями существования в экстремальных условиях всех членов экспедиции. Но самым главным и одинаковым в поведении для всех этих рабочих становилось соблюдение порядочности во всех действиях по отношению друг к другу и к начальству. Если же среди них объявлялся сачок, щипач, мелкий шулер, они незамедлительно, сами избавлялись от него, и начальник экспедиции вынужден был выбрасывать его из тайги на большую землю. Что же касается работы, то они выполняли ее всегда качественно, чтобы не переделывать по требования начальника.

Полевой сезон той или иной экспедиции завершался. ИТР – кто осенью, кто зимой—возвращались домой, откуда прибыли. Рабочие—бывшие зеки—увольнялись, получали расчет, и у них опять возникала проблема—добираться до дома, покинутого не по своей воле до отсидки, или где-то устраиваться на работу. Не добравшись до дому, они, как правило, снова уходили на полевой сезон в другие экспедиции, где их принимали не только по справке, но и по устному отзыву об их работе в других экспедициях. И со временем во всех производственных экспедициях, и только в них, а не в каких-либо иных стал формироваться особый род людей, не имеющих постоянной работы, переходивших работать из одной экспедиции в другую после завершения полевого сезона. Многие из них стали работать в течение многих сезонов в одних и тех же экспедициях, каждый раз дожидаясь их прибытия в аэропортах, на дебаркадерах, в отдаленных сибирских городках и деревушках. Этих

людей в ту пору стали прозывать «бичами», и сами эти рабочие именовали себя этой же «кличкой». А эта «кличка» пошла из Владивостока, и она началась со списанных на берег моряков и бывших зеков, работавших, как правило, временно на разгрузке и погрузке судов. Они обычно жили вокруг порта на берегу в лачугах или на постое в избушках. Все портовые работники, их именовали «бичами», как людей, временно не работавших и живущих на берегу. Происхождение этой «клички» от английского слова «beach»—берег. Так что если называть этого рабочего строго по-английски, то он будет «beach worker»—береговой рабочий. И это название никак не вяжется с придуманным названием обывателя—«бывший интеллигентный человек», хотя и в нем присутствует своя сермяжная правда.

Начиная с 30-х годов таксаторами с помощью бичей выявлено и обследовано, что на территории Сибири и Дальнего Востока леса покрывают площадь 686 млн. га, в 12 раз превышающую площадь Франции. На этой площади сосредоточено 75 млрд. м³ древесины сосны, лиственницы, кедра, ели, пихты, березы, осины и других лесных пород, знания о которых стали основой создания целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей и химической промышленности, поставщиком шпал для строительства железных дорог и рудостойки для освоения рудных и угольных месторождений, и, что самое главное для государства, организации лесного хозяйства на научной основе.

Вся эта информация хранится в крупномасштабных картах, составленных на основе аэроснимков, и в многочисленных проектах организации лесного хозяйства, содержащих сведения о составе лесобразующих, о распределении их по продуктивности, возрасту, товарности и многим другим таксационным показателям, включая сведения и о других возобновляемых ресурсах таежных территорий, а также характеристики почв и верхних геологических отложений. С определенной периодичностью в настоящее время вся эта информация обновляется, но уже современными таксаторами, вооруженными космическими материалами и компьютерной техникой.

В натуре же от Урала до Чукотки вся тайга разбита бичами на кварталы, участки леса прямоугольной формы протяженностью сторон в основном 2 км на 4 км. Границы этих кварталов отсечены квартальными просеками шириной 0,5 м, а по их углам поставлены квартальные столбы (государственные 3 знака), обозначающие номера кварталов. В середине многих кварталов проложены визирь, по которым допол-

нительно к просекам проводились таксаторами описания и различные измерения таксационных показателей леса. Это и есть вещественное доказательство того, что тайга впервые была приведена в известность преимущественно таксаторами и бичами за время существования страны советов. Теперь, многих первооткрывателей Сибирской тайги уже нет, но результатами их дел пользовались и будут пользоваться до тех пор, пока тайга стоит. И следует нынешнему поколению помнить, что благодаря инженерам-профессионалам различных специальностей и бичам в советское время приведены в известность различные природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока, что дало возможность приступить к освоению огромных неизвестных ранее таежных территорий, богатствами которых до сих пор пользуется российский человек и будет пользоваться долгое время. И давно настала пора признать этот класс людей – бичи, порожденные советской властью, с инженерами-профессионалами различных специальностей вслед за Ермаком открыли новую эру покорения Сибири и Дальнего Востока, чья деятельность ждет своих исследователей.

Перед выездом на полевые работы (поле) таксаторы каждый для себя должен выполнить две ответственные задачи—это получить приличное отремонтованное таборное имущество—палатки, спальные мешки, тенты, котлы, спецовку, инструменты и питание—сухари, сахар, тушенку и многое другое и нанять на работу надежных здоровых бичей с опытом работы в тайге и без привычки к чифиру. Успех работы любой экспедиции в значительной мере будет зависеть от плодотворности решения этих двух первых и самых главных задач. Старое не отремонтованное имущество, подсунотое завхозами, будешь ремонтировать всё лето, а от захудалых бичей придётся избавляться и нанимать новых.

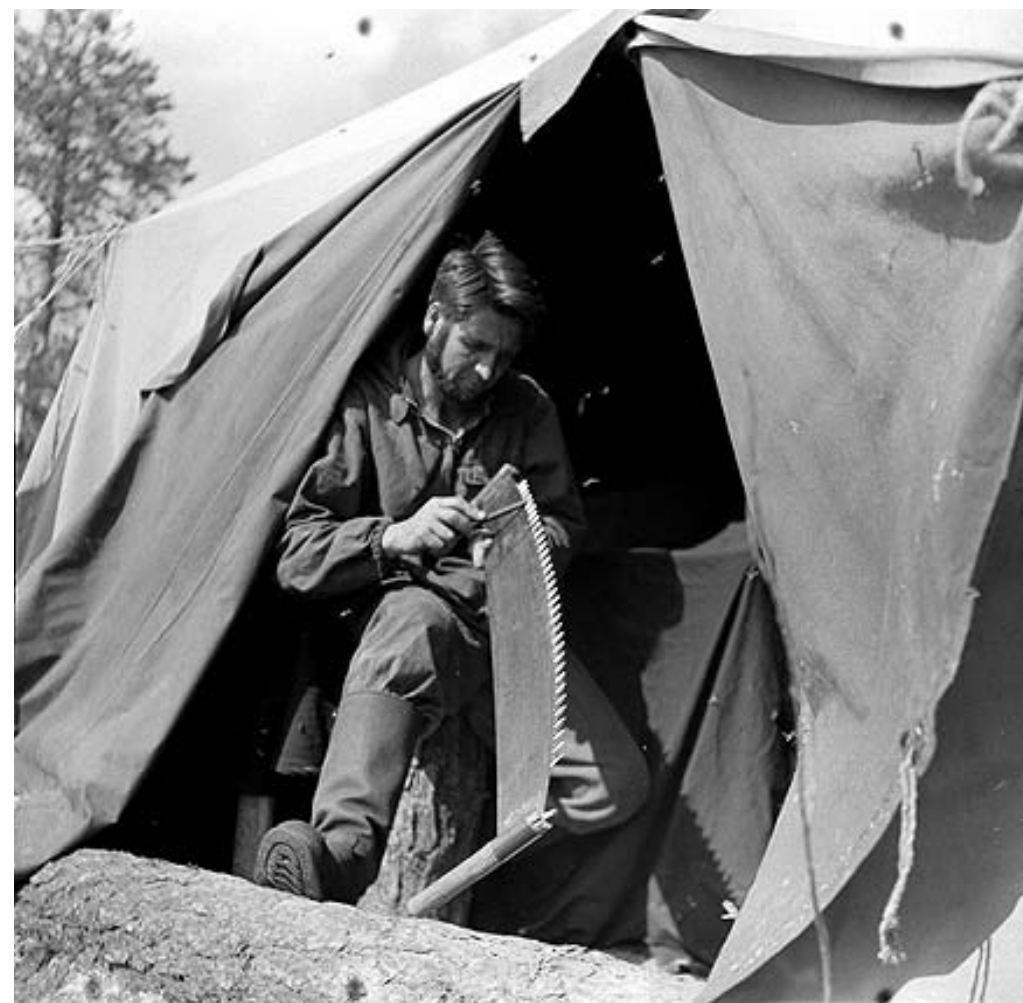
Дележ таборного имущества на базе экспедиции, г. Новосибирск, 1959год.

В ожидании оформления на работу
и получения аванса.

Топор—самое главное орудие таежника, с ним в тайге не пропадешь.

Без хорошей наточенной пилы таксаторскую работу не сделаешь.

Послевоенные бичи, когда не было противозенцефалитной спецовки и средств от комаров.

Его Сиятельство Мишка-Барон

Помню, когда проходили в школе экономическую географию, учительница рассказывала, что Западная Сибирь—самый гиблый край на земле, с малярийным комаром летом и студеной зимой, и что туда царские власти ссылали на погибель борцов за свободу рабочего класса. Эти уроки я запомнил и дал себе зарок—никогда не попадать в Западную Сибирь. Учась в институте, я от многих партийных слышал, что самый воровской народ—это бывшие заключенные. И я дал себе второй зарок—никогда не работать с ними. Но судьба распорядилась по-иному. Всю свою сознательную жизнь живу и работаю в лесных экспедициях в Западной Сибири и, в основном, работаю с бичами, бывшими зеками. С одним из них я познакомился впервые, и с той поры я всегда вспоминаю с восхищением этого первого бича, с которым мне довелось работать.

В 1959 году наша лесоизыскательская экспедиция Треста лесной авиации прибыла в городок Ивдель, что на севере Свердловской области. Экспедиции предстояло привести леса в известность в районе будущей железной дороги Ивдель-Обь, изыскание которой в это время проводил Ленгипротранс. В ту пору вблизи Ивделя было много лагерей, и поэтому в городе всегда находились бывшие заключенные. Одной из задач экспедиции было набрать из них рабочих, пригодных для работы в тайге, и отправить их на таксаторские участки. В Ивделе также планировалось организовать штаб экспедиции, который бы руководил всеми работами в тайге. Для выполнения этих работ где-то в апреле в Ивдель и прибыл я с несколькими таксаторами, а также начальник экспедиции Трегубов В.И. с нами. У экспедиции еще не было своего жилья, и мы вынуждены были разместиться в гостинице. Гостиница, как и все гостиницы в райцентрах страны, была деревянная с номерами на несколько человек, с общим туалетом. Но обычно один или два номера в них были одност-

Собираясь в тайгу не бери лишних вещей, но всегда при себе имей спички, большую иголку с черными нитками, охотничий нож, ружьё, короткий спиннинг с ручной катушкой, свитер, шерстяные носки, сменную тёплую одежду, большой остро отточенный топор, запас крючков и лесок, фуфайку из хлопка, плащ старого образца, тент с палаточной ткани размером 2,2 на 2,2, котелок, кружку, ложку, миску, йод, бинт и вату. Всё перечисленное—это твои личные вещи и никогда никому их не давай. Имея их при себе ты в тайге никогда не пропадёшь.

ные, и по тем временам их называли номерами «Люкс». Начальнику экспедиции необходим был такой номер, чтобы он мог не столько ночевать в нем, сколько работать. К нему в течение дня будут приходить разные люди и, в частности, люди для найма на работу.

Пришли в гостиницу. Администратор, в манере всех администраторов гостиниц страны, с постной улыбкой скучным голосом ответила, что она нас может оформить только в номера по несколько человек, а одноместный номер она сейчас предоставить не может.

—Сейчас этот номер занимает его сиятельство Мишка-барон, оплативший номер несколько дней назад за все дни проживания,—уже с дружелюбной улыбкой и как-то весело сообщила она.

Для нас это сообщение было неожиданным. Номер занимал не какой-нибудь начальник из области, а какой-то «его сиятельство Мишка-барон». Администратор еще раз пояснила, что она его выселить не может, поскольку номер оплачен за все дни проживания. С той же веселой улыбкой добавила:

—Деньги у барона уже кончаются, и он на днях освободит номер. Тогда вашего начальника мы и заселим в этот номер. Ну, а пока поживите вместе в одной комнате.

Конечно, «его сиятельство Мишка-барон» всех нас сильно заинтриговал. Пока устраивались мы в общий номер, кастелянша нам рассказала, что действительно сейчас «Люкс» занят Мишкой. Мишка этот—экспедиционный рабочий, каждый раз после завершения сезона в какой-либо экспедиции, на неделю откупает огромный номер «Люкс» и в нем живет. Просит каждый день менять белье, которое и меняют за отдельную плату.

—Ежедневно мы выполняем все его капризы—приносим коньяк (водку он не пьет), дорогие конфеты, шампанское для всех работников гостиницы. Он же лежит весь день в чистой постели и благоухает. Очень любит попивать армянский коньяк. Попыхивая сигарой, он при этом всегда говорит нам, что кроме него армянский коньяк и сигары любит Черчилль,—закончила кастелянша.

—Постойте, постойте, а где здесь в Тьму-таракани добывают армянский коньяк и сигары?—наивно спросил я.

—Э, мил человек. В Ивделе все есть, были бы деньги—ответила кастелянша и добавила:—Мишка требует, чтобы стол сервирован был настоящими хрустальными рюмками и фужерами и супы ему наливали в двоянные тарелки. А нижняя тарелка должна быть подогрета.

—Обалдеть!—чуть ли не все разом воскликнули мы.—А выходит ли он из своего номера?

—Выходит, но только в туалет—объяснила кастелянша.

—А как можно увидеть его?—не унимался я.

—А увидите скоро, этак дня через два,—загадочно улыбнулась кастелянша и пошла наверх к местожительству Мишки-барона, менять простыни.

Прошло два дня. И вдруг поздно вечером кто-то постучал в наш номер. Открыли дверь. Перед дверью стояла наша кастелянша,

—Я к вам привела гостя,—сообщила она.

За ней стоял небольшого роста, невзрачный, чисто выбритый мужичок в малахае набекрень, в фуфайке, в кирзовых сапогах и в очень белой рубашке с темно-синим галстуком в горошек.

—Что еще за гость?—поинтересовались мы.

—А это и есть его сиятельство Мишка-барон. У него кончились деньги на «Люкс» и мы его переселяем к вам в общий номер. А вашего начальника заселяем в его номер.

Мы все сгрудились у двери, разглядывая барона. Барон нахально улыбнулся, поднес ладонь с растопыренными пальцами к уху и произнес:

—Начальники, привет!

Мы были несколько озадачены, и к себе его не пустили. Вечером должен был подъехать еще один таксатор, и мы договорились заранее с администратором, что он будет поселен к нам. Кастелянша ушла и увела барона куда-то вглубь коридора. Барон оказался обычным бичом и мы забыли о нем. Мало ли кто как может чудить. У нас были свои дела, и нам было не до оригиналов.

Прошло еще два дня и вдруг глубокой ночью слышим громкий стук в гостиничную дверь и голос, требующий пустить в гостиницу. Я открыл дверь номера. Мне было видно главную дверь и стол администратора. Администратор тетя Лида поднялась, подошла к двери и увещательным голосом стала говорить:

—Миша, кончай бузить. Я не пущу тебя в гостиницу. Ты еще не заплатил за последние два дня, хотя божился рассчитаться на следующий день.

Мишка из-за двери заканючил:

—Тетя Лида, пусти ради бога, на улице холод, выпал снег, я принес долг.—Ну, Миша, смотри—гремя засовом, ворчала тетя Лида.

Настоящий интеллигентный бич тот, который, чтобы пропить заработанные деньги на время увольняется, а потом после загула возвращается и опять оформляется к тебе на работу. Он делает так для того, чтобы не создавать таксатору проблемы, если с ним что-то случится в загуле.

Миша, весь в снегу, робко протиснулся в дверь и подошел к стойке. Потом каким-то нарочито небрежным манером вытащил несколько бумажек из нагрудного кармана теперь уже грязно-серой рубашки без галстука, разгладил деньги заскорузлыми ладонями и демонстративно, с откинутой назад головой, положил их перед тетей Лидой. Тетя Лида улыбнулась и пропела:

—Эх, Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка—и положила их в кассу.

Не давая ей опомниться, Мишка опять заканючил, что ему негде ночевать, что у него нет денег, что он несчастный и что скоро опять он станет бароном. Тетя Лида посмотрела на него с укором и кивнула головой:

—Ладно, ночуй сегодня на диване здесь в коридоре.

Мишка, как ребенок, обрадовавшийся игрушке, не долго думая, сбросил сапоги, скрючился на диване под своей грязной фуфайкой и захрапел.

Прошло еще два дня. Мишку мы в эти дни не видели. И вдруг однажды утром, идя в туалет, я увидел лежавшего у стены спящего человека. Это был Мишка. Жалостливые служащие последние ночи разрешили ему спать в коридоре на полу. Он постоянно грозил им, что он скоро вернется бароном и всем им покажет, как надо правильно жить, а утром куда-то пропадал на весь день.

Прошло еще несколько дней. И вот Мишка-барон появляется в гостинице, узнав, что мы набираем рабочих в экспедицию. Таксаторам начальник дал распоряжение набирать рабочих и тотчас отправлять в тайгу на озеро Арантур к Андрею Барышеву. Мишка, почему-то ни к кому не пошел оформляться, а выбрал меня. Потом я понял почему. Я был самый молодой, и меня было легче всего сбить на хороший аванс. Так и произошло. Мишка уже в совсем затасканной одежде пришел ко мне и стал проситься на работу. Я наконец рассмотрел его вблизи. Достаточно молодой, с белыми незачищенными зубами, работавший в заключении на лесоповале, он во всех отношениях подходил нам, да и начальник экспедиции рекомендовал брать именно таких, бывших зеков. Я оформил его и наказал, чтобы был готов через два дня вылететь в тайгу. Он был рад вылететь в тайгу хоть сейчас. Но раз уж через два дня, он стал просить немного увеличить аванс.

—Мишка, зачем тебе такой забор. Ведь потом надо расплачиваться за него,—пытался вразумить я его.

А он в ответ:

—Николаич, спаси мое доброе имя—его сиятельства Мишки-барона.

Ваш начальник куда-то отлучился и номер свободный. Дай мне, ради Бога, занять его.

—Ну, Миша, ты однако хват!—и, улыбнувшись, выделил ему аванс.

Через час Миша с какими-то корзинами появляется перед администратором тетей Лидой и, стоя у стойки, просит заселить его в «Люкс». Тетя Лида не отказывает, и доброе имя «его сиятельство Мишка-барон» целые сутки присутствует на устах бегающей туда-сюда обслуги. Корзины были оставлены у стойки, и на следующий день мы улетели в тайгу.

На моем объекте предстояло вырубить и протаксировать 350 км визиров и просек. Со мной было четверо рабочих и таборщица. И вдруг в один из дней, пока оборудовали табор, подходит ко мне Мишка и заявляет, что он на прорубку ходовых линий будет ходить один и жить в тайге без напарника.

—Миша, так не положено по технике безопасности. Я не могу тебе это разрешить. Да и зачем тебе так рисковать?

—Николаич, я в лесоустройстве—спроси у старых таксаторов—на прорубку хожу только один. Я в тайге не впервой, и со мной еще ничего и никогда не случалось. А работаю я один потому, что одному легче заработать приличную сумму денег.

—Ну, зачем тебе столько денег, да еще с таким риском для жизни!—не унимался я.

—Э, Николаич, у меня в жизни осталась—после пропавшей семьи, после приличной работы, после заключения—одна мечта: пожить хотя бы несколько дней человеческой жизнью на белых накрахмаленных простынях. Больше я в этой теперешней жизни ничего не могу и мне ничего не надо.

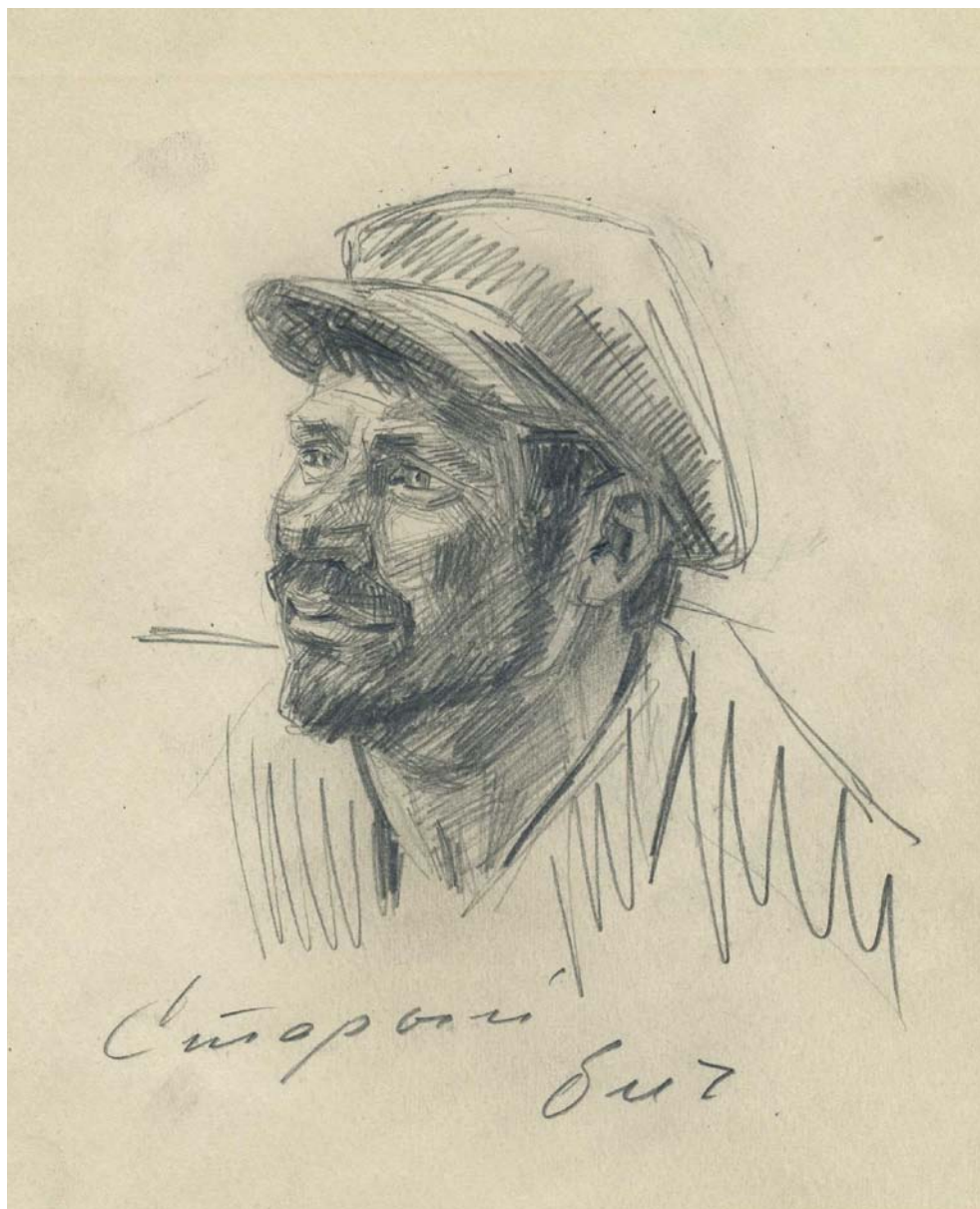
Доводы его были железные. Я разрешил ему рубить в тайге просеки одному, и в этом деле он был высочайшим профессионалом. Осенью он рассчитался, и перед заездом в какую-то зимнюю геофизическую экспедицию, две недели валялся в чистых накрахмаленных простынях, потягивал коньяк и попыхивал сигарой.

Отправляясь в тайгу, всегда следует помнить, что в тайге тещи нет, в тайге хозяин—тайга, а прокурор в ней—медведь. Это означает, что твоя жизнь в тайге зависит только от тебя самого, от умения жить в тайге и жить при этом комфортно.

Аванс бичам никогда не давай бех их подписи.

Мертвая дорога Салехард—
Игарка. Одна из многочислен-
ных строек ГУЛАГа, где рожда-
лись бичи, отдававшие после
отсидки свою свободную жизнь
служению экспедиционному
делу лесостроителей, геологов,
геофизиков, геодезистов.

Кружка браги за нокаут

Это было в Западной Туве на одном из притоков Ак-Суг. Несколько дней, преодолевая горные дороги на ГАЗ-47, мы наконец-то, добрались до места. Мне предстояло провести подготовительные работы к лесоустройству следующего года—заложить десять пробных площадей и трансект с проведением таксации для тренировки. Со мной было два бича, таборщица и инженер-лесопатолог Людмила Ильинична Трегубова. Переночевав, мы на следующий день поставили палатки, в одной из них соорудили баню, сделали кострище и кухню, к завершению полевого сезона поставили брагу. Шла обычная работа, по обустройству табора для комфортного проживания в осенней тайге. Кругом в распадках и на склонах гор был дикий лес, о котором противным голосом напоминала кедровка. Не было видно каких-либо следов человека, и мы были этому очень рады. Вся наша таежная жизнь по приведению сибирских лесов в известность всегда проходила в безлюдных местах, и к этому мы давно привыкли. Более того, мы чувствовали себя всегда более уютно в нетронутой тайге. Какими бы хорошими не были пришлые люди, для нас они всегда оставались нежелательными чужаками. Случайный человек в тайге, не обученный правилам таежной жизни, даже с добрыми намерениями может напакостить больше, чем местный зверь. А зверя мы никогда не боялись, знали как вести себя при встречах с ним.

Устроив табор, я сообщил в штаб экспедиции, что все в порядке, и завтра мы приступаем к работе. Закончив радиосвязь, я пошел ужинать под навес к костру. И вдруг в нескольких шагах услышал голос и матерки какого-то человека, видимо, переходящего ручей. Я встал и стал ждать нарушителя безмолвия. И—ба!—из кустов выходит человек. И не просто человек, а Пашка Ломаев, известный бич, пьяница, гениальный рассказчик и балагур. Я знал его хорошо. Он из старовойсковской семьи, много лет работавшей в наших экспедициях. Зимой он жил у себя дома

Восторженным комнатным романтиком с гитарой и маменькиным сыночком, любящим сладкую кашу, в тайге делать нечего.

в какой-то деревне на берегу реки Чулым, и каждую раннюю весну приезжал с братом в Новосибирск. Одними из первых они улетали в тайгу с каким-либо таксатором на подготовительные и основные работы. И в этом году они работали с кем-то из наших в Восточной Туве, но никак не в этом районе. Вопреки привычке жить в безлюдной тайге, я невольно обрадовался этой встрече. Он—также. Тотчас узнав меня, был сильно удивлен и расплылся в улыбке. Как я узнал потом из его рассказа, работая с братом у Виктора Парфененко, он поссорился с братом и ушел из тайги. Бичевал в Кызыле, где его подобрал какой-то геолог из Ленинграда. И вот сейчас, с небольшим геологическим отрядом он оказался здесь, на Ак-Суге. Геолог назначил его конюхом, и он стал в отряде очень важным человеком, управляющим четырьмя конями. Их отряд уже несколько дней стоял на берегу реки напротив нашего табора. Услышав какую-то возню на этом берегу, геолог послал его выяснить, кто мы такие. Паша уговорил меня посетить их лагерь и познакомиться с его начальником. Я не стал отнекиваться, да и ни к чему это было, если их отряд собирался стоять здесь всю осень.

Познакомился с геологом и его парнями. Их было пять человек вместе с конюхом. В долине ручья им предстояло провести какую-то геологическую съемку, и мы договорились в случае чего помогать друг другу. При расставании я пригласил геолога и его парней посетить наш табор через неделю, когда созреет брага. Возникла серьезная причина опробовать брагу и отметить столь неожиданное знакомство в дикой тайге, в верховье никому не известного притока Ак-Суга, не дожидаясь окончания полевого сезона.

Наш стол ломился от изобилия. На нем стояли жареные грибы и хариусы, соленые огурцы и помидоры, козлятина и самое изысканное блюдо в тувинской тайге—пироги с картошкой. На таборе нас изредка баловала этим фирменным блюдом Людмила Ильинична.

Все чинно расселись за столом, и наша таборщица Нина стала разливать в 400-граммовые кружки хорошо настоянную брагу с брусникой. Началось обычное застолье, сопровождаемое обычным трепом о тайге, городах и пляжах, о нашей неприкаянной жизни. В костре весело потрескивали дрова, отбрасывая теплые блики на сидящих. Вечер не тянулся, он бежал. Все вели себя корректно и даже были респектабельны в обращениях друг к другу. Бичи с той и нашей стороны молчали, ухмыляясь, лишь изредка взглядом напоминая Нине о кружках. И вдруг среди веселых рассказов все чаще стали проскальзывать матерки, автором

Чифриста в тайгу не бери,
а если ты не доглядел при
найме на работу, что у него
коричневые зубы и трясутся
руки, избавься от него по-
скорее, как от обузы.

которых был, конечно же, Пашка. При всех, я вежливо заметил ему, что он сидит не с бичами на вокзале, а его пригласили в приличное общество, каким мы себя считали. К тому же за столом сидят две женщины, и очень некрасиво с его стороны так некрасиво выражаться. Паша, не привычный к таким изысканным замечаниям, совсем раздухарился, и я вынужден был попросить его выйти из-за стола. Но Паша не унимался. Он никак не хотел покидать стол и заявил, что здесь, в тайге, ни геолог, ни тем более я, ему не указ.

—Ну что же, Паша, коли так, вылезай из-за стола, придется тебя немного поучить, как вести себя в приличной компании,—по-прежнему вежливо пригласил я его на урок.

Этого Паша никак не ожидал.

—Кто будет учить меня? Ты, таксатор? Да я таежник с Чулыма, со мной до сих пор никто не сладил!

—Паша, давай, давай! Струсил?—поддразнивал я раздухарившегося бича. Я-то знал, что справиться с Пашей для меня не проблема. Все-таки, в студентах я занимался борьбой. Паша выскочил из-за стола и бросился ко мне. Не дав ему приблизиться, я тут же отработанным приемом бросил его на землю. Придавив Пашу к земле, я сильно потянул его ухо к себе. Он заорал от боли. И тогда прямо в ухо я ему тихо и серьезно посоветовал, чтобы он тотчас убрался за ручей, в противном случае завтра не получит ни капли браги для опохмеля. Ворча, Паша поднялся, держась за ухо, и тут же рабочие геолога уволокли его на другую сторону ручья. Я снова сел за стол, и мы приступили к чаепитию, продолжая прерванный треп. Поздно ночью разбрелись по палаткам. Геолог ушел к себе.

Наступила тишина, и только яркая луна освещала поляну, на которой догорал костер. Но эта райская тишина продолжалась недолго. С той стороны прибегает один из геологических бичей и кричит, что там завязалась драка между нашими и их рабочими.

Прибегаю в лагерь геолога и вижу на земле рычащую кучу-малу, не разобрать, где свой, где чужой. Не долго думая, отрываю сверху одного и даю ему по челюсти, отрываю второго—даю по шее, одновременно выясняя, кто затеял драку. Третьего отгоняю пинком. Наконец добираюсь до Паши. Он рычит, сопротивляется, вскакивает и пытается броситься на меня. Я оглянулся: берег высотой метра два круто обрывается в воду, и тогда я с удовольствием, тыльной стороной ладони, чтобы не оставить кровавых ссадин, даю ему по челюсти, и он с берега летит вниз.

Драка закончилась. Бичи куда-то разбрелись, а мы с геологом еще долго сидели в его палатке при свечке, попивая чай, мурлыкая песни Вертинского. Расстались только к утру. Утром сидим с женщинами под навесом, завтракаем, обсуждаем прошедшую ночь. Смотрю—идет один из моих рабочих с фингалом под глазом, другой—держась за шею, и оба с виноватым видом присели к костру. Один из них пробурчал, что я поступил очень правильно, решительно прекратив драку, которая могла бы плохо кончиться.

—Ладно, забудем. Садитесь за стол и через час уходим на работу—деловито произнес я.

Поев, стали собираться в тайгу. Но—не тут-то было! Из-за кустов, со стороны ручья, появляется Паша. Веселый, энергичный, размахивая руками подходит к нам и заявляет:

—Ну, Николаич, это был удар! Блестящий удар—я и в нокауте и в воде! Никогда я еще не получал такого профессионального удара! Даже следов нет. Вот это да! Николаич! Голова болит, похмели ради Бога!

Мы все заржали, держась за животы. Наши женщины умирали от смеха, хотя долго не могли понять, за какой такой удар надо наливать Паше кружку браги.

Продолжая смеяться, я подвел итог вчерашним событиям:

—Ну, ты и артист, Паша! Я еще ни от кого не получал такого комплимента. Тем более за драку, которую ты затеял. Ну, как я могу отказать тебе в лекарстве!

Подмигнув женщинам, я попросил их налить пол-литровую банку браги этому смутьяну. Паша перекрестился и со вкусом медленно выпил эту кружку, после чего весело отправился к себе.

Геологи стояли около месяца, а потом куда-то ушли. Паша, как мог, помогал нам конями, часто сидел около нашего костра и ни разу за все время не матюкнулся на нашем таборе.

Бичей никогда не учи—как
жить, лучше слушай ихнюю
жизнь. Без усилий ты прой-
дешь еще курсы универ-
ситета жизни и это пойдет
тебе только на пользу.
Ты станешь намного умнее.

На работу приняли, аванс получи-
ли, завтра отлет на Дальний Восток.
(Крайние—Сашка Банников, с которым
выползали из тайги и Виктор Мазин,
моторист—«проходимец» всех порогов
на Гилые).

Команда обычного таксаторского отряда состоит в основном из 7-9 человек—таксатора, техника (часто без техника), таборщицы и 4 или 6 рабочих. Каждый такой отряд забрасывается на 100-300 км от населенных пунктов в совершенно неизвестную тайгу, где должен был обследовать леса за 4-6 месяцев на площади 30-40 тыс. га. Заброска отрядов на такие объекты проводилась с помощью автомашин при наличии проходимых дорог, а без дорог — только лодками, вьючными конями и оленями. Работы же внутри объектов осуществлялись без транспорта за редким исключением в южных горах Сибири, где использовались вьючные лошади. За плечами каждого таксатора за полевой сезон за плечами накапливалась не одна тысяча километров заходов, и они выходили из тайги здоровыми подобно лосям во время гона.

Лесная экспедиция уходит в Зейские леса.
Дальний Восток, д. Бомнак, 1959 год.

Лесная экспедиция уходит в леса верховья
реки Северная Сосьва. Западная Сибирь,
р. Северная Сосьва, 1963 год.

Бензин кончился. Придется последние километры добираться пешком.

Все далее и далее, в тайгу в верховья реки Куль-Еган. Западная Сибирь, Нижневартровский район, 1964 год.

Наконец-то добрались до места.
Западная Сибирь, 1977 год.

Все города в Сибири начинались
с палатки.

А это автор книги. Дальний Восток, река Гиллюй, 1960 год.

Крещение

Стажировка у Андрея Барышева завершилась. Я кое-чему научился в нашем профессиональном деле, но главное, получил неплохую практику—как жить в тайге, делать заходы в тайгу, как вести себя с бичами. Я прошел тренировку со всеми таксаторами, после которой был допущен к самостоятельной работе. Тренировка при лесоустроительных работах проводится с целью проверки профессиональной готовности каждого таксатора к проведению самостоятельных таксационных работ в лесу. Для этого, согласно технологии, один из таксаторов на определенной лесной территории закладывает 10–15 пробных площадей (тестовые участки размером 0,5–1,0га), на которых проводит сплошной пересчет деревьев с измерением диаметра на высоте 1,3м, измерение высоты, возраста и прироста у деревьев, взятых в качестве моделей. На пробных площадях также проводят обследование естественного возобновления, оценку состава и обилия травяно-кустарничковых ярусов, описание почвенного разреза. После этого таксатор обрабатывает полученные материалы и дает полную характеристику насаждения, содержащуюся в таксационных и геоботанических показателях—состав и возраст древостоев, бонитет, их средний диаметр и высота, сумма площадей сечения деревьев и полнота, запас в кубических метрах, товарность древостоев, видовой состав и обилие травяно-кустарничковых ярусов, возраст, высота и количество подроста, тип почвы и тип леса.

На этих пробных площадях, прежде чем приступить к таксации своих участков, все таксаторы экспедиции проходят тренировку. Каждый таксатор с помощью простейших измерительных инструментов проводит глазомерное определение всех выше обозначенных таксационных показателей и заносит в специальный журнал. Начальник партии, руководитель тренировки, проводит сравнение данных глазомерной оцен-

Никогда не посылай в тайгу людей, не прошедших инструктаж по технике безопасности.

ки таксационных показателей с вычисленными, и если они находятся в пределах допустимых ошибок, таксатор допускается к самостоятельной работе.

После проведенной тренировки я прибыл на свой объект с двумя бичами, с которыми должен был приступить к промеру просек и визиров, постановке квартальных и визирных столбов и, самое главное, к таксации лесных участков. Нам предстояло промерить 350 км просек и визиров, через каждые 200 м поставить пикеты, обозначающее расстояние от квартальных и визирных столбов. По данным промера я должен был отметить границы лесных участков—таксационных выделов, отличающихся таксационными показателями—и протаксировать, т.е. определить и описать все таксационные показатели, обозначенные выше, и занести их в специальный полевой журнал—журнал лесной таксации. Я должен заносить в журнал все данные о насаждениях только простым карандашом и все показатели отмечать разборчиво, чтобы избежать двоякого понимания. В случае же, если возникнет нужда исправить показатель, то ни в коем случае нельзя пользоваться стиральной резинкой. Показатель должен быть зачеркнут, рядом с ним поставлен другой и тут же должна ставиться роспись. Роспись указывает на то, что исправление в журнал внес сам автор таксационного описания. Вся эта работа должна быть выполнена мной в первый сезон, и эту работу я должен был делать и в последующие сезоны, если останусь работать.

Мы собирались в первый заход на 10-12 дней с заданием промерить около 80 км просек и визиров и описать все лесные участки в пределах этого расстояния. Набрали продуктов: тушенку, макароны, рис, сухари, сало, чай, сахар, соль. От комаров взяли пол-литра диметилфтолата, два марлевых полога, тент, по плащу и запасное шерстяное белье. Рабочие взяли с собой два топора, мерную стальную ленту. Я имел специальную таксаторскую папку, в которую положил аэроснимки. Папка имела специальную твердую обложку для удобства ведения записей. У каждого рюкзак был набит полностью, и весил 15-17 кг. При заходе предстояло ночевать там, где застанет ночь, и в связи с этим, рюкзаки должны находиться с собой.

Итак, я отправился в первый заход. Это было 21 июля 1959 года. Стоял жаркий день. От болот парило. В ту пору не было энцефалиток. Спец-одеждой были хлопчатобумажные черные комбинезоны и кирзовые сапоги, в которые мы и были одеты и обуты.

Мокрые от пота, мы к обеду добрались до площадки начала наших ра-

В тайге лучше ходить хантейским шагом. Этому можешь научиться у того, кто уже так умеет ходить.

В заход без оружия никогда не ходи.

бот. Пока пили чай, пока я готовился к выполнению работ, день начал клониться к вечеру. С наступлением прохлады поднялся очень густой комар, от которого практически не спасали ни накомарники, ни диметилфтолат. Рабочие как-то терпели гнус. Они были в тайге не первый год. Для меня же появление такого плотного гнуса стало явлением, которого я не ожидал. Я старался терпеть, старался не показать, что мне очень и очень тяжело. Рабочие поставили квартальный столб, наделали пикетов и пошли вперед с промером. Я шел за ними. Впереди мне казалось, что лес меняется через 50 м, и я постоянно останавливался и описывал его. Я должен был внести в журнал таксации 15 таксационных показателей, не уходя из этого участка. Опознав его на аэроснимке, я отмечал уколом иглы начало его границы. Окончив описание, спешил за рабочими. Дойдя до границы описанного участка, я отмечал его завершение и переходил в новый таксационный выдел и снова приступал к определению таксационных показателей: вносил их в журнал, опознавал на аэроснимках и, выходя из него, иглой ставил границы. При входе в каждый новый выдел продолжалась та же работа: определение таксационных показателей глазомером и простейшими инструментами, внесение их в журнал таксации, опознавание границ на аэроснимках. И вот уже вечер, но солнце все еще не заходит. Гнус стал еще плотнее. Работа превратилась для меня в сущий ад. За три часа мы прошли три километра, на этих трех километрах я выделил и описал около тридцати выделов насаждений, казавшихся мне сильно отличающимися друг от друга. Вышли на болото. По болоту мы прошли около двух километров, и мне ничего не надо было писать. Я шел, наслаждаясь жизнью, ничего не описывая, и только борясь с густым облаком комаров, сопровождающим меня. Просто плетусь за рабочими, которые через 200 м ставят пикеты, ничего по таксации не делая. Но болото скоро кончилось. Опять начался лес и те же измерения. Через 150 м вышли к ручью и решили заночевать. Разожгли костер, поставили полога, сделали постели. Но гнус поднялся такой густой, что спастись от него и под пологами не удавалось. Светлая северная ночь прошла, как и день, с мучениями. Утром, в четыре часа, вместе с подъемом солнца поднялись и мы. Обновили костер, позавтракали, и под облаком гнуса около семи часов отправились дальше. Снова начались измерения, описания, и мне стало казаться, что что-то я делаю не так, не профессионально, выделяя и описывая небольшие площади лесных участков, которые, как мне казалось, значительно отличаются. Я стал более внимательно всматриваться в различия и все больше стал разочаровываться в своей работе. День был

ясным, солнце пекло, гнус пропал, но стало невыносимо жарко. Я начал выбиваться из сил, и во мне постепенно начало зреть истеричное настроение. Я осознал, что делаю все неправильно и не вижу, как это исправить. В конце концов окончательно выбился из сил и решил, что надо останавливать работу и как-то объяснять рабочим, что я хочу вернуться.

Прошли километр. Обычно при постановке километрового пикета рабочие делали все четыре пикета для их постановки при промере следующего километра. Мне было крайне неприятно начинать разговор о возвращении на точку, откуда мы начали промер и таксацию. Пришлось бы признаться, что я еще неопытный салага в своем деле, и что решил все переделать. Рассказал я все парням и они отнеслись к этому с пониманием. Пошли назад. Пройти надо было 7 км. Эти 7 км стали для меня самыми тяжелыми в жизни. Всю дорогу я клял себя, что связался с этой работой, с этой экспедицией, что свою жизнь мог бы устроить по-другому, лучше. Пришли на прежнюю ночевку. Я полностью выбился из сил, их хватило только кинуть под себя плащ и распластаться на нем.

—Саня, давай, кипяти чай, ничего больше не хочу.

Жара стояла невыносимая, и это, к моему удивлению, на севере, а не в Узбекистане. До этого я работал один полевой сезон в Узбекистане и в Туркмении, но там я не страдал от жары так, как здесь. Правда, там в жару мы не работали, сидели в чайхане или где-то в саду, пили чай, дожидаясь, когда спадет жара. Наши объекты были недалеко от населенных пунктов, у нас была машина, и мы могли найти любое относительно прохладное место. А здесь некуда было деться. Там, на юге, жара сухая, и чай был единственным напитком, который спасал нас. Кстати, и здесь он оказался спасительным напитком. И вот наконец-то чай купеческой заварки готов. Я пил его горячим, и пока пил, мне становилось легче. Откинувшись после второй кружки на плащ, я уже вслух, не стесняясь рабочих, костерил и эту лесоустроительную экспедицию, и эти гиблые мокрые места, и свою еще неустроенную жизнь, и даже свое высшее образование, которое, как мне казалось тогда, было слишком большим для этой работы. Рабочие сидели у костра, попивая чай, и только ухмылялись. Я уже дошел в своей ругани до того, что, как только я выйду из тайги, сразу же уволюсь, что моей ноги в этой гребаной тайге больше не будет. Выхожу на Большую землю и уеду работать обычным лесничим или инженером в лесхоз. Буду спать каждый день на белых накрахмаленных простынях, по утрам есть свежие пирожки или оладьи со сметаной, которые по утрам будет готовить моя жена, которую я непременно заведу, как только буду там, на Большой зем-

ле. Я не стеснялся все это говорить вслух, запивая свои сетования чаем, который Санька постоянно подливал в мою кружку. День клонился к вечеру. Надо было решать—или выходить на табор, и отваливать из этой гребаной тайги, или же как-то продолжать работу. Несмотря на то, что я все время пил крепкий горячий чай, я начинал постепенно остывать. В голову невольно лезли другие мысли. Как же я сейчас буду увольняться? Как и кто за меня будет возвращать забор в виде продуктов, экспедиционного барахла и, конечно, собственный аванс, взятый на личные нужды. Пошлет ли за мной начальник экспедиции вертолет, или пошлет меня далеко-далеко с моей истерикой. А как я буду смотреть в глаза своим друзьям, родне, и сам видеть себя в зеркале, как человека-неудачника, слабака, и, в конечном итоге, труса. И сколько я создал неожиданных неприятностей для бичей, сидящих у костра рядом. Они же тоже молодые еще, так называемые «кожаные» бичи. Они надеялись что-то заработать с этим молодым таксатором. Как рассказывал начальник партии, они очень не хотели со мной работать, заведомо зная, что с начинающим таежником настоящих щей не сварить. После моего увольнения их тоже некуда будет послать, и начальник партии их тоже уволит. Притом уволит без копейки денег. Они же еще ничего не заработали со мной. Уже не ухмыляясь, они ждали моего решения...

—Саня, завари-ка еще чаю!

Жара спала. Я поднялся со своего плаща и сел у костра. И неожиданно, не готовясь, заговорил о деле, забыв все, что накипело за день.

—Мужики, ночуем здесь, ставьте полога, а завтра работу переделаем. Т.е. я переделаю свою работу. Что-то я здесь наколбасил, и шибко сомневаюсь в том, что я сделал правильно. Вы уж меня извините, но я начинающий таксатор, и я должен сам разобраться в своих огрехах. Вы будете рядом со мной и в процессе таксации свалите несколько модельных деревьев для обмера. Это надо для тренировки определения возраста и высоты деревьев. Имейте в виду, эта работа для вас, также как и промер, обязательна, и она оплачивается.

Переночевали третью ночь. Постепенно стали привыкать к комару. Диметилфтолат, эта маслянистая противная жидкость, когда не потешь—помогала, особенно, когда лежишь под пологом. Солнце опять поднялось очень рано. Стояли самые длинные дни в году. Поднималось оно на чистом небосклоне, и было по всему видно, что будет такой же длинный, жаркий день. Ни слова не говоря, позавтракали, напились вдоволь Индийского чая второго сорта Иркутского развеса и отправились делать

В заходе следует ходить только друг за другом гуськом, след в след как волки зимой.

работу сызнова. Я стал более внимательно, более дотошно смотреть на строение древостоев, на их сходство и отличие. И неожиданно понял, что все время нарушал инструкцию. Я слишком дробил лес на мелкие участки, таксационные выделы, что никоим образом не должен был делать согласно требованиям к точности таксации по III разряду. И меня осенило, как надо делать единую таксационную оценку насаждений, не смотря на их кажущиеся для меня значительные различия. Будучи уверенным в результатах таксационной оценки, неожиданно для себя, я на месте выделенных вчера 15-ти выделов описал только пять. Это было для меня настоящим достижением. Я почувствовал какой-то непонятный вкус к работе, и даже желание выполнить тот план, который я наметил с молодыми бичами. И работа пошла. Впереди рабочие вели промер, ставили пикеты, квартальные и визирные столбы, а я вел журнал таксации и переносил промеренные линии на аэроснимки. Ночевали, где придется, когда наступала ночь. Поднимались, завтракали макаронами с тушенкой, напивались чаю, и снова за работу. Работа близилась к концу. Закончился десятый день в тайге. За десять дней, так как я намечал, промеряли и протаксировали 80км ходов. Для начинающего таксатора это более чем достаточно. Продукты практически закончились. Осталось раза на два сухарей, немного чая и сахара. Решили выйти на ночь на табор. До табора всего 20 км и, конечно, к восьми часам мы доберемся. Закинув на спину почти пустые рюкзаки, мы отправились на табор, чтобы успеть засветло истопить баню. Шли, не торопясь, но поспешая. Шли по тропе и километров через пять вышли на озеро Понтур. Озеро надо было обогнуть, и там до табора оставалось всего пять километров. Шли по заболоченному берегу, наблюдая за гладью воды. Впереди у своего берега увидели двух лебедей, которые, не поднимаясь, удалялись от нас к противоположному берегу. Подняли стайку уток, запоздавших сесть на гнезда. Вдруг тропа поднялась на гриву, и мы вышли в сосновый лес, внизу покрытый белыми лишайниками, оленьим ягелем. Было тепло, комар, так же, как и все дни, густыми клубами преследовал нас, но мы уже к нему привыкли. Мы пропитались диметилфтолатом, и он не давал комару присесть на нас и освоиться. Нам было хорошо, и мы решили остановиться покурить. Присели на поваленные деревья и с удовольствием затянулись ленинградскими папиросами «Звездочка», наблюдая с высокого берега за озером, от которого было не оторвать глаз. Вода стояла неподвижно, лишь изредка ее пятнали круги от поднывающей к поверхности рыбы. Небо, покрытое предзакатными тучами, отражалось в воде огромной разрисованной сце-

При переходе через завалы деревьев, ступню ставь только поперёк ствола на участок желателно без коры.

нической занавесью, и, глядя на все это, не хотелось никуда идти, даже на табор. Один из бичей не стал сидеть и наслаждаться видом, куда-то ушел и полчаса не возвращался. Потом, неожиданно вылез из-под крутого берега и бросил наземь семь крупных окуней на кукане.

—Как тебе удалось так быстро поймать?—воскликнул я радостно.

—Да очень просто! Всегда ношу с собой маленькие блесна, вот на них и поймал.

—Как? Так быстро?—не унимался я.

—В этих озерах всегда полно окуней и щук. Не ленись, держи при себе блесна и леску и всегда на простое удилище что-нибудь поймаешь,—объяснил он.—Лучше, начальник, скажи, что делать с ними—тащить на табор, или как?

Я посмотрел на него, на гладь озера, на дымку тумана, поднимающуюся от воды, и очень просто ответил:

—Давай, делай уху.

Мужики сообразили сразу, что делать. Санька собрал еще живых окуней в котел и произнес:

—Сварю-ка я вам настоящую хантейскую уху.

—Ну, что ж, хантейскую, так хантейскую...

Я еще знал, что это такое. Отошел на другое место, лег на бок на теплый лишайник и снова стал наблюдать за водной гладью с облаками. Такой картины я не видел ни на одном живописном полотне. Оказывается, и в тайге просыпается желание увидеть что-то необычное, несмотря на каторжную работу и гнусную жизнь у костра. Задремав, я услышал:

—Начальник, уха готова, к столу!

Я поднялся, подошел к горящему костру. На столе, т.е. на постеленном плаще, на берестяных подложках, лежали не распоротые и нечищенные окуни, рядом с ними насыпаны сухари и отдельно стояли кружки с жидкостью, т.е. ухой. Я сел, недоумевая смотря на Саньку, спросил:

—Так это и есть уха—из не распоротых и нечищенных окуней?

—Начальник, не бери в голову,—улыбаясь, ответил Санька.—Надо первый заход отметить настоящей ухой, вот я и сделал ее. Садись, снимай шкуру с окуней, вытряхивай из них кишки и закусывай ими, попивая ее из кружки.

Делать было нечего. Я послушался более опытного бича и приступил к трапезе. До этого, как оказалось, я и не едал настоящей ухи. Это та самая настоящая уха, которую редко, кроме хантов и таежников, когда-либо кто едал. Мы уже никуда не торопились, наслаждаясь ухой и видом на озеро.

Заночевали, а утром пришли на табор. После этого захода я и не помышлял никуда увольняться, и вот уже 50 лет я постоянно уезжаю в тайгу...

Первым делом затопили баню. Мокрые от пота, залезли под палатку—баню. Выпарились. Сменили невероятно грязное, засаленное нижнее белье. Мы были измотаны ночевками у костра, изъедены комарами, и теперь в чистом белье, забравшись в спальные мешки с белыми чистыми вкладышами, всласть отдались сну и проспали весь день. Это было настоящее наслаждение жизнью, которого я до этого никогда не испытывал. Была забыта истерика в тайге и вечером, когда я проснулся, Санька снова приготовил хантейскую уху, и она, как бальзам, после сна смазывала кишки и душу. Я теперь не помышлял ни о каком увольнении и начал готовиться к следующему заходу. Но не тут-то было. На таборе еще с вечера начал стелиться по глади Конды туман, похожий на дым. Никто особо на это не обратил внимания. Утром же этот туман, похожий на дым, стал плотнее, и невольно внутри поселилась непонятная тревога. Один из бичей за завтраком обронил:

—Это не туман, это дым. Похоже, где-то горит тайга.

День стоял жаркий и сухой. К обеду дым с той стороны, откуда мы пришли, стал еще плотнее, и не было уже никакого сомнения, что это пожар, и горит именно в стороне, откуда мы пришли. Возник вопрос: что делать? С базой сейчас не связаться. Связь всегда была только утром и вечером, и до вечера не у кого было спросить: что же делать? И все-таки я каким-то звериным чутьем догадывался—не мы ли виновники этого дыма? Не оставили ли мы какие-то признаки не затушенного костра?

—Слушай, Сань,—обратился я к Сашке Банникову,—сгоняй-ка на последнюю ночевку и посмотри, что там осталось после нас. Вроде мы хорошо затушили костер. Мы же его основательно затоптали? Но все-таки—сгоняй туда. Туда час, назад час, может, пожар в тайге где-то в другом месте.

Саня, не размышляя, сразу же отправился на место нашей ночевки. Прошел час, пошел второй. Наконец появился Саня и объявил:—Горим.

Тайга горела в той стороне, где мы ночевали. Тут уж было не до размышлений. И вот мы в чистом белье, в ботинках, по глупости даже не переобуваясь, схватив лопаты и топоры, отправились туда, где кайфовали ночь на берегу озера. Тропа была набитая, и мы почти бегом прошли километра три. Дым стоял плотный, кисеей завесив кроны деревьев. Еще прошли километр и далее увидели за болотцем, как горит наша грива. Мать честная, что делать? А что делать?—Тушить. Мы подбежали к гра-

С бичами обращайся как с равными партнёрами, но не фамильярничай и никогда не унижай. Бичи уважают только строгих и справедливых профессионалов. С ними бичи пойдут в огонь и воду.

нице огня и увидели, что нам не справиться с ним. Сухой лишайниковый покров горел с сухим треском и резво стеной шел в нашу сторону. Мы бросились тушить и скоро поняли, что наша борьба с огнем равносильна борьбе Дон Кихота с ветряными мельницами. Сухой лесной покров тут же выгорал и огонь с еще большей свирепостью двинулся на нас. Дышать нечем. Опаленные, в саже, мы отступили метров на сто от границы пожара и стали лихорадочно решать—что же делать? Было совершенно ясно, что мы виноваты, вернее, виноват я, что не проследил за окончательным уничтожением остатков нашего костра. Что делать?! Что делать?! А ничего. Пришла мысль: пусть горит эта красивая грива леса. С одной стороны она примыкает к озеру, а со всех остальных граничит с болотами. Только перешеек, шириной метров сто, связывал горящий массив с таким же сосновым лесом, откуда мы пришли. Допустить огонь через перешеек—это уже катастрофа. Там начиналась столетняя тайга без всяких болот, и если она загорится—будет катастрофа. Огонь приближался, и у нас не было выхода. Пусть горят эти двадцать гектар, но нельзя допускать огонь через перешеек. И вот мы втроем лопатами и топорами начали сдирать до грунта моховой и лишайниковый покров, убирать валеж и сухие деревья. Через час уже никаких сил не было, а всего сделали только треть работы. Вышли на край болота передохнуть. Слышим—высоко в небе барражирует АН-2. Самолет-наблюдатель делает круги, видимо, высматривая площадь сгорания леса и движение фронта огня. Через полчаса он улетел, и больше не появлялся. Смотрим—небо стало постепенно заволакиваться тучами. И вот здесь нельзя было не вспомнить Бога. Господи, смилостивись, дай дождя!—вспомнив бабушкин голос, полусерьезно, полушутя попросил я небо. Небо заволакивало тучам, но оно пока было равнодушно к нам. Пожар не унимался, и линия огня упрямо продвигалась к перешейку. Передохнув минут двадцать, мы вернулись в лес и с остервенением опять продолжали делать минерализованную полосу. Лопатой убирали лесную подстилку, убирали валеж, рубили сухие деревья. Силы уже оставляли нас. И вдруг—первые капли дождя! Боже, ты услышал нас! Капли становились все гуще, и минут через десять пошел настоящий ливень. Радость переполняла нас, и мы, несмотря на усталость, стали прыгать и приплясывать. И вот уже через полчаса не стало огня. Дождь прекратился внезапно, уйдя дальше в тайгу, подгоняемый ветром. Дым рассеивался. На площади, пройденной огнем, все было черно. Только валеж и пни еще дымили. Все кончилось. Мы были в восторге от счастливого конца, не обращая внимания на черноту, оставленную пожаром. Мы прошли по гра-

нице фронта огня, которая была длиной около километра. Нигде она еще не подступила к болоту, и полоса зеленеющего леса еще местами метров на пятьдесят отделяла кромку огня от болота. Мы внимательно затоптали всякие дымки на границе пожара и пошли выяснять причину.

Пришли к нашему костру. На месте костра были угли, свидетельствующие, к нашей радости, что мы его затушили. Однако, нет. Узкая полоса лесной подстилки немного подгоревшая, вела к лишайнику. Этот лишайник и загорелся от тлевших искр, пришедших через подстилку от тлевших углей, оставленных на месте костра. Мы все тупо смотрели на эту полоску, ничего не говоря. Все трое поняли, что с огнем шутить нельзя, и уже не было смысла выяснять, кто больше всех виноват. А виноват я—и не только в том, что не проследил за тем, кто гасил костер, но и в том, что сам этого не сделал. А надо было просто сгрести лесную подстилку в 1,5-2-х метрах по окружности от костра до грунта и ее сжечь в костре, дождав-шись, когда прекратится дым в костре. Делать здесь было больше нечего, и мы отправились на табор.

Вечером по связи я сообщил начальнику экспедиции Владимиру Ивановичу Трегубову о случившемся. Он выслушал меня, долго молчал, и наконец сказал:

—Я знаю, что у вас был пожар. Местный летчик-наблюдатель с авиабазы мне уже сообщил об этом. А теперь слушайте и запоминайте. Немедленно возвращайтесь на пожарище и живите там до тех пор, пока не убедитесь, что он не возобновится. Все! До связи.

В рации заверещало, и связь прекратилась. Как возвращаться?—недоумевая, задавал я себе вопрос. Мы совершенно обессилели, были сплошь покрыты сажей. Ну какое там может быть возобновление пожара? Мы, вроде бы, хорошо все затоптали по границе. «Нет, начальник, ты пере-страховываешься»—подумал я.

—Саня, давай топить баню, а завтра посмотрим.

Опять помылись в бане. Сменили белье на чистое, которое нам приготовила таборщица. Поужинали и с чистой совестью разошлись спать. От усталости и бани мы валялись с ног. Проспали часов до одиннадцати утра. Небо было чистое, солнечное, и к обеду уже было жарко. Мы спокойно завтракали, пили Индийский чай второго сорта Иркутского развеса, и довольные собой, безмятежно беседовали. Прошел час, второй, и уже часам к трем дня опять появился запах дыма, стал стелиться легкий дымный туман. «Неужели это опять от нас, неужели начальник экспедиции прав?»—екнуло у меня в голове.

Умей разжигать костёр одной спичкой, помня, что однажды сохранённая спичка спасёт тебе жизнь.

—Саня, Николай, давайте лопаты, топоры, пошли к нашему пожару.

На этот раз мы спокойно переоделись в спецовку, натянули сапоги и отправились к нашему сгоревшему лесу. Дым становился все плотнее, и когда мы подошли к вчерашней границе огня, мы увидели, что опять начался пожар. Стоял еще не сплошной огонь. Лес горел отдельными участками, и мы сходу, не останавливаясь, приступили к тушению огня. Наконец-то все погасили. Пусть пока тлеет, а мы тем временем перекапываем перешеек.

До самого позднего вечера мы перекапывали перешеек, и наконец-то к 12 ночи закончили.

—Вот теперь пусть горит синим огнем!—произнес Санька и вонзил лопату в торф болота.

Я посмотрел на его радостное, торжествующее лицо и сказал:

—Нет, Саня, а теперь мы останемся здесь, и будем здесь жить до тех пор, пока не уничтожим все сомнительные участки, которые могут возгореться по кромке огня. Видел, сегодня снова кружил самолет?

Еще три дня мы жили, теперь уже около сгоревшего леса, круглосуточно следя за кромкой еще не сгоревшего леса. И только окончательно убедившись, что уничтожили по границе бывшего огня все, что могло гореть, мы вернулись на табор. Вечером заверещала рация, и Трегубов матом отчитал меня за то, что мы не вернулись на пожарище сразу же, как он сказал. Я сидел, спокойно слушая мат по рации, и осознал, что крещение таежное завершилось, начинаются обычные рабочие будни. После таких уроков таежной жизни я уже не помышлял ни о каком увольнении. Крещение пошло на пользу, и я рад тому, что оно было. Неизвестно, кем бы я стал, уйдя из экспедиции, но я совершенно уверен, что судьба распорядилась правильно. Уже более пятидесяти лет я занимаюсь исследованиями Сибирской тайги, и я вряд ли смог бы заниматься чем-либо иным. Одно, и самое важное, я уяснил после крещения: тайга—это серьезно, и шутить с ней опасно.

Никогда, сидя у костра не
прикуривай от спички.
Это выдает твое плохое
воспитание.

А это и есть начальник многих таежных экспедиций Владимир Иванович Трегубов, выпускник Воронежского лесотехнического института.

Господи! Храни их.
П. Покур на Оби, 1964 год.

Ми-4, главная таежная лошадка. Продукты и письма привез, отчет и письма забрал, а теперь появится только через месяц.

День Святого Владимира

Вертолет шел из Ивделя на озеро Арантур. Половина салона буквально до потолка была забита экспедиционным имуществом и продуктами. Кроме груза в салоне человек пять рабочих и я. Рабочие одеты в грязные фуфайки. Лица их были серыми, небритыми, сильно помятыми. Это были недавно освободившиеся из лагерей люди, которых наши руководители брали на работу и отправляли на озеро Арантур, на объекты нашей экспедиции и другой, в распоряжение таксатора Андрея Барышева. Недавно принятый на работу, я летел к нему проходить двухнедельную стажировку. Только после ее прохождения меня могли допустить к самостоятельной таксационной работе.

Я сидел рядом с кабиной пилотов и исподлобья наблюдал за рабочими, с которыми мне предстояло работать в тайге. Думал, как так получилось, что вопреки нежеланию работать в самом мокром и самом комарином месте на земле, я попал в этот край.

Несмотря на то, что в экспедиционной работе я был не новичок, но, тем не менее, 1,5 часа полета над болотами и лесами, уходящими за горизонт, не видя ни одного жилья внизу, я серьезно тревожился за свое будущее. Лечу, как мне сказал начальник экспедиции, «к очень бывалому и даже легендарному Андрею Барышеву, на стажировку. Он тебя всему научит, и что делать в тайге, как жить в тайге, а также не менее важному, как общаться с рабочими, недавно вот наконец-то появилось внизу большое озеро. На высоком берегу, на краю поляны стояла изба. Внизу, рядом с избой, стояла куча людей, задрав головы вверх.

Вертолет сел недалеко от них. Механик первый выскочил, посмотрел вниз, под брюхо, и показал указательный палец первому пилоту—мол, все в порядке. Винты остановились.

К вертолету мелкой рысцой подбежал небольшой невзрачный человек в облезлой шапке из соболя и что-то стал обсуждать с пилотом. По-

Как жить в тайге никто и никогда не учит, гляди и мотай на ус, делай как делают таёжники.

том махнул рукой рабочим. Мы шестеро выскочили из салона и стали поодаль.

—Что выскочили? Ну-ка, двое, быстро в вертолет и подавайте груз.

Я и один рабочий заскочили в вертолет и стали быстро передавать груз рабочим внизу. Вертолет разгрузили быстро. Винты начали раскручиваться, рев мотора нарастал. Механик заскочил в салон, захлопнув дверь, и вертолет через минуту взмыл воздух. Не сделав обычного круга, он прямо пошел на Ивдель.

Наступила тишина. Как я понял, подбежавший мужик и был Андрей Барышев. Он дал распоряжение рабочим и они, захватив практически весь груз, поволокли его к избе. Потом Барышев направился к нам и сразу подошел ко мне, видимо по одежде и по стойке сразу определил своего ученика. Он протянул руку, представился, попросил идти к избе и там подождать его. Потом подошел к рабочим и повел их на край поляны, где на опушке леса стояли палатки.

Я сел на завалинку дома и стал смотреть на озеро. Около противоположного берега, покрытого лесом, я увидел штук пять плавающих лебедей, большую стаю уток и летающих над водой чаек. Я впервые был на одном из живых озер Западной Сибири, полном всякой дичи. Подумалось: вот тебе и гиблый край! Глядя на пролетающие стаи уток, я чувствовал, что мой интерес к озеру возрастал, появился охотничий азарт.

Наконец подошел и сел рядом Андрей. Закурил ленинградскую «Звездочку»:

—Ну что, ко мне, на стажировку? Давай, стажируйся. Смотри, наблюдай за мной и рабочими, перенимай, как и что мы делаем, не стесняйся, спрашивай. Но лучше не спрашивай. Когда всему тому, что мы умеем делать, научишься, то потом можешь делать все по-своему, не уча никого. Увижу в твоих действиях, что-то толковое, всегда поддержу и даже, возможно, использую для себя. Что касается самой таксационной работы—смотри, что я делаю, и делай точно также сам. В таксации ничего своего не придумывай. Мы, таксаторы, все делаем по инструкции, которую, я так думаю, в Новосибирске ты штудировал. После полевого сезона госкомиссия из старых таксаторов во главе с главным инженером будет принимать твою работу, и если найдет что-нибудь сделанное не по инструкции, будешь переделывать. Переделывать за свой счет. Даже если ты что-то напартачил далеко в лесу, поедешь за свой счет переделывать. Вот и все. Если тебе все ясно, давай с этого часа занимайся стажировкой. Работы у меня сейчас навалом. Кроме работы на своем объекте,

начальник обязал меня принимать рабочих из Ивделя и отправлять их гидросамолетом на дальний объект другой экспедиции. Они находятся от нас км на 250 и им там негде нанимать рабочих. Нашего начальника попросил другой начальник нанимать рабочих в Ивделе и отправлять их вертолетом на мою базу. Все было бы ничего, если бы к рейсу вертолета подходил гидросамолет и увозил прибывших. Мне самому надо всего шесть рабочих, которые давно в тайге на прорубке. Но, как правило, то нет долго погоды, то по техническим причинам нет вертолета или гидросамолета, или они ушли работать на другого заказчика, Поэтому толпа бичей растет, и мне приходится волей-неволей ими заниматься. А рабочие, как видишь сам, отпетые. Оказавшись на воле, в своем поведении они не изменились. Когда ихнего брата скапливается 10-40 человек на одном таборе без дела, то тут, конечно, и карты, и ставится брага, и свары, и драки. Чтобы избежать этого я стараюсь их всех занять работой в тайге на прорубке просек и визиров. Они с удовольствием соглашаются и не дают мне продыху. С ними надо пойти, каждую пару поставить на прорубку просек и визиров, потом сходить в тайгу проверить качество работ и тех, за которыми придет гидросамолет, рассчитать и отправить. Времени нет совсем, даже сходить на охоту. В общем, давай, стажируйся, я мешать тебе не буду. В избушке есть свободные нары и вот их занимай. Книг у меня никаких нет, кроме инструкции и аэроснимков. Можешь брать аэроснимки и пытаться дешифровать участки леса, прилегающие к нашей поляне.

Прошла неделя. Я познакомился со многими рабочими и увидел, что они неплохие и очень справедливые мужики. Они вступали в словесные разборки и даже драки, если кто-то из них мухлевал в карты, воровал с кухни чай, не делился добытой дичью. Я даже некоторых стал брать с собой в тайгу, где они за просто так помогали делать всякие таксационные работы. Прошла вторая неделя. С Ивделя больше рабочих не присылали, и Андрею надо было отправить последних рабочих в другую экспедицию. Из тайги рабочие, кроме двух, вышли все. Андрей всех рассчитал и отправил прилетевшим гидросамолетом. База опустела. Остались только четыре рабочих Андрея, которые отдыхали после захода.

Не было двоих, Геннадия Рассохина и Василия Чашкова. Они не выходили из тайги уже двадцать пять дней, прорубая просеки и визирь где-то в дальнем углу барышевского объекта. Вечером Андрей, после бани благодухествуя на нарах, сказал: надо бы мне сходить, проверить, что они там наделали в тайге. Что-то их долго нет. ЧП, вроде, не долж-

Без ножа до ветру никогда не ходи.

Если нет тента, оборудуй ночлег под корнями вывороченных деревьев.

но случиться. Они опытные парни. Но все-таки за продуктами должны были выйти. Если бы что случилось с одним, другой бы вышел. Но какое может быть ЧП с двумя? Ладно, надо идти проверить.

Утром, позавтракав, напившись крепкого индийского чая второго сорта Иркутского развеса, наиболее ценимого экспедиционниками, Андрей начал складывать рюкзак. Сложил тент, положил свитер, теплые подштанники с носками, взял продуктов дня на четыре, всякую рыбацкую мелочь, и сел заряжать патроны для своей двухстволки 20 калибра. Он собирался молча, ничего мне не говоря.

—Андрей—обратился я к нему—а почему ты мне ничего не говоришь?

—А что я тебе скажу? Стажируйся. Я собираюсь в заход, проверить рабочих и только.

—А что, ты меня не берешь?

—А зачем? Я быстро найду их и вернусь с ними.

—А можно мне идти с тобой?

—А зачем, без толку шастать по тайге?

—Как зачем? Я же стажируюсь.

—Ну ладно,—ответил он ворчливо.—Если уж так хочется, собирайся, и после обеда уйдем.

Я был рад, что Андрей берет меня, и тоже стал собираться. В свой рюкзак я не положил только тент. Тента, как отметил Андрей, хватит и одного.

—Бери лучше продукты, в тайге они лишние не будут. И запомни: идешь в тайгу на день, продуктов бери на неделю. В тайге всякое бывает—добавил он.

К обеду было все готово. Пообедав, Андрей обратился к таборщице

—Лена, ну-ка достань там из загашника одну.

Я не понял что такое «загашник» и «одну», но через пару минут Лена вернулась и принесла бутылку водки. Я еще подумал: зачем же в заход он берет бутылку? Ну, после бани, понятно... Ну, для встречи, понятно... Андрей догадался, о чем я подумал и усмехнулся:

—А, это подарок Генке и Ваське, за то, что они 25 суток были в тайге. Думаю, что они сделали немало. Заработали этот гостинец.

—Все я ожидал, но только не этого. Вот это забота о рабочих!—подумал я, недоумевая, но с восхищением.

После обеда мы ушли. Километров через восемь вышли на поперечную просеку и пошли по ней на восток. Андрей объяснял, показывая на схему квартальной сети.

В экспедиции сначала научись у других как жить в тайге, а потом поучай.

Слева направо—Андрей Барышев, Василий Чашков, Геннадий Рассохин—герои рассказа «Дело Святого Владимира». Озеро Арантур, 1959 год.

Избушка на оз. Арантур, где прошел день святого Владимира.

—Смотри, на каждую поперечку должны выходить просеки и визиры, прорубленные с юга на север. Поперечные просеки прорубаются, как ты видишь на схеме, через четыре километра, а продольные через два. На пересечении этих просек, как ты знаешь по инструкции, ставятся квартальные столбы, которые и ограничивают квартал размером 2 км на четыре. В каждом квартале с юга на север прорубаются визиры для захода внутрь квартала для таксационного описания лесов. Этим ребятам было задание прорубить продольные просеки и визиры до третьей просеки, т.е. они должны рубить в один конец восемь километров и, отмеряя на третьей поперечке один километр от прорубленной просеки или визира, возвращать на поперечку, на которой стоим. Отсюда, по выходам концов продольных просек и визиров, мы определим, сколько километров они прорубили. Качество работ мы проверим, зайдя внутрь отдельных кварталов. Дойдя до последнего конца просеки, мы с тобой определим объем выполненных работ и найдем, где они сейчас пребывают.

Пройдя еще километров пять и отметив три выхода визиров и два выхода просек мы заночевали. Вот здесь, при организации ночевки, я по-настоящему приступил к стажировке. Я увидел, как готовить для ночлега постель, натягивать тент, готовить из тушенки и макарон полевую еду, готовить надью для обогрева в течение ночи. Утром недалеко от ночевки залаяла Найда Андрея. Андрей взял ружье, прозвучал выстрел, и через полчаса Андрей вернулся с глухарем. Отрубив лапу у глухаря и опалив ее на костре, отдал Найде.

Напившись, как следует, индийского чая того же второго сорта Иркутского развеса, мы отправились дальше. Я заметил, что Андрей делает все медленно, но не присаживаясь. Выпив три кружки чая, что составило 1 л 200 грамм, он медленно собрал рюкзак, пощупав в боковом кармане бутылку—на месте ли она. Я обратил внимание на объем чая, который он выпил. Он посмотрел на меня внимательно и сказал:

—Запомни навсегда. Ни при каких обстоятельствах в тайге никогда не пей сырую воду. Сырая вода выбивает из сил и ее хочется пить и пить, когда жажда. Напившись досыта с утра чая ты будешь идти не присаживаясь 4-6 часов и не испытывая жажды до следующего чая. Так что вот так, привыкай, если не сбежишь.

Мы опять шли на восток. На следующей остановке, пройдя десять просек и десять визиров, Андрей выстрелил. На выстрел никто не ответил, и Андрей высказал предположение, что рабочие вышли на базу. Мы оценили 120 км прорубки и после обеда пошли дальше на восток.

Зимой руби дерево только без лыж, оттопав снег вокруг дерева. Оглянись кругом и посмотри куда бежать в случае если дерево начнет «танцевать» на мёрзлом пне и пойдет не туда куда намечил свалить.

По дороге отметили еще шесть выходов просек и визиров. После шестого мы прошли километра два и выходов не обнаружили. Андрей на двух просеках сходил внутрь метров на 500, посмотреть качество. Вернувшись ко мне, он снова выстрелил. На выстрел никто не ответил. Он с удовольствием сообщил, что пока мы шли сюда, рабочие закончили работу и пошли на табор.

—Смотри, стажер. Это впервые за много лет моих экспедиций двое рабочих за 27 дней, не выходя за продуктами, прорубили 160 км просек и визиров нормального качества. А, каково, стажер!—воскликнул Андрей и добавил:

—Идем недалеко отсюда, на небольшую старицу, там заночуем. Спешить теперь нам некуда. Наловим окуней, щук, наварим ухи и глухарятины и немного отдохнем от работы праведной.

Пришли на старицу. Старица была метров 50 в ширину и метров двести в длину. Загибаясь невдалеке, она соединялась небольшим ручьем с речкой. Андрей пошел, вырубил длинную молодую березу метров пять длиной, сделал удилище и привязал длинную леску. К леске прикрепил блесну и стал водить блесну в воде.

Не получая никаких указаний, что в тайге не принято, я стал сооружать ночлег, готовить дрова и щипать глухаря. Через полчаса буквально Андрей принес пять крупных окуней. У нас было два котла. Один был взят под варево, один под чай. Андрей сказал мне, ты давай готовь глухарятину, а я уху в чайном котле. Я ее сварю быстро по-хантейски, и пока варится глухарь, мы поедем уху. Я не понял, что значит по хантейски. В средней Азии в арыках и каналах мы добывали рыбу и я, в общем-то, имел понятие, что делать с рыбой. А тут—готовить уху по хантейски—впервые слышал.

Андрей пошел к воде, хорошо промыл рыбе жабры, не очистив её, надрезал каждого окуня со спины до пузыря и сложил в котел. Зачерпнув в котел воды, и закрыв чуть-чуть водой рыбу, повесил на таган. Я, глядя на этих окуней, произнес:

—Как, с чешуей?

—Ну, а как же без чешуи? Без чешуи ухи не будет—пояснил Андрей и поправил огонь под котлом.

—Так и с кишками и с желчью варить?

—Из кишок при варке будет выходить жир, а желчь у окуня не горькая. В покрове же чешуи вся слизь, без чего ухи не бывает,—ответил Андрей и добавил:—Не задавай лишних вопросов, смотри и учись, ты же стажер.

Через минут 20 уха поспела. Андрей глянул на меня и сказал:

—Давай все, что надо для ухи и вообще для ужина.

Вроде бы я правильно сообразил. Прежде всего, достал бутылку из его рюкзака, кружки, ложки, сухари. Все поставил на расстеленный тент и приготовил места для сиденья. Андрей внимательно посмотрел на стол, усмехнулся и промолвил:

—А чтой-то ты бутылку поставил? Бутылка не наша, да и сейчас она ни к чему.

Я открыл широко глаза и произнес:

—Что, бутылку будем выносить?

—Да, бутылка не наша, вынесем—подтвердил Андрей и стал наливать уху в кружку, а вытащенных перед этим окуней стал солить.

—Андрей, тогда я сознаюсь. Завтра у меня день крещения, у тебя удачный день и вообще, как я понял, надо немного отдохнуть. Бутылку, Андрей, я верну завтра. Я все-таки к завтрашнему кое-что припас!—с подъемом проговорил я свой монолог.

—Нет, стажер, убери бутылку. День крещения твой только завтра, твоих бутылок, возможно, уже давно нет, а эта здесь, и она не наша.—Он взял бутылку и опять засунул в рюкзак. Я весь вечер удивлялся поступку Андрея, но молчал.

Андрей из котелка выложил окуней, разложив их на зеленый мох, уху разлил по кружкам и передал мне одну. Такой ухи я никогда ранее не едал. Она была без ничего, без лука, без перца и каких-либо других добавок. Я спросил:

—А если бы добавить рису или картошки, то, я думаю, было бы вкуснее?

Андрей, продолжая выбирать мясо одного из окуней и запивать ухой, усмехнувшись, ответил:

—Если добавить все то, что ты сказал, была бы не уха, а обычный рыбный суп. Так что стажер, учись отличать золото от меди!

Потом подоспел глухарь. Поев глухарятины, мы приступили к индийскому чаю второго сорта Иркутского развеса.

Легли поздно и поздно встали. Надья уже давно догорела и уже не грела. Поев холодную глухарятину и запив её обильно чаем, мы пошли быстро на табор. Андрей, кстати, поздравил меня с днем крещения и добавил:

—Выйдем на табор и там отпразднуем день святого Владимира, в

Любое дерево никогда не вали без подруба.

честь которого ты назван.

Вчера вечером я рассказал ему, что родился 5 июня, а крестился 10 июня, и с тех пор я Владимир. Но я отмечаю эти две даты. Если ничего не мешает, я обычно начинал гулять на день рождения и завершал десятого. Но на этот раз мне придется встретить только день крещения.

Андрей предложил:

—Давай сейчас пойдем по короткой дороге по аэроснимку. Надо прийти пораньше, сходить в баню и поставить что-то на стол к твоей водке.

Через три часа мы были на таборе. Четыре рабочих, которые были при нас на таборе, ушли в заход. На таборе были только Генка Рассохин и Васька Чашков, вышедшие на день раньше нас из тайги. На месте была также таборщица и два таксатора, прилетевшие на тренировку.

Андрей подошел к Рассохину и Чашкову, поздоровался, даже не спросив, почему так долго были в тайге, вытащил бутылку из рюкзака и передал Рассохину.

—Здорово вы сработали—160 км прорубить за заход и не выходить 27 дней! Ну, я понял, почему Вы не выходили. Видел обглоданные зверем кости оленя.

—Да, нам повезло. Олень буквально вышел на нас, пока мы перекуривали. Я успел его взять одним выстрелом, потому и отпала надобность выходить на табор—ответил Рассохин.

—Ну, ладно, распорядитесь подарком, а потом плывите и проверьте сети. Они поставлены вблизи истока речки Ах, вытекающей из озера. Рыбу отдайте таборщице и вечером приходите на крещение вот этого стажера.

—Ладно, добро,—ответили мужики и все разошлись до вечера. Андрей дал распоряжение таборщице приготовить хороший стол, пояснив ей, что виновником этого стола будет стажер.

Подошел вечер. Мы вернулись из бани. На столе стояло все, что бог послал. Язи и щуки жарились на кухне. Андрей объявил, что пора садиться за стол и отмечать день святого Владимира, пояснив, кто этот святой. Все дружно сели за стол, глядя на меня. Я быстро сообразил и принес три бутылки водки. Генка Рассохин достал подаренную бутылку и поставил на стол, сказав:

—Извините, мы с Андреем не решились пить одни. Совести не хватило. Пусть стажеру будет это нашим подарком.

Андрей лихо разлил по кружкам водку, поднял свою и произнес:

—За святого Владимира, именем которого назвали стажера!

Выпив и закусив, он разлил вторую бутылку, и произнес тост уже за меня, за стажера на его таборе. Потом выпили третью бутылку. Выпили за здоровье всех. Начались громкие разговоры о том, о сем, но главное, о тайге, о фарте на рыбалке, охоте. Пошли разговоры о женщинах, за которых выпили четвертую бутылку. Потом начались анекдоты, а Генка Рассохин стал высказывать какие-то претензии Чашкову по поводу их жизни в тайге и совместной работе. Я прислушался. Они несли всякую чепуху. Кто-то кого-то подставил в работе, в еде, в заготовке дров, подготовке ночлега и прочее и прочее. И вдруг ни с того ни сего Чашков через стол кулаком двинул в грудь Рассохина. И пошло! Я никогда не видел такой свалки и драки. Генка перевернул стол и все вывалил на упавшего Чашкова. Потом они схватились как медведи и начали валтужить друг друга кулаками. Андрей отодвинул свой стул от стола, одну ногу свесив, а другую поджав под себя, куря «Звездочку», наблюдал за дракой. Таборщице сказал убрать все ножи, поленья с топором от печки. Я и все остальные выскочили из-за стола, сгрудившись в углу, не зная, что предпринять. Я подскочил к Андрею и громко крикнул, что как-то надо остановить драку.

—Мы с ними не справимся. У них за 27 дней столько накопело. И пусть эту накипь выплеснут друг на друга. Не мешай разбираться и следи, чтобы кто-нибудь из них не взял ножа или тяжелого предмета,—ответил Андрей, улыбаясь.

Вдруг драка прекратилась. Чашков лежал под Генкой и орал:

—Генка! Отпусти из пасти мою пятку! Буду делать все в тайге, что скажешь!

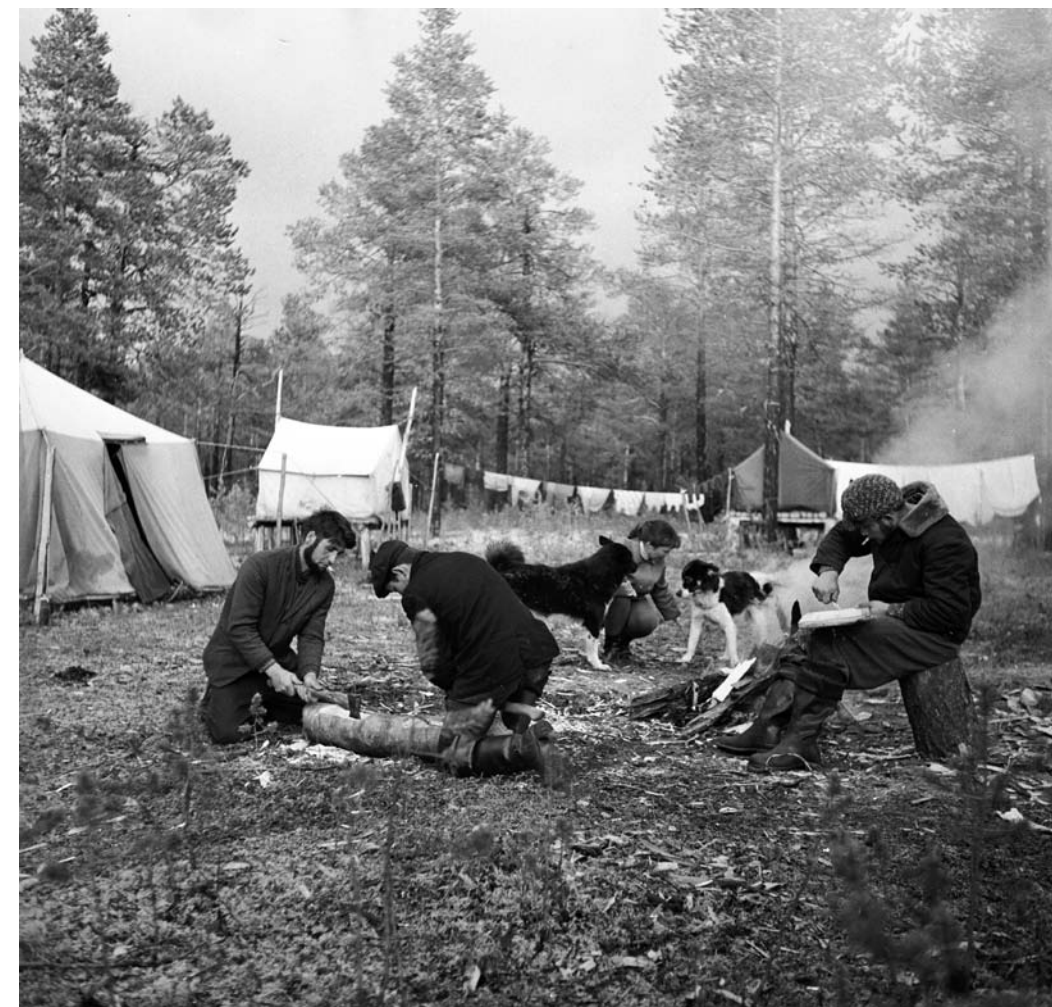
Генка еще немного подержал в зубах его пятку, потом отпустил ее, встал и громко заявил:

—Ну, смотри, обещал при всех, что надо делать в тайге. Не будешь этого делать, следующий раз откушу твою пятку совсем.

Похныкав, Чашков поднялся, и хромая, поковылял к столу. Мы подняли стол, поставили на него все, что еще осталось на кухне, а главное—индийский чай второго сорта Иркутского развеса. После драки потекла обычная беседа. Обсуждались обычные дела. Про драку забыли. Вот так прошел день святого Владимира и мой день крещения в тайге. А эти два парня после драки работали вместе до окончания полевого сезона без всяких конфликтов.

Никогда не спи на ветках, положенных на землю. Ветки клади только на жерди, положенные на два бревна. Это и будет твоей постелью, на которой ты никогда не простудишь почки.

Таксаторы, в отличие от геологов, туристов, пионеров, зеков, свое временное поселение называют не лагерем, а табором. Отсюда в лесоустроительных экспедициях имущество официально называют неэкспедиционным, а таборным, а хозяйку табора, поваришу, называют таборщицей. Хозяйкой табора—таборщицей—обычно является женщина. В ее обязанности входит охранять табор, готовить пищу, стирать и ремонтировать одежду бичам и таксатору. Она постоянно остается на таборе одна с собакой, когда таксатор и рабочие уходят в тайгу на один день, несколько дней или на две-три недели. В тайге некого бояться. Зверь к табору не подходит, а случайных плохих людей в тайге не бывает.

Хозяйственный день на таборе.

А это и есть табор на весь полевой сезон.
Верховья Северной Сосьвы, 1965 год.

Временный табор на одном
из лесных островов среди
Обского разлива.

Наши пришли из захода и ты по случаю праздника получишь в свою лапу лапку глухаря.

Соломоново решение

В семи километрах от табора мы закладывали пробные площади на изучение товарной структуры кедровых лесов. Эту работу мы проводили в 1964 году в лесах верховья Северной Сосьвы. Нас было пять человек. Я и четыре бича. Работа была очень трудоемкой. На площади 0,5-1 га мы должны были произвести у всех деревьев замеры диаметров на высоте 1,3 м, спилить ручной пилой 40-50 деревьев, определить возраст этих деревьев, произвести замеры у каждого дерева: высоту, диаметр через два метра на каждом 2-х метровом отрезке, подсчитать численность живых и сухих побегов, установить пороки, взять спилы для последующего анализа возрастной динамики высоты, диаметра деревьев. Кроме обработки взятых деревьев на пробной площади надо было выкопать и описать почвенные разрезы, взять гербарий растений. Это обычная работа, направленная на изучение товарной ценности лесов, обычно выполняется качественно, и в связи с этим, требует внимания и ответственности. В целом эта работа была очень скучной и обычно ее поручали таксатору склонному к исследованиям. В нашей экспедиции она выполнялась совместно с каким-либо научным институтом. И сейчас в этом сезоне мы должны были выполнять ее с академическим Институтом экологии растений и животных, который располагался в г. Свердловске. На днях мы из этого института ждали прибытия научного сотрудника Смолоногова Евгения Павловича с двумя помощниками. Он должен был прилететь со дня на день. Наконец-то мы услышали, как идет вертолет на табор и поняли, что они прилетели. Значит, завтра к вечеру они будут у нас на объекте и, конечно, работа пойдет быстрее. Связи у нас с табором не было. На таборе оставалась только Тамара, наша таборщица. Она должна была передать записку Смолоногову, где я нарисовал схему и подробно расписал, как нас найти

Место под табор или для одной ночевки всегда старайся выбирать высокое, сухое, с хорошим обзором.

в тайге. У нас, правда, была рация РПМС, но мы по ней держали только связь между табором и Сосьвинской культбазой. Прошел день, и вот они появились на нашем объекте. Мы были рады встрече, гостинцам, которые они принесли. Наварили глухарятины, заварили чай индийский второго сорта Иркутского развеса, и потянулась беседа о житье-бытье в городах и у нас в тайге. Смолоногов за беседой отозвал меня в сторону и сообщил, что он привез три бутылки спирта и передал таборщице, чтобы она спрятала их до нашего общего прихода из тайги. Я поблагодарил его за сообразительность и за то, что он не принес их сюда. Здесь бы мы выпили их за два дня, без бани, без отдыха и без всякого толку. Я пока никому из своих не сказал, что нас ждет при выходе на табор. На следующий день снова потянулась нудная скучная работа—вали деревья, измеряй, пили и никакого просвета. Прошли наконец две недели. Работу завершили. Уставшие, грязные, стали готовиться к возвращению на табор. Всё сложили в рюкзаки и сели в последний раз на этом месте попить чай. И здесь я сообщил, что на таборе после бани я поставлю на стол три бутылки спирта, хранящегося у таборщицы, которые привез Смолоногов. Лица у всех озарились улыбками, и долго никто не мог выразить свою радость словами. Буквально у всех в руках застыли кружки с чаем и все повернули головы к Смолоногову. В глазах всех он тотчас стал главным героем, и все смотрели на него с восхищением. Нас можно было понять. После последней трагедии в экспедиции, когда в пьяной драке на одном из таборов был убит рабочий, начальник экспедиции издал приказ о запрете завоза спиртного в тайгу. Уже два месяца ни у кого не было капли во рту. Многие уже стали забывать вкус водки. Смолоногов не знал об этом приказе, и, как опытный таежник, привез три бутылки спирта—неписанный обязательный гостинец для работающих в тайге.

Я выждал паузу и негромко сказал:

—А теперь слушайте сюда, как вроде бы, говорят в Одессе. Всем ученым на табор идти только по просеке и собирать только белые на грибы. Якову Красненкову и Ваське Раку возвращаться по соснякам, добыть двух-трех глухарей и собрать брусники. Михаилу и Николаю прямо сейчас идти прямо на табор, затопить баню, наловить хариусов и все приготовить для вечера. Я же, возвращаясь на табор, подберу объекты для работы в следующем заходе.

Все разошлись, радостные, в предвкушении вечернего ужина. Я пошел по своему делу. Подобрал объекты для работы и решил выйти на

Устроив табор, не обмывай его. Помни, спирт в тайге не водка, а лекарство. Разгильдяй тот так сатор, кто выпивает спирт с рабочими в первый же день заезда в тайгу.

табор пораньше, проверить все ли делается как надо. Иду, подхожу к ручью, от которого за болотом виден табор. Смотрю, дыма от костра на таборе нет. Если нет дыма, костер не горит или не горел, то это первый признак того, что на таборе никого нет, или что-то случилось. Какое-то неприятное предчувствие возникло во мне. Почему нет костра?

Подхожу к табору. По табору ходит Николай, посланный раньше. Все его движения и скучное выражение лица совершенно не соответствуют предстоящему событию.

—Как у Вас с Михаилом дела?

—Да все в порядке, баня топится, Михаил добывает хариуса.

—А где таборщица?—спросил я.

—Вон в палатке спит.

—Как спит?—буквально проревел я.

Заглянул в палатку. В спальном мешке, спиной к выходу, свернувшись, лежала Тамара.

—Тамара, что с тобой?—спросил я.

—Болею—ответила она.

—С чего ты вдруг болеешь-то? Всегда такая здоровая девка, кровь с молоком, а тут болеешь. Что за болезнь-то у тебя?—приставал я.

—Болею,—ответила она,—и тихо застонала.

—Ну, ладно, болеешь так болей, будем все делать сами.

Наконец пришли все. Ученые уже сели за стол и стали готовить грибы. Яшка и Васька притащили трех глухарей и косача, брусника уже была намята в двух трехлитровых банках, и был приготовлен в изобилии густой сок для запития. Михаил разделявал десяток крупных черных хариусов. Все весело переговаривались.

Яков взял на себя руководство по столу. Он умел хорошо готовить любое полевое блюдо и каждого занял делом на кухне. Скоро пришел Николай и объявил, что баня готова, можно идти париться и мыться. Все загалдели, полезли в свои палатки за чистым бельем и поочередно по двое стали уходить в баню.

Все попарились, намылись и в чистом белье стали занимать места за столом. В большом котле—похлебка из глухарей. Глухари, разделанные на отдельные куски, посоленные лежали горой в трех больших чашках, жареные хариусы, покрытые золотистым румянцем, лежали в двух сковородках, белые грибы особым образом пожаренные с картошкой тоже стояли на столе в двух больших сковородах. Хлеб нарезан, репчатый лук, нарезанный кольцами, рассыпан на всех блюдах, на столе, перед каж-

Вставать утром на таборе надо рано. Кто первый встал, тот прежде всего разжигает костёр, вешает на таган котлы с водой, будит таборщицу, а потом уже идёт по личным делам.

дым застольником лежало по соленому огурцу и по три дольки чеснока. Три банки с нажатым брусничным соком стояли на столе в середине и по краям стола, кружки также стояли перед каждым, на своем месте.

—Ну, мужики, давай садись, занимайте свои места.

Все сели чинно, разместившись на лавках, свободно за столом.

Я обратился к Смолоногову:

—А ты, коллега, пока не садись, неси и ставь на стол гостинец.

Никто, в предвкушении ожидаемого, не прикасался к еде. Смолоногов пошел к палатке, где лежала Тамара, просунул в нее голову и что-то подозрительно долго задержался в согнутой позе.

Потом выпрямился, постоял, обернулся к нам и медленно поплелся к столу. Все ожидали, что, прижав бутылки к груди, он несет их к столу. Смотрим—бутылок нет. Руки безвольно опущены. Мы все уставились на него, стали шарить глазами по его одежде—где он держит для нас сюрприз? Но так ничего и не увидели. И не могли их увидеть. Сюрприз был, но сюрприз другой. Смолоногов подошел, встал на углу стола и объявил:

—Спирта нет. Таборщица, пока нас не было, за две недели выпила весь спирт. Вот все, что осталось.

Он вытащил из штанов бутылку, наполненную едва ли на четверть.

Трудно передать состояние людей, готовившихся к этой встрече. Эта была не немая сцена из «Ревизора». Настоящая гробовая тишина наступила не только за столом, но, кажется, что она наступила в тайге. Даже постоянное, всегда отчетливо слышное журчание ручья стихло. Все уперлись взглядом в край стола прямо перед собой и долго молчали. Но вот Васька Рак, сверкнув черными пронзительными глазами, прошипел:

—Доминдальничались. Я ведь говорил, что этой вербованной суке, убежавшей с рыбного завода, доверять нельзя. Выгнать её сейчас же! Николаич, вызывай завтра вертолет.

Ученые сидели, разинув рты. Колька и Мишка, молодые кожаные бичи, проглотив слюну, потянулись за глухарятиной, которую стали уплетать, запивая похлебкой. Яшка выскочил из-за стола, прохрипел сквозь зубы:

—Судить эту суку, а потом выгнать.

Я не знал, как ее надо судить, и, принявшись за еду, сказал:

—Ладно, мужики. Всякое было, и это перетерпим. Утро вечера мудренее, давайте ужинать.

Если хочешь мира на таборе
никогда не спи с таборщицей.

Разведя оставшийся спирт, я налил каждому буквально по мензурке этой влаги и показал, как надо пить это лекарство, пригубляя.

Все ели моча. Поужинав, запив обильную еду индийским чаем второго сорта Иркутского развеса, разбрелись по палаткам.

Настало утро. Костер горел. Яшка суетился у стола, а потом объявил, что можно садиться за завтрак. Позавтракали молча. Все ждали, что скажу я. Не допив чай, я перешел к костру и попросил всех сесть вокруг него.

—Николай, попроси Тамару вылезти из палатки и тоже сесть к костру. Поди, уже отболела!—громко сказал я.

Мы сидели у костра и уже спокойно обсуждали случившееся, с улыбкой и без особой злобы.

Минут через десять вылезла наша таборщица из своей больничной палатки и Николай услужливо, с некоторым артистизмом, посадил ее на отдельно стоявший пенек. Тамара молча села и стала смотреть себе под ноги. Видимо, она готовилась к этой встрече и выглядела сейчас вполне симпатично. Причесанная, слегка накрашенная, в цветастом платье, которого до сих пор никто не видел. Ноги в туфлях, в капроне. Сомкнутые ладони лежат на коленях. Мужики, не ожидавшие такого её вида, осматривали ее с ног до головы и невольно останавливали взгляд на круглых коленях.

—Ну, а теперь мужики, высказывайтесь все, не таясь, о случившемся. Надо решать. Завтра уходим на новый объект в тайгу. Это километров восемь отсюда. Там будем работать недели две. Кто первый?—объявил я.

Ученые молчали и не сводили глаз с Тамары. Их удивляло, конечно, не платье ее и колени, а случившееся, которого они не могли понять. Но и мы, битые волки, тоже не могли понять. Ну, выпить одну бутылку, понятно. Одна в тайге, с ружьем, с собакой, и только слушать крик кедровки,—можно и выпить. Но ведь в этом случае вполне было бы достаточно одной бутылки.

Кожаные бичи тоже молчали. Они поглядывали на всех, задерживались взглядом на коленках Тамары, а потом отводили глаза на ближайшие кроны деревьев.

Васька Рак, сверкнув глазами на таборщицу, процедил:

—Выдрать ее, как Сидорову козу и отправить на Большую землю!

Под словом «выдрать» все поняли, что ее надо отхлестать по заднице, а потом отправить к вербованным на рыбзавод. Наступила очередь

Утром сходяв до ветру, обязательно проверь сети. Если вернулся со щуками или окунями, готовь уху. Окуней не нужно чистить от чешуи и потрошить. Разрезав со спины до пузыря, кидай их в кипящую воду. Уха, приготовленная таким образом, это настоящая уха.

Яшки. Яшка бывший шахтер, старый, битый таежник, никак не мог сообразить, как можно выпить за это время столько спирта. Он встал с пня, красные щеки от возмущения слились цветом с его рыжими волосами, и выпалил:

— Николаич, немедленно надо рассчитать! Вызвать вертолет и выбросить на базу!

— А кто будет готовить? — возразил я.

— Я буду готовить и работать.

— Яша, ты собираешься готовить на ораву из восьми человек! Побойся бога. У нас большой объем работ, дай бог справиться с ним к концу сентября. А сейчас только конец августа. Нет Яков, так не пойдет!

А теперь слушайте мое Соломоново решение. Отныне Тамара вместе с нами уходит на объект и готовит еду там три раза в день. Каждый день к вечеру она должна готовить пельмени из глухарей, которых добывает нам Кукла. Тамара, собери все, что нужно для кухни. Прежде всю доску для подготовки теста, мясорубку и обязательно каждому миску, чтобы ели не из одного котла, а по-культурному, из мисок. Яков, проследи за ее сбором. За качество еды и пельменей в частности, будешь отвечать ты. А теперь разойдемся. Каждый займется своим делом. Готовьтесь выйти послезавтра в тайгу.

Через день мы ушли в тайгу и до конца сентября на всех объектах мы ели пельмени из глухарей, а чай запивали вареньем из брусники.

Никогда не садись играть в карты с бичами, всегда проиграешь и можешь проиграть всё. Поэтому карт на табор никогда не держи.

Соломоново решение было принято на этом таборе.

Как хорошо плыть, домой ничего не
делая. Пусть Рыжий поглядывает, а я
полежу рядом с моей хозяйкой. Может
что-нибудь и обломится мне.

Последний визирный столб.
Таксатор Ю. Котовский.

Двенадцать суток без спичек и топора

База, база, я Тайга! База, база, я Тайга!—В радиии трещали помехи, и никто не отвечал.

—База, база, база, я Тайга!—В эфире что-то шумело, шипело, база молчала.

—Что он, бляха-муха, не проснулся еще, что ли?—закричал я.

—База, база, да ответь-то ты, наконец! У меня беда, а ты молчишь!

—Тайга, Тайга, я база! Что там у тебя, чего ворчишь?

—Я не ворчу, слушай меня! Уже четыре дня как не можем найти Таньку—Таборщицу,—сообщил я быстро.—Ищем Таньку. Ушла четыре дня назад в тайгу, и до сих пор нет ее. Я бичей разослал по тайге, и нет ее уже четыре дня!—кричал я в радию—Высылай вертолет на поиск,—попросил я базу.

—Тайга, Тайга! Почему раньше не сообщил? Тайга, Тайга! Вертолета не будет! Уже три дня не можем вывезти человека с порубом. Нет вертолетов. Завтра один придет с профилактики, и будем вывозить с порубом. Продолжай поиски своими силами. Будет вертолет—сообщи.

В радиии опять что-то заверещало, и связь прервалась. Что же делать? Четыре дня назад Танька пошла на ближайшее болото за клюквой и не вернулась. Раньше она ходила на болото всегда одна и всегда возвращалась.

—Яшка!—крикнул я,—как думаешь, почему не вернулась?

—А, черт ее знает, там негде блудить,—ответил Яшка.—Правда, в тот день был туман, а к вечеру пошел мелкий дождь. Поди, не сориентировалась и ушла в другую сторону.

—Со мной это тоже бывало,—проворчал я,—а спички и топор с ней были?

—Да ты что, начальник! Какие спички и топор у девки! Она пошла на болото за сто метров от табора. Какие там спички?

Все ЧП в тайге происходят из-за разгильдяйства исполнителя, безответственности снабженцев и отсутствия профессионализма у таксатора. В таких экспедициях обычно сплошные приключения. Приключения также в тайге начинаются тогда, когда начальник экспедиции и его завхоз запили.

—Колька и Валька вернулись из тайги?—спросил я.

—Да нет еще, они ушли вчера на поиск, и их еще нет. Сегодня ухожу я. Пройду с Куклой по поперечной просеке и постреляю.

—Ладно, давай иди!

Я остался один. «Вот, дура, нужна ей какая-то клюква. Сказала бы мужикам, и они бы принесли. Что с ней, что она делает одна в тайге без спичек, без топора, без костра, без еды?... Что?»—задавал я себе вопросы, на которые не было ответов.

Вечером вернулись из тайги и Васька, и Колька и Яшка, и все безрезультатно.

—Все, спите до завтра, а там, может быть, придет вертолет.

—База, база, база, я Тайга! Ответь! База! Раз, раз, раз,—настраивал я рацию.—База! Ответь Тайге.

—Ну, что, Тайга, как дела?—заскрипел голос начальника партии.

—Да ничего, не нашли еще!

—Вертолета вам не будет, продолжайте поиски,—советовал начальник,—отряд обещал вертолет, но он пойдет вывозить сначала человека с порубом. Если останется время, зайдет к вам.

Связь оборвалась, и в палатке стало тихо. Делать нечего, я пошел будить рабочих, чтобы снова отправить их в тайгу. Всем троим наказал не возвращаться, пока не найдут таборщицы.

—Возьмите побольше продуктов, и давайте, двигайте в тайгу. Идти только по просекам и визирам с юга на север, уходя километров на восемь и возвращаясь назад, а потом переходить на другие просеки. Ходите только челноками, стреляйте, кричите, но без таборщицы не возвращайтесь.

Парни ушли, и я опять остался один. «Ну, куда она могла уйти? Вверх по реке, или вниз по реке? Неужели до сих пор не вышла на визирь, где на деревьях затески. Я же рассказывал, как вести себя, если заблудился. Выйди на открытое болото, собери или наруби дров и зажги костер. Никуда ни в коем случае не двигайся. Только жги костер и жди. А, бля, у нее же нет ни спичек, ни топора. Черт! Как она в тайге тогда живет?»

Мысль о том, что таборщица погибла, я и близко не допускал. Скорее всего, в истерике болтается по тайге и уже, поди, близка к помешательству. Я гнал всякие нехорошие мысли и думал только о том, что она в конце концов сообразит как идти, если выйдет на речку. Идти надо только вниз по реке и тогда она никогда не пройдет мимо табора.

В заход, как руководитель можешь ходить и один, но никогда не посылай людей в тайгу без напарника.

Вертолет не пришел. Утром на седьмой день блужданий таборщицы я опять сел за рацию.

—База, база, база, база, я Тайга! Черт возьми, где вы там на базе! База, база, база, я Тайга! База, ответь Тайге!

База не отвечала. Наконец-то появился голос, но не начальника партии.

—База, база, кто на рации? Привет! А, это ты, шпингалет, стажер что ли?

—Да, начальник наказал сидеть на рации.

—Где начальник партии?

—Вчера улетел вечером в тайгу за порубленным рабочим и не вернулся. Улетел с ними в вертолетный отряд в райцентр. Тот, который порубил ногу, сидел в тайге дня три, видимо тяжелый случай, и начальник партии сам хотел проследить, как рабочего положат в больницу. Все в порядке. Рана начала гнить, но в больнице все сделали как надо. Будет лежать дней десять. Начальник сообщил, что останется ночевать в вертолетном отряде, и будет сидеть там, пока не добьется санитарного рейса.

—Тайга, Тайга, ну что там у вас?

—Все бичи в тайге, таборщица там же. Ну все, до связи,—сказал я стажеру и выключил рацию. Посмотрел в окно. Там начинался дождь и, пожалуй, надолго. Я вышел на улицу. Тучи ползли низко над тайгой, и не было видно никакого просвета.

«Да, видимо надолго» — подумал я и пошел под навес на кухню. Заварил крепкий чай. Наложил на тарелку студень—уху. Вчера мужики принесли окуней и щук, и сварганили из них отличную уху. Я обирал мясо с костей рыбы, запивая крепким чаем, и тупо смотрел на реку. Старался ничего не думать о заблудившейся в тайге таборщице. «Найдется, куда денется! А вот дни, потраченные на ее поиски, не вернешь. Работа встала. В другом конце участка еще не были прорублены просеки и визирь, треть участка еще не протаксирована, а на дворе конец августа». Вот это меня и мучило, и я думал, что придется весь сентябрь не вылезать из тайги. Объем работ никто с меня не снимет за ее поиск, никогда и никто не будет считать это причиной невыполненной части работ. А то, что она пропадет, я об этом даже не думал. Зверь, как правило, к человеку не подойдет. Правда, старый медведь без зубов и может напасть, но все это от бога. Бывали редкие случаи нападения медведя на человека,

Без ножа до ветру никогда не ходи.

Идешь в тайгу на день, продуктов бери на неделю.

но это было с рафинированными горожанами, впервые попавшими в тайгу. Ведь всегда им говоришь: не приближайся, увидев медвежонка, к нему, а быстрее уходи от него. Рядом где-то медведица, и если она обнаружит тебя рядом с медвежонком, считай, пропал. А, то, что у тебя болтается нож на ремне, то это оружие для курицы или чистки рыбы.

«Ладно, дождь пошел спорый и, видимо, затяжной. Надо садиться за аэроснимки и камеральничать, делать всю ту работу, которую можно выполнить на таборе».

Наступил вечер. Мужики вернулись из тайги. Дождь. Смысла искать в дождь никакого. Они прочесали всю тайгу вокруг на 8 км и никаких результатов. Да, и какие могут быть результаты поисков в этом лесном океане? У таборщицы нет спичек, топора, нет костра, а соответственно, нет никакой еды. Не будет же она за собой развешивать тряпочки. Развешенные тряпочки, кстати, могли бы и помочь, но она совершенно точно не догадается это сделать. А во-вторых—что она будет рвать? На ней, как оказалось, были свои городские, правда, резиновые сапоги, тренировочные штаны, какая—то кофта и обычная легкая туристическая куртка. Да, в этой одежде в конце августа без костра не сладко. Все это понимали и жалели ее.

Прошел день с дождем. К вечеру дождь вроде бы и прекратился, но с утра пошел снова и, судя по всему, зарядил на весь день.

Наступил девятый день жизни Таньки в тайге.

—База, база, база, я Тайга! Ну, что там у вас на базе? Где начальник?

—Сообщаю, дождь повсюду и вертолета из-за погоды не будет. Но если прояснится погода, то вертолет придет.

Договорились держать связь каждые два часа. Мужикам сказал никуда не отлучаться, быть весь день на стреме. Дождь снова шел весь день, и база ничего не обещала.

Наступил десятый день. С утра вроде бы шел небольшой дождь, потом прекратился, и тучи начали растаскиваться. День должен был быть летным.

—База, база, база, я Тайга!

База моментально ответила. Ответил сам начальник партии и твердо сказал:

—Ждите вертолета!—и он будет также сам участвовать в поиске. Приказал мне собрать все медикаменты—йод, таблетки, бинты и всякое, необходимое в этом деле.

Мы взбодрились. Конечно, сегодня вытащим Таньку. Начальник при-

казал не уходить с рации и ждать его сообщений. Часа через два, около одиннадцати, заверещала по рации база, прося Тайгу выйти на связь. Начальник радостно сообщил, что вертолет уже идет на базу за ним и часа через полтора будет у нас.

Трудно передать состояние людей, днями безрезультатно ждавших вертолет, и вдруг получивших сообщение, что он идет. Мы все сидели на вертолетной площадке, чутко прислушиваясь к окружающим звукам. Вот закричала кедровка, занимаясь добычей ореха в кронах ближайших кедров. Вот через площадку перелетела сойка, а потом опять стало тихо. Наконец-то появился где-то далеко в небесах над нами звук. Звук шел от реактивного самолета, идущего из Москвы во Владивосток. Это была его трасса, и каждый день в одно и то же время этот звук извещал нас, что где-то есть другая, не похожая на нашу, жизнь и, что об этом забывать нельзя. День долго тянулся и вот уже солнце к вечеру, а вертолета нет. Подождали, когда солнце сядет, и поплелись домой на табор. После захода солнца никогда никакой вертолет уже не придет. Это правило строго выполняется повсюду вертолетной службой.

Наступило утро.

—База, база, база, я Тайга!

База незамедлительно ответила. Начальник партии печально ответил, что на подходе к базе, как сообщили ему с вертолетного отряда, вертолет совершил в тайге вынужденную посадку по каким-то техническим неполадкам. Отряд ищет другой вертолет и сейчас вертолетная служба занимается им.

—Сидите на связи и ждите,—посоветовал начальник печальным голосом.

Вот тебе на! Конечно, случаются вынужденные посадки по техническим причинам, но почему сейчас, когда все заняты пропавшим человеком. Да, как же его найти? Как! Заверещала рация, и начальник сообщил, что завтра техники на месте посадки что-то исправят, и только послезавтра вертолет придет к нам. Возможно, придет и другой вертолет, из другого отряда. Откуда он к нам придет, мы уже не слушали. Главное, что он придет послезавтра.

Прошел одиннадцатый день, как таборщица ушла с табора. Где теперь она? Мои рабочие прочесали все вокруг на удалении 15 км. Куда лететь?

И вот наступил двенадцатый день. Около 11 часов мы услышали незабываемый звук вертолета, самую мелодичную музыку для нас. И вот он, наконец—то появился. Как положено, дал два круга и мягко призем-

В тайге не суетись.
Делай всё медленно, но
не присаживаясь.

лился. Из вертолета выскочил механик, посмотрел под пузо вертолета и дал знак командиру, что все в порядке. Винты остановились. Начальник партии махнул рукой и мы все—трое рабочих и я—заскочили в салон.

—Куда лететь?—спросил начальник.

—Лететь только на север, не удаляясь далеко от реки, она на 100% там, на севере и, видимо, ушла далеко. На юг она не должна была уйти. Здесь болото, табор провел плотный поиск.

Начальник экспедиции подошел ко второму пилоту и показал район поиска.

—Все, полетели,—обратился он к командиру.

Механик заскочил в салон, винты закрутились и чуть приподнявшись, вертолет, набычившись, пошел на стену леса, круто поднимаясь вверх. Минут через двадцать мы были в районе поиска. Вертолет снизился до самого минимума, и мы стали осматривать каждое болото, каждый массив леса. Лес хорошо просматривался, и мы надеялись, что мы ее все-таки увидим. Летаем час, пошел второй, второй пилот уже стал показывать на часы, мол, пора возвращаться на базу заправиться. И в это самое время подбегает Яшка Красненков, тащит начальника к иллюминатору и показывает вниз. Я долго смотрел во все закоулки леса и вдруг на болоте увидел человека, обнимающего наш квартальный столб. Снизилась и увидели, что Танька не только обнимала столб, но даже не поднимала головы на наш вертолет. Показали командиру, он кивнул головой и стал искать место для посадки с подбором. Он дал круга два и стал приземляться на болото с низкорослой осиной, давая знаки мне, чтобы рабочие выпрыгивали из вертолета и срубили с десятков деревьев, на которые он показал. Яшка выпрыгнул с рабочими, и они буквально за десять минут повалили мешающие посадке деревья. Вертолет сел, не выключая винтов, в 50 метрах от Таньки.

Она никак не реагировала на наш прилет, обнявши столб, она стояла, прижавшись к нему головой. Мы подбежали к ней. Она по-прежнему прижималась к столбу, целуя его и судорожно глядя его руками. Нам некогда было ее успокаивать и расспрашивать. Мы схватили ее за руки, она что-то сильно кричала, глаза были полны слез, она пыталась вырваться, хватаясь за столб. Все подумали, что она, конечно, свихнулась, раз так сильно сопротивлялась. Мы вчетвером оторвали ее от столба, подхватили на руки и побежали к вертолету. Быстро засунули ее в салон, механик заскочил следом, и вертолет взмыл в воздух. Таньку положили на сиденье. Я сел рядом с ней. Она вскочила, села и начала горячо

Заблудился в тайге, не паникуй. Найди открытое место, разведи костёр и жди, тебя обязательно найдут. Пойдешь искать дорогу—пропадёшь.

обнимать меня, целовать, что-то бормотать, буквально обливая меня слезами. Я не сопротивлялся и так и сидел, удерживая ее, чтобы она не упала на пол. Потом задрожала и, уткнувшись мне в грудь, обмякла и заснула, продолжая обнимать меня.

Вот и табор. Сели. Осторожно сняли Таньку из вертолета, и он тотчас улетел. Везти ее в больницу никто даже и не пытался. Мы перенесли ее в палатку. Постелили спальный мешок и положили на него нашу таборщицу. Она, всхлипывая, уже во сне, продолжала обнимать раскладушку, стараясь прижаться к ней. Одежда на ней была грязная, рваная, волосы растрепанные. Но что самое интересное, она была спереди вся в смоле. Смола сваяла всю порванную часть одежды в какие-то комки, прилипшие к телу. Грудь, вывалившаяся из бюстгалтера, тоже вся была измазана смолой. Потом она заснула, свернувшись клубком, и из палатки слышалось только хриловатое дыхание.

Я посмотрел на часы—было около двух часов дня. Она спала весь этот день, ночь и только к вечеру следующего дня проснулась. Открыв глаза, она продолжала лежать на спальном мешке, уставившись в потолок палатки. Я сел рядом, взял ее руку и стал поглаживать. Наконец она произнесла:

—Где я?

—Танька, что, не узнаешь? Ты в палатке, дома!

—До-о-ма...—протянула она протяжно, улыбнулась и опять свернулась калачиком.

Через три дня Танька вся праздничная, причесанная, надушенная, с марафетом на ресницах и губах, выпрыгнула из палатки. Она выглядела даже интереснее, чем была до блуждания по тайге. На тонком, опавшем бледном лице проступал легкий румянец, придавая ей внешний облик урожденной городской женщины. Все ждали момента, когда она сядет за стол. И вот, наконец-то, она с нами. У каждого были всякие вопросы, но главные задал я—всего два вопроса.

—Тань, я понимаю, ты питалась в тайге только ягодами, сейчас полно кругом черники, брусники, клюквы, это понятно, но как ты спала в тайге без спичек и топора и, соответственно, без костра?

—Очень просто—ответила она,—наламывала сухих ветвей у сосны и ели и делала постель, как учили меня по технике безопасности. Я лежала на толстой постели из сухих ветвей и бок у меня, на котором я лежала, был всегда сухой. Ну, а что сверху было холодно—да, было холодно. Но ведь в это время еще не было температуры ниже +5. Тем более, не было

Таборщицу бичи сильно уважают, если она ни с кем не спит, заботливо для всех стирает, хорошо и чисто готовит, молча остаётся на таборе, когда все уходят в заход на один или несколько дней. Очень опасно о такой таборщице говорить плохо при бичах, могут побить.

ни инея, ни мороза. Так, засыпая и просыпаясь, я проводила ночь. Сначала было очень страшно одной в темноте, а потом привыкла. Изредка посещала меня какая-то маленькая сова. Садилась напротив, недалеко от меня на голую ветку, крутила головой и подолгу наблюдала за мной.

—И второй вопрос: что ты вдруг обнимала и целовала столб?

—А что бы ты стал делать? Я одиннадцать дней в тайге. Уже отчаялась выйти на табор, или на какой-то знак, визирный или квартальный столб. И вдруг я вышла. Я знала, как определиться по столбу, где север, где юг. Узнала, что мне надо идти на юг, на юге табор недалеко от реки, а просеку я эту знала, знала, что она проходит рядом с табором. Вот я и обнимала его как родного, целовала, и вся извозюкалась в смоле. После того, как вы сняли кору, на столбе выступило много смолы, и она осталась на мне. Когда я увидела столб, я как помешанная побежала к нему, упала на колени, а потом стала обнимать и целовать его, приговаривая, что он—мой спаситель, милый, любимый, дорогой мой спаситель, поливая его слезами. Я с утра целовала его как помешанная, и когда вы прилетели, я продолжала его целовать. Он был мое спасение. А тут прилетели вы, и я, видимо, потеряла сознание. Теперь я буду ходить в лес только со спичками и с котелком, а Яшку попрошу сделать мне маленький топор. Вот тогда-то я точно не пропаду.

Ну, что я мог ей сказать? Молодец! Но при этом добавил, что удаляться с табора по технике безопасности одной не положено, и теперь всегда будешь ходить в тайгу с кавалером.

Всё делай строго по инструкции, когда валишь дерево, помни, что в тайге нет скорой помощи и оплакивать будет некому на похоронах.

Интересно! Кто же там в чаще?

Это таежный семинар. На его проведение съезжаются все таксаторы экспедиции где они в течение 6-8 дней на тестовых лесных участках (пробных площадях), обследованных и обработанных заранее, проводится отработка методических вопросов (тренировка) визуальной оценки морфометрических показателей древостоев с применением измерительных инструментов. Таксатор допускается к самостоятельной работе при условии, если результаты его визуальных таксационных оценок леса не превышают допустимые величины в сравнении с ранее измеренными. После тренировки таксаторы разъезжаются по таборам и начинаются таежные будни—заходы, таксационные описания тайги, промеры просек и визиров, постановка квартальных и визирных столбов и пр. пр. до самого снега.

Тренировка—обязательное мероприятие по отработке различных методов таксации местных лесов.

Деревья пилят не только пилой,
но и головой!

Разделка и обмер молодых деревьев.
Взятие спилов для анализа.

Проникновение через годовичные слои
в глубь истории тайги.

Исследование местообитания тайги.
Описание почвенно-геологического разре-
за ведут доктор геолого-минералогических
наук Волков Игорь Александрович и доктор
биологических наук Феликс Зиновьевич
Глебов (в почвенном разрезе).

После недельного скитания в горах
Туруингра ночевка в старой избушке стара-
теля стала райским сном, как в королевской
опочивальне. Дальний Восток, 1960 год.

Подъем по порогу бичевой. Дальний Восток, 1960 год.

Тайга-хозяин

В обычной жизни я жил и живу, как и все, по правилам, установленным испокон веков для комфортного и, по возможности, бесконфликтного общения между людьми: с почтением и уважением относиться к старшим по возрасту и должности, просить человека что-либо сделать обязательно со словом «пожалуйста», за сделанное всегда говорить «спасибо», не допускать грубости в обращении к людям и в совершении поступков. Но эти правила, как оказалось, мало пригодны для тайги. Тайга сама решает за тебя, как поступить в том или ином случае.

Мне было тогда 25 лет. По житейским понятиям, как сказал бы хант, еще «щенок». В 1960 наша экспедиция должна была приступить к обследованию лесов в бассейнах рек Гилюя и Зеи. Это в тех районах, как выяснилось впоследствии лет через 15, где работали потом комсомольцы, сплошные герои-строители Байкало-Амурской магистрали. Мы же прибыли сюда выполнить обычную работу, которая ничем не отличалась от нашей работы в других районах. Только были здесь горы хребта Тукурингра, а значит, нас ожидали физически более тяжелые заходы в тайгу. Но это обстоятельство таксаторов никогда не смущало—работать в Саянах, или на Алтае, или в горах Тукурингра. Организация работ шла своим отлаженным чередом. Начальством был заключен с местным авиаотрядом договор на обслуживание объектов вертолетом. Это было самым главным залогом успеха полевой работы.

Экспедиция прибыла вовремя, в начале мая, в райцентр Зeya, в место базирования. И вдруг, совершенно неожиданно начальнику экспедиции Трегубову Владимиру Ивановичу лётный отряд отказывает в вертолётe. Оказывается, все местные вертолеты ушли в Китай на выполнение каких-то нам неизвестных работ. Для экспедиции это была почти катастрофа. Около 150 человек осталось без транспорта в совершенно неиз-

Успех работы в тайге определяет не демократия, а жесткая диктатура таксатора, начальника партии и начальника экспедиции— профессионалов.

вестном для нас районе. Однако, оглядевшись на месте, выясняем, что ближние участки, в пределах 100 км, к поселку Зея оказались доступными по горным дорогам, и таксаторы этих участков, не мешкая, приступили к заброске в тайгу автотранспортом. На другие участки в районе поселка Бомнак таксаторы забрасывались оленями, с которыми они работали потом все лето. Кстати сказать, оленей этих они нанимали у сына знаменитого Улукиткана, о котором геодезист и писатель Федосеев очень проникновенно рассказал в книге «Последний костер».

И только мне не повезло. Более того, я был наказан тайгой за мою хитрость, кстати, очень простую. Меня никто не неволил, и я выбрал и упросил начальство дать мне самый дальний объект, в 200 км от п. Зеи на север. Я выбрал его из соображений, что я залечу туда на 4-5 месяцев, буду спокойно работать, не отвлекаясь на поездки в штаб экспедиции, бичи будут весь сезон со мной, и их не будет соблазнять близость поселковых лавок. И тут я сильно прогадал. На месте выяснилось, что мой объект оказался самым недоступным. Добраться до него по Гилюю можно было только на лодке со стационарным мотором. У нас же не было ни лодок, ни моторов. Да и как на них добираться по этой, буквально свирепой, реке. Названия порогов на Гилюе могли привести в трепет любого храбреца—Большой людоед, Малый людоед, Гусиное горло, Бычье горло, Гармановский, Васильевский и др. Последние были названы именами знаменитых старателей, много раз поднимавшихся по этим порогам и, в конце концов, погибших в них. Что делать? Куда деваться? Объект надо делать!—Из плана его никто уже не изымет. Те таксаторы, объекты которых были доступны, приступили уже к таксационным работам и, единственное, что их смущало—невероятно крутые горы хребта Тукурингура и обилие клеща, зараженного энцефалитом. В ту пору прививок от этого клеща еще не было. А нам что делать? Выход все-таки нашелся. Начальник партии Владимир Иванович Белов пригласил в свою партию работать радистом своего отца Ивана Павловича, пенсионера, бывшего маркшейдера, работавшего до пенсии на горных рудниках в Кузнецком Алатау. И вот этот маркшейдер, уже считавший себя крутым таежником, предложил, что он за свои деньги закажет изготовить деревянную лодку местной конструкции, купит подвесной мотор «Москва», впервые появившийся в магазинах, и будет возить мой отряд по реке. Будет получать заработную плату за работу и отдельно—плату за сдачу нам в аренду лодку с мотором. Радости моей не было предела. Мужичку 55 лет, опытный горный инженер, проработавший всю жизнь

В тайге никогда никого не учи как жить, а только подсказывай. Что делать и как делать пусть соображают сами. Если кто не понимает подсказки и делает упрямо по-своему, хуже чем делают остальные, избавляйся от него.

в тайге, нашел выход из тупика, в который мы вляпались. Разумеется, начальник экспедиции Трегубов В.И. согласился взять его на эту работу. Сын был просто восхищен поступком отца. Он был особенно доволен, что на таком ответственном месте будет работать свой человек. Мы же были вдвойне довольны, когда выяснилось, что лодкой мы можем ходить от местечка на Гилюе, называемым Перевозом. От этого места и до моего объекта расстояние сокращалось на 100 км. А до поселка Перевоз, через поселок Золотая Гора, мы будем добираться автотранспортом.

Но, оказалось, что пройти даже эти 100 км по реке было не так просто. На этих ста километрах надо было преодолеть четыре порога и множество шивер, которые, как нам сказали знающие люди, не пройти без проводника.

В п. Перевоз в то время было всего три избы. В одной из них жил одинокий старатель дядя Ваня. Каждое утро, сидя на маленькой веранде и щурясь от утреннего солнца, он сирым голосом тянул заунывные каторжные песни, подыгрывая себе на старой гармошке. Я познакомился с ним. Он оказался весьма словоохотливым дедом, и его было не унять, когда он рассказывал мне различные истории из старательской жизни в горах хребта Тукурингура, с удовольствием вспоминая свои фартовые дела. На мое предложение стать нашим проводником на Гилюе, он без всяких условий согласился. Он обязал нас добыть очень крепкую пеньковую веревку, длиной не менее 80 м, и такой толщины, чтобы было удобно держать в кисти руки. По-своему укрепил борта и уключины лодки, оборудовал корму. Где-то в своем сарае нашел старое, но еще крепкое весло, специально изготовленное для управления лодкой на порогах.

И вот, наконец-то мы с легким грузом отправились вверх по реке. Новый подвесной мотор гудел ровно, не капризничая. Иван Павлович, пока мы шли по плесу, легко вел лодку, и видно было, что он не впервой на реке с подвесным мотором. Слышим и видим впереди порог. Подошли ближе, остановились. Вода мощными струями, огибая огромные камни, срывалась вниз метров двести. Внизу под порогом она крутилась мощными водоворотами, потом успокаивалась, и далее река спокойно несла свои воды. Мы четверо, кроме дяди Вани, впервые видели порог и невольная оторопели при виде этой водной бурлящей лавины. Высадились из лодки. На фоне свирепого порога лодка, несмотря на свою семиметровую длину, казалась мне детской игрушкой. Все стояли и молчали. Дядя Ваня, не обращая ни на кого внимания, укрепил особым узлом бе-

Все опасные препятствия в тайге преодолевай сам первым.

чеву к новой уключине, потом пропустил всю бечеву через специальную петлю «бурундучину», закрепленную на носу лодки и выпрямившись доложил:

—Все готово!

Иван Павлович смотрел на все его приспособления молча. Дядя Ваня, как само собой разумеющееся, сказал Ивану Павловичу:

—Какого ты хрена стоишь? Сними мотор и уложи в лодку! Мне надо сидеть на корме и работать веслом, а ты стоишь, рот раззявил,—не объяснив при этом, что мотор будет мешать.

Ивана Павловича буквально передернуло такое грубое обращение, но смолчав, он снял мотор и долго укладывал его в лодке.

—Ну что, мужики, пошли!—обратился ко всем дядя Ваня,— Меня отталкивайте, берите бечеву и как только она натянется, пошли вверх.

Перед этим он пояснил нам, как надо идти с бечевой:

— Главное, бечева должна быть все время натянутой, и ни в коем случае нигде не должна цеплять за камни. Особо строго следите за этим. В случае, если бечева зашла за камень, особенно, когда лодка пойдет по порогу, а кто-то из вас увидел и поспешил освободить ее и вдруг ослабил ее, поток воды отбросит лодку от направления проводки, и она может перевернуться. Я в этом случае не удержу ее в сильном потоке, а Вас всех сбросит в воду, если не бросите бечеву. Бечеву же никогда ни в коем случае нельзя ослаблять и бросать. Кожу на ладонях может порвать, но это не беда, зато лодка и груз будут спасены. Будьте всегда в верхонках, а бечеву все время держите на спине, удерживая ее левой рукой сзади, а правой спереди, если от Вас лодка как на этот раз идет слева. Ясно?—закончил он объяснять и пристально поглядел на каждого.

Он оттолкнул лодку от берега и, после того как бечеву натянуло, мы потащили ее к порогу. Дядя Ваня вел лодку строго в струе потока, не давая ей отклоняться. Бурундучина помогала ему удерживать лодку прямо. Один из нас, шедший последним, следил, чтобы бечева не зашла за камень. Прошли порог без приключений. Вышли на плес. Отдохнули и дальше пошли вверх на моторе, управляемом Иваном Павловичем. Появилась шивера. Наш моторист, ничего не говоря, пристал к берегу и начал отстегивать мотор. Дядя Ваня посмотрел на него и сказал:

—Иван Павлович, так здесь же шивера. Твой мотор, не напрягаясь, пройдет ее. Нет надобности тащить лодку.

Иван Павлович хмуро посмотрел на дядю Ваню и огрызнулся:

—Не твой мотор и не твоя лодка. Садись на корму и веди!

Мы опять впряглись в бечеву и поволокли лодку вверх. Дядя Ваня ловко обходил камни, и мы со скоростью черепахи продвигались вперед. Иван Павлович на этот раз не молчал. Он что-то кричал дяди Ване, постоянно пытаясь показать руками, куда надо идти старателю, всю жизнь ходившему по Гилюю. Шивера кончилась. Начался плес. Дядя Ваня вышел из лодки, и сидя на камне, нервно курил «Звездочку», наблюдая за Иван Павловичем. Мы загрузили лодку и опять пошли вверх мотором по плесу. Подошли ко второму порогу. На этот раз на пороге было много огромных камней и нам приходилось останавливаться, не ослабляя бечеву, перекидывать ее через камни и идти дальше вверх, к бровке порога. Наш маркшейдер уже не с нами шел, а бегал по берегу и громче, чем на шивере, указывал старателю, как вести лодку, забегая в воду и размахивая руками. Дядя Ваня, не обращая на него внимания, держал лодку строго в потоке, и только пот на его лице и сопли из носа говорили, что вести лодку в этом пороге не просто. Через полчаса прошли порог и встали в начале плеса. Дядя Ваня, лежа на камнях, курил. У него дрожали руки, то ли от прошедшего напряжения, то ли от дурацких распоряжений Ивана Павловича. Он пристально смотрел куда-то вдаль, в тайгу, на синий силуэт хребта Тукурингра. Подвесив мотор, подошел к нему маркшейдер. Разговорился. Мы сидели рядом, и ухмыляясь, наблюдали за человеком, азартно и поучительно рассказывающим, как ходить по горным рекам.

—Ладно, Иван Павлович, кончай базар, заводи мотор и поехали— впервые за всю дорогу грубо оборвал я его.

Все уселись, и мы опять пошли вверх мотором. Следующий порог был попроще первых, и я попросил дядю Ваню дать мне попробовать порулить. Дядя Ваня подробно объяснил мне, как надо управлять лодкой. Я сел на корму и лодку провел. Конечно, со страхом, не отводя глаз от потока воды. Мне стало все понятно, и все оставшиеся шиверы, я прошел, самостоятельно управляя лодкой. Иван Павлович буквально свирепел, когда я сам принимался вести лодку. Он бегал по берегу и, азартно жестикулируя, пытался мне что-то указывать. Прошли еще один порог и несколько шивер, и только через два дня мы добрались до места. В минуты отдыха и чая Иван Павлович все время отчитывал дядю Ваню за то, что он не так ведет лодку. Он уже как профессионал объяснял нам, как ходить бечевой, на моторе и на веслах по этим горным речкам. Мы начали уставать от его поучений, но все-таки как-то притерпелись. Дядя Ваня только ухмылялся и все с большим презрением сверлил глазами

При переходе нельзя отставать от группы, пить сырую воду, разговаривать, надо внимательно смотреть под ноги, вперед и по сторонам и внимательно слушать.

С бичами обращайся как с равными партнёрами, но не фамильярничай и никогда не унижай. Бичи уважают только строгих и справедливых профессионалов. С ними бичи пойдут в огонь и воду.

новоявленного учителя. Ладно, думал я, пусть старики ссорятся, они же каждый в своем деле профессионалы, у них большой жизненный опыт, их надо уважать. Со временем притрутся друг к другу, и работа пойдет. Я уже свыкся с мыслью, что каждый раз от п. Перевоз до объекта мы будем добираться два дня, но главное, я не буду стоять из-за транспорта.

Разгрузились. Я оставил трех бичей ставить и оборудовать табор, а мы ушли втроем вниз в п. Перевоз. Несмотря на явную боязнь, Иван Павлович прошел все шиверы и пороги, нигде даже не сорвав шпонки на винте мотора. На перевозе ждали нас еще двое рабочих, таборщица, имущество и продукты, и я объявил, что завтра уходим вверх. Но, не тут-то было. Иван Павлович с утра занялся мотором, откручивал и прикручивал в нем всякие гайки. Мне надоело наблюдать всю эту его возню, подошел и спросил:

—Иван Павлович, вы же мощность мотора не увеличите. Вы ведь пять дней назад его перебирали. На это Иван Павлович высокомерно ответил, что за техникой надо следить бдительнее, чем за женой, и продолжал свое дело.

—Иван Павлович,—продолжал настаивать я,—работа стоит, надо срочно забрасывать рабочих и продукты, пока хорошая погода.

—Это твое дело. А мое дело держать исправный мотор и исправную лодку для выполнения твоей же работы—внушительно произнес он, продолжая копаться в моторе.

Досада и бессилие одолевали меня, и даже какую-то ненависть почувствовал я к этому человеку. Наступил четвертый день. Иван Павлович наконец-то был готов идти вверх и объявил, что можно загружать лодку. Я пошел к дяде Ване. Он сидел, как всегда, на веранде и заунывно тянул какую-то каторжную песню, подыгрывая себе на гармошке. Я сказал:

—Дядя Ваня, пора собираться, уходим.

Дядя Ваня поглядел на меня и внушительно тихим голосом сказал:

—Не пойду с этим вашим мореходом. Жалко мне Вас, проболтаетесь с ним все лето на Гилюе, а работу свою не сделаете. Он душу из Вас всю выпотрошит, а Гилюй и тайга таких не любят. Нет, не пойду я с вами, прости старика.

Он замолчал и опять заиграл на гармошке, задумчиво глядя на тайгу.

Я растерялся. Как же я буду без проводника, да еще такого знатока реки? Эдак мне придется самому все время проводить лодку по порогам, а моя таксаторская работа будет стоять. Глядя на дядю Ваню, на его глаза, отрешенно смотрящие в тайгу, я понял—уговаривать его бесполезно.

С бичами можешь быть и грубым, но всегда справедливым.

Узнав о его отказе, Иван Павлович что-то шамкнул губами, но ничего путного так и не сказал.

—Вот, Иван Павлович, первый ощутимый результат твоей работы,—сказал я злобно, перейдя неожиданно на ты.—Давай собирайся, через час уходим.

—А кто будет на порогах вести лодку?—промямлил он плаксиво.

—Я буду, а кто же еще? Не тяни резину, собирайся,—резко сказал я и ушел к рабочим. Это не было моим опрометчивым решением. Я был уверен, что проведу лодку по порогам, если буду строго следовать указаниям дяди Вани.

Через час отправились вверх. Бичам я наказал, чтобы они ни в коем случае не подначивали Ивана Павловича:

—Пусть хотя бы хорошо на плесах лодку ведет, а на порогах и шиверах разберусь сам.

К вечеру первого дня мы прошли почти все пороги. Впереди оставался всего один. Выложились полностью. Пока бичи готовили ужин и ночевку, я лежал пластом на животе в каком-то забытье. Тело невольно вздрагивало при воспоминании о бурлящем потоке, отклонении лодки при ослаблении бечевы и животном страхе от боязни ее разрыва. Кисти рук после весла еще не разогнуть. Неподалеку сидел Иван Павлович и молчал. Переночевали. Утром рано пошли вверх.

Оставалось преодолеть один порог и три шиверы— и мы дома. Под порогом приготовили лодку, я сел на корму и мы опять пошли вверх. В отличие от оставшихся позади порогов, здесь в одном месте шел узкий сплошной поток воды. Громадные камни были только с краев потока, под которым крутилась вода. Мы шли вверх, и ничто не мешало идти в потоке. Ближе к выходу на плес я заметил, что вода отдельными прерывистыми всплесками, огибая нос лодки с обеих сторон, начала попадать в лодку. Я заорал бичам, чтобы как можно быстрее тащили ее, но было поздно. С обеих сторон носа лодки вода пошла струями в нее. Я что есть мочи закричал, чтобы все, не ослабевая бечеву, подвинулись к лодке и стали заводить за камень. Напрягаясь изо всех сил, я держал лодку, пока не завели ее за камень. Здесь уже в спокойной воде она стала погружаться и успокоившись встала на дно вместе со мной. Глубина здесь была не более одного метра. Груз, хоть и закрепленный веревками, немного всплыл. Мы лихорадочно лодку разгрузили. Имущество и продукты разместили на камнях и стали сушить. День стоял солнечный. Мы лежали на камнях и радовались, что все прошло более-менее удачно. Лодка

Если не хочешь порубиться, топор должен быть всегда острым, которым можно было бы подточить карандаш.

Река Гилюй—самая свирепая
река на Дальнем Востоке.
Таксатор В.Герасимов.

не перевернулась, и груз мы спасли, кроме нескольких мешков сухарей и мешка комкового сахара. Развязанные мешки с сухарями лежали отдельно, и мы видели, как сухари превращались в месиво, похожее на мокрый песок. Сахар мы разложили на расстеленные палатки, но это не спасло его. Из кусков вытекал сахарный сироп—«дефицит сахара», как окрестил его Вовка Мокшин, лежавший рядом. Мы смотрели, как сахар превращается в ноздреватые куски. Иван Павлович сидел молча у воды и, не отрывая глаз, смотрел на горизонт, очерченный хребтом Тукурингра. Видимо, вспоминал свою молодость, Кузнецкий Алатау, когда все удавалось, где не нужно было исполнять опасную работу на такой свирепой реке. Меня и бичей ничего не отвлекало, и мы спокойно сушили все промокшее на солнце и у костра.

После обеда внизу мы увидели лодку внизу, подошедшую к порогу. Узнали, что это лодка геологов, но не поняли, почему они не решаются идти по порогу. Из лодки вышло три человека и пошли к нам. Ба! Так это наши знакомые геологи. Один из них нес какую-то тряпку. Подошли, поздоровались, сели пить чай. Кинули к моим ногам эту тряпку, оказавшуюся моим спасательным жилетом. Их начальник партии сел к костру, взял кружку чая, подул, остужая его, и обратился ко мне:

—Николаич, ты не шути с этой рекой. Неделю назад мы на косе подобрали труп человека, погибшего месяц назад. Сейчас поднимаясь вверх, мы увидели, что по реке плывет твоя спасательная рубашка и, конечно, подумали, что тебе каюк. Но, увидев из-за поворота раскиданные вещи, лодку и людей, обрадовались и решили придти и сделать тебе выговор. Когда правишь лодкой и, вообще, идешь на лодке даже с хорошим мотором по порогу, всегда на тебе и на твоих людях должны быть спасательные рубашки. Мы здесь работаем давно. Тебе трудно представить, сколько в этой реке погибло людей до нас, а также и при нас. Понял?— Закончил геолог. Остудив чай, стал пить его, прикусывая нашим решетчатым сахаром.

—Да,—продолжил он,—на «Москве», на этой консервной банке с гайками, пока Вас кто-то не научит, не суйтесь в пороги. Если пошли на порог, то надо идти вперед и только вперед, не оглядываясь назад. Идти надо под камни, где вода закручивается. Подойдя к камню, уравновесь скорость лодки со скоростью потока, отдохни, вытри сопли и пот, а потом, не боясь, пересекай струю под углом и опять иди под следующий камень. Не дай бог, если заглохнет мотор! Особенно при выходе на бровку порога. Тогда, считай, пропал. Только спасательная рубаш-

В заход надо идти только в сапогах. На ноги надо наворачивать только портянки, тогда ноги будут меньше потеть, будет удобней идти и не появятся мозоли.

ка может спасти тебя. Лодку же с привязанным грузом разобьет где-то на середине потока или перевернутую вынесет целую на плес. Ну, а по шиверам, видимо, вы уже и так ходите без обучения. На шиверах надо знать более глубокие проходы, и пока не узнаете, много полетит шпенок,—закончил он.

Я посмотрел на Ивана Павловича и сказал:

—По шиверам мы ходили только бечевой. Наш кормчий, хозяин лодки, сидящий рядом с тобой, боится по ним ходить, бережет мотор, себя и заодно и нас.

—Ну и зря. Будете все лето топтаться на Гилюе,—поднимаясь, заметил геолог.—Ну, ладно Николаич, мы пошли вниз, а Вам удачи наверху. На порогах надевай обязательно рубаху,—сказал он и пошел с товарищами к своей лодке.

Наконец-то мы просушили все, что можно, загрузились и пошли вверх. Вскоре подошли к брошенному поселку Миллионный. В нем когда-то жили старатели. Черные провалы окон нескольких ветхих домов напоминали о кипевшей когда-то здесь жизни.

Оборудовали ночлег. Сварили ужин. Сидели у костра пили чай и обсуждали первое наше приключение. Залило нас потому, что на этот раз в лодке был большой груз, чем при первой проводке и, естественно, поток воды надвое, огибая нос лодки, стал заливать её. Я сказал Ивану Павловичу, что когда вернемся надо нарастить борта лодки узкими тонкими досками, пришить болтами и законопатить. Иван Павлович посмотрел на меня, усмехнулся и я понял, что он хотел сказать: «Кого, мол, учишь, малец, сам знаю что делать», но сказал другое:

—Надо нарастить борта лодки здесь и после этого и только после этого можно идти вверх.

Я не стал спорить. Он посмотрел на крыши домов, покрытых тесом, и сказал, что нарастить борта нет проблемы. После этого ответа я понял, что у нас складываются деловые отношения. Согласился: «Давай делай». Подумал, что это займет часа два утром, и к обеду мы уйдем.

С утра светило яркое солнце. Гилюй спокойно нес свои воды к Зее. Посмотрел на лодку. Около нее никого не было. А было уже около 10 часов утра. Вчера так напластались с этим порогом, что все еще спали. Только один бич сидел у костра, чифирил и варил кашу. Скоро все поднялись, умылись и пошли к костру. Я спросил:

—А где Иван Павлович.

—А вон он, ушел вниз и рыбачит.

Сменную одежду с тёплым свитером и шерстяными носками надо всегда иметь в рюкзаке.

—Как рыбачит?

—А так и рыбачит,—ответил бич.

Я свистнул, подавая сигнал к завтраку. Подошел Иван Павлович. Сел у костра и рассудительно заявил, что он сегодня встал очень рано, обошел все дома, ничего подходящего из досок не нашел; что также не нашел смолы, что у него нет болтов, что надо возвращаться вниз и уже там в п. Перевоз нарастить борта лодки. Я слушал его очень внимательно, все время боясь сорваться. Подумав, ответил:

—Иван Павлович, впереди всего две шиверы, и для похода по ним не надо наращивать борта. Поднимемся, оставим продукты, я поставлю рабочих на работу и мы вернемся вдвоем вниз и все прилады сделаем там внизу.

—Нет, я дальше больше не пойду, пока не подладим лодку. Пусть рабочие здесь нас подождут. За три дня ничего с ними не случится, не случится ничего и с твоими объектами. Сейчас только первая половина июня, до снега еще полно времени.

После этих его слов у меня перехватило дыхание, к горлу подкатил комок ярости, и я уже был готов обрушить этот комок на голову учителя хождения по Гилюю, теперь еще возмнившему себя руководителем моих работ. Но, собрав все силы, сдержался и спокойно сказал:

—Ладно, давайте есть кашу, а там разберемся. Тайга нас рассудит.

После каши я пошел к лодке. Осмотрел груз, мотор, проверил борта лодки, походил по берегу, зашел в лес, увидел следы давнего присутствия медведя и вернулся к костру.

Все сидели у костра, пили чай, молча курили. Только Иван Павлович, будто ничего не случилось, спокойно ковырялся палкой в углях костра.

Я сел на камень, тоже закурил, а потом спокойным металлическим голосом произнес:

—Дорогой Иван Павлович, слушайте сюда, как говорят в Одессе. С этой минуты я более с вами не работаю. Я реквизирую у вас лодку и мотор вместе со всеми к ним причандалами. Далее: оставляю Вас на этой косе, даю Вам палатку, топор, котелок, одностволку с жиганами, спальный мешок и продукты на неделю. Вам надлежит неделю на этой косе жить, и прошу Вас с косы не уходить и не удаляться в тайгу. Тайгу местную я не знаю, но я видел в лесу старые следы медведя. Раздражать его не надо. В этом случае костер Вам надо держать круглосуточно, а к костру он не подойдет. Через неделю я вернусь, и мы уйдем с Вами на Перевоз. На Перевозе я дам сопроводительное письмо начальнику

Бриться в тайге—это пижонство. Борода защищает тебя от гнуса, от холода, избавляет тебя от заботы греть воду и таскать с собой бритву.

Таксаторы Владимир Герасимов, выпускник Уральского лесотехнического института и Леонид Рубенок, выпускник Ленинградской лесной Академии. Первый год работы на Дальнем Востоке, с.Зея, 1960 год.

партии, и пусть он с Вами разбирается. Он же оплатит Вам стоимость лодки и мотора.

Говоря это, я не сводил глаз с лица Ивана Павловича и видел, как подрагивали мышцы на его лице.

—Как? Забираете лодку, мотор и отказываете мне в работе?—без ожидаемого возмущения, дрожащим голосом произнес маркшейдер рудников Кузнецкого Алатау.

—Иван Павлович, я по-другому поступить не могу. Тайга заставляет меня так поступить!

Саньке Банникову наказал выделить все, что нужно для жизни на косе и, не глядя больше на Ивана Павловича, пошел к лодке. Поступок мой был невероятно опрометчивым. Никто из нас не ходил на лодке этим мотором и, более того, в тот год мы вообще впервые видели этот подвесной мотор. Но, не растерявшись, я Виктору Мазину как бывшему шоферу, приказал садиться за мотор. Виктор осмотрел мотор, и мы оттолкнули лодку от берега. Новый кормчий стал заводить мотор— не заводится. Иван Павлович, как сидел на камне, так и продолжал сидеть, глядя на нас и ничего нам не подсказывая.

—Виктор!—сказал я,—проверь бензин.

Виктор поднял бачек (бензин был) и увидел, что пробка бачка завернута до отказа. Он быстро сообразил, ослабил крышку, дернул шнур, мотор загудел и мы пошли вверх, не оглядываясь на место нашей ночевки.

Через неделю я вернулся на косу. Выплывая на лодке из-за поворота реки, я увидел на косе дымок от костра. Все беспокойство о моем арестанте мигом исчезло. Пристав к берегу, я не стал спрашивать, как он провел все эти дни, а только пригласил быстрее грузиться в лодку. День клонился к вечеру. Мотор завелся, и я повел лодку вниз по плесам, шиверам и порогам. Кстати сказать, мотор «Москва» был одним из самых капризных моторов в то время. Видимо, Иван Павлович не зря копался в нем, и, может быть, благодаря ему, мотор проходил все лето.

С помощью моториста геологической партии мы научились подниматься по всем порогам и избавились от бечевы. Стали уже забывать Ивана Павловича, но на этом наши отношения с ним не закончились. Через месяц Иван Павлович попросился ко мне работать радистом, которым он и собирался изначально устроиться. Я не отказал ему. Не мог отказать после его слов:

—Николаич, в тот раз на косе ты поступил правильно, и я обиды на

тебя не держу. В самом деле, всему здесь хозяин—тайга, а она робости никому не прощает.

В тот сезон мной с пятью бичами и таборщицей в горной тайге хребта Тукулингра было прорублено 450 км визиров, и столько же километров пройдено с таксацией леса. Эти данные, вместе с данными, полученными всей нашей экспедицией, послужили основой для составления карт лесных ресурсов бассейнов рек Гилкой и Зея, информация о которых совместно с результатами геологических исследований других экспедиций послужили базой для прокладки Байкало-Амурской железной дороги.

Кашеваром будешь признан тогда, когда научишься готовить кашу на костре не перемешивая.

В отличие от маршрутов, принятых в любых других экспедициях, таксаторы и бичи делают заходы в тайгу с целью описания лесов и проведения различных таксационных измерительных работ. Таксатор в заход ходит в сопровождении двух рабочих-бичей, которые ведут промер просек и визиров или с одним, когда он проводит таксационные работы. Бичи по двое также уходят в заходы на прорубку просек и визиров. Обычно в заходы уходят на один или несколько дней или на две-три недели. В заходах таксаторы и бичи обычно ночуют под тентами у костров там, где застанет ночь. Постель обычно устраивают из жердей положенных на брёвна. Жерди сверху застилаются лапником, уложенных хантейским методом. После таких ночевок никто никогда не хворает простудными болезнями.

Обычная ежедневная работа—промер просек и постановка пикетов.

Когда же кончится этот заход?!

В заход на закладку пробных площадей
для тренировки.

Не зная броду, не суйся в воду—одна из самых руководящих поговорок таежника.

Кто там? Не мешай работать таксатору, укушу!

Таксатор в заходе. Ход через гарь.

Подготовка пикетов для промера просек
и визиров.

А что может быть лучше макарон в тайге,
только макароны с говяжьей тушенкой!

*Где-то на югах, в теплых волнах плещутся
женщины, мужики пьют холодное пиво,
а тут гнись в этой гребаной тайге.*

Река упирается в щелку.

Двигаясь вверх по Гилюю, я наконец миновал три переката: Гармоновский, Васильевский и Гусиное горло. Выбравшись из последнего и проплыв по плесу метров 500, я причалил к берегу. В деревянной лодке лежали продукты, которые я вез на табор. Немного передохнув от последнего переката, я заглянул в бак с бензином. На дне оставалось всего литра три бензина. Мотор «Москва», недавно вышедший в серию, был маломощным, капризным, тихоходным и, конечно, при таких качествах пожирал много бензина. Я считал, что на полном баке дойду до табора, а уж там заправлюсь для спуска вниз. Но не тут-то было. На порогах мотор сожрал практически весь бензин. Ладно, подумал я, на этих трех литрах доберусь до базы геологов, стоявших в брошенной деревне Миллионный. До нее еще километров десять, доберусь еще до заката солнца.

Посидел, покурил, завел мотор и пошел вверх. Вот и геологи. Уткнувшись в берег, поднялся вверх к палаткам. Геологи были рады встрече и сразу же усадили пить чай. В ту пору на Гилую кроме трех экспедиций— геологической, геофизической и нашей лесоустроительной— никого не было, и сотрудники этих экспедиций знали друг друга и очень тесно общались. Свирепая порожистая река объединила нас, и мы друг другу помогали, чем могли.

В лагере был начальник партии и несколько сотрудников. Я зашел под навес, поздоровался и принялся за чай.

—Ну, что, куда идем?—спросил начальник партии.

—Как куда? На свой табор, везу продукты. Бичи, поди, уже вышли из захода и ждут,—ответил я.—Только вот беда, кончился бензин. Бака даже на 40 км не хватило.

—Да... - протянул геолог.—Я «Москву» не буду приобретать, пока не разобью старика «Л-12».

Режим дня в тайге.

Подъем утром в 6.00. Развести костёр и поставить воду в котлах на костёр и только тогда идти по нужде и умываться. Варишь, что бог послал: лапша с тушенкой и чай, уха из щуки или окуней и чай. Чаю выпивать 2-4 кружки, эмалированных. Работа до 2-х часов без перекура. До этого времени строго не пить сырую воду. Каша рисовая или пшенная, гречневая или лапша, чай. Чаю—опять 2-4 кружки. Остановка ночевать в 8 часов вечера. Подготовка ночлега. Ужин из дичи или из рыбы, добытой по дороге. Если дичи или рыбы нет, тогда лапша и чай. В заход надо брать только топленое масло.

«Л—12», двенадцатисильный мотор, как ломовая лошадь, таскал их большую лодку, и геологи без всяких усилий проходили свирепые пороги Гилюя.

—Да, вот беда, у нас тоже нет бензина. Не знаю, как тебе помочь добраться до места,—задумчиво проговорил он.—Э, однако, бери одну лошадь под вьюк. Вчера из тайги вышел отряд с тремя вьючными лошадьми, вот и бери одну. Пока ты идешь на свой табор, наша вторая лодка подтащит бензин, и я тебя заправлю.

—Ты это серьезно говоришь, что дашь лошадь?

—Ну конечно, бери! Но загрузись пока только консервами, мало ли что может случиться? Ведь это все-таки Гилюй, Да, и погода, глядя по всему, может измениться к дождю. То есть я хочу сказать, что вдруг откуда-то тебя достанет вода, а консервы не промокнут.

От неожиданности этого предложения я пробубнил:

—Да, это здорово! Здесь всего то семь километров до моего табора, и, пожалуй, я к позднему вечеру дойду,—опрометчиво предположил я, высказав показную радость от его предложения. Я еще никогда не ходил с лошадьми под вьюками, но мне не хотелось в этом сознаваться, боялся подмочить свою репутацию таежного волка.

—Все, давай, бери вон того буланого мерина!

Он позвал одного сотрудника помочь мне затарить два вьючных ящика консервами и укрепить их на лошади.

—Сам иди пешком. На лошади и так приличный груз. К вечеру наверняка дойдешь. Давай с Богом!—напутствовал меня начальник партии и передал поводья.

Долго не рассусоливая, я двинулся вверх по реке по пологому берегу. Лошадь шла за мной бойко, изредка пофыркивая.

Прошли километра три, берег становился все круче. Появились крупные булыжники и камни. И тут я вспомнил, что с этой стороны берег вплотную подходит к самой реке и обрывистой стеной уходит в воду. Такие места на реке мы называем «щеками». Обычно около щек течение реки быстрое, и очень часто там с завихрениями образуется узкий поток воды, встреча с которым даже на лодке опасна. Но я помнил, что около этой щеки я не замечал быстрого потока, а напротив этого берега расстилается тихий плес, обрамленный пологим противоположным берегом.

Ну, думаю, пройду. Подошли к обрыву. Я подвел коня к воде и стал тащить его за собой. Конь без всяких уговоров зашел в воду. Я ухватился

за упряжь вьюка, и лошадь поплыла вдоль берега против течения. Проплыли метров десять, и конь стал прижиматься к крутому берегу, явно ища на дне упор, чтобы встать. Однако такого упора не было. Но вот конь остановился, напрягся и выбрался на большую каменную площадку. Я оторвался от коня и также нащупав твердое под ногами, выбрался на площадку по камням, как по лестнице. Конь стоял, широко растопырив ноги, дрожал и фыркал. Я стоял около него, поглаживал его морду, уговаривал не трусить. Наконец дрожь коня утихла, он почти перестал фыркать и принял более удобную для себя лошадиную позу. Нам оставалось плыть против течения еще метров 20. Я подумал: еще постоим, отдохнем и сделаем эту попытку. Я уже начинал сам дрожать от холодной воды и прохладного вечера, и подумал, что пора сходить в воду. Я попробовал нащупать впереди дно, но не нашел. Камень уходил под воду обрывом. Тем не менее, я стал тянуть лошадь в воду. Но она никак не хотела идти, и у меня не хватило сил стронуть ее с места. Она опять задрожала, зафыркала, а я поднялся из воды и стал размышлять теперь уже, как вернуться к геологам. Постояв немного, я развернул ее, и вдруг она сама вошла в воду и поплыла. Я схватил ее за хвост и поплыл за ней. Смотрю, она не поплыла назад. Она прямо плыла на тот берег, легко преодолевая воду и радостно пофыркивая. Думаю, куда она меня тянет? Держась за хвост, я не мог повернуть ее вниз и плыть по течению вдоль берега, по которому мы полчаса назад шли.

Но вот приблизился противоположный берег. Лошадь встала на ноги и, пофыркивая, пошла на берег. Я вышел за ней. Она стояла на берегу, мотала головой, сбрасывая воду и, как мне показалось, даже посматривала в мою сторону.

«Черт возьми,—подумал я,—придется вернуться этим берегом, переплыть назад таким же манером Гилюй и добраться до лагеря геологов.

Но не тут то было. Выйдя на сухой берег, я, растерянный от неожиданного поворота дел, подошел к лошади, а она вдруг, не обращая внимания на меня, пошла вверх по реке туда, куда мы хотели добраться по противоположному берегу. Я быстро смекнул, что она за меня решила, как все-таки доставить груз до места, куда мы хотели добраться. Я подхватил поводья и пошел впереди ее, подчинившись ее решению. Через два часа мы добрались до места и переплыли второй раз Гилюй с пологого берега, на берег, где располагался табор.

Поздно вечером, сидя у костра, я рассказал своим людям про этого коня, и постарался как можно убедительнее сформулировать вывод,

Чтобы не вызвать конфликтов в отряде, того, кто сыпет сахар в кашу, а масло на хлеб накладывает слоем толще ломтя хлеба, отлучи от котлового питания, пуская готовит себе пищу сам.

В заходе пьем только чай. На крайний случай чифир, если сильно устал, а дойти надо.

который сделал из этого случая: теперь я верю тем алкашам, которые рассказывают, как лошадь довозит их до дома в дымину пьяных. А после того, когда желторотому еще таежнику она доставила так продукты, уверен, что лошадь может быть умнее человека.

Утром я сел на лошадь верхом, и мы тем же путем вернулись в лагерь геологов. Вчерашним вечером в партию завезли бензин. Одолжив у них бачок бензина, я долго тряс руку начальнику партии, домогаясь, где они взяли такую умную лошадь.

—Да у нас они все умные. Они умнее нас с тобой. Они же у меня все время в тайге, все время ходят под выюками и переплывают Гилую туда-сюда в любое время.

—Ну, а все-таки, как она догадалась идти в сторону табора?—допытывался я.

—Да очень просто. Лошади наши таскают выюки только вверх по реке, а вниз они возвращаются пустыми. Ну, а на этот раз она поняла, что расстроит тебя и решила тебя выручать—подмигнула геолог, поглаживая морду Буланого.

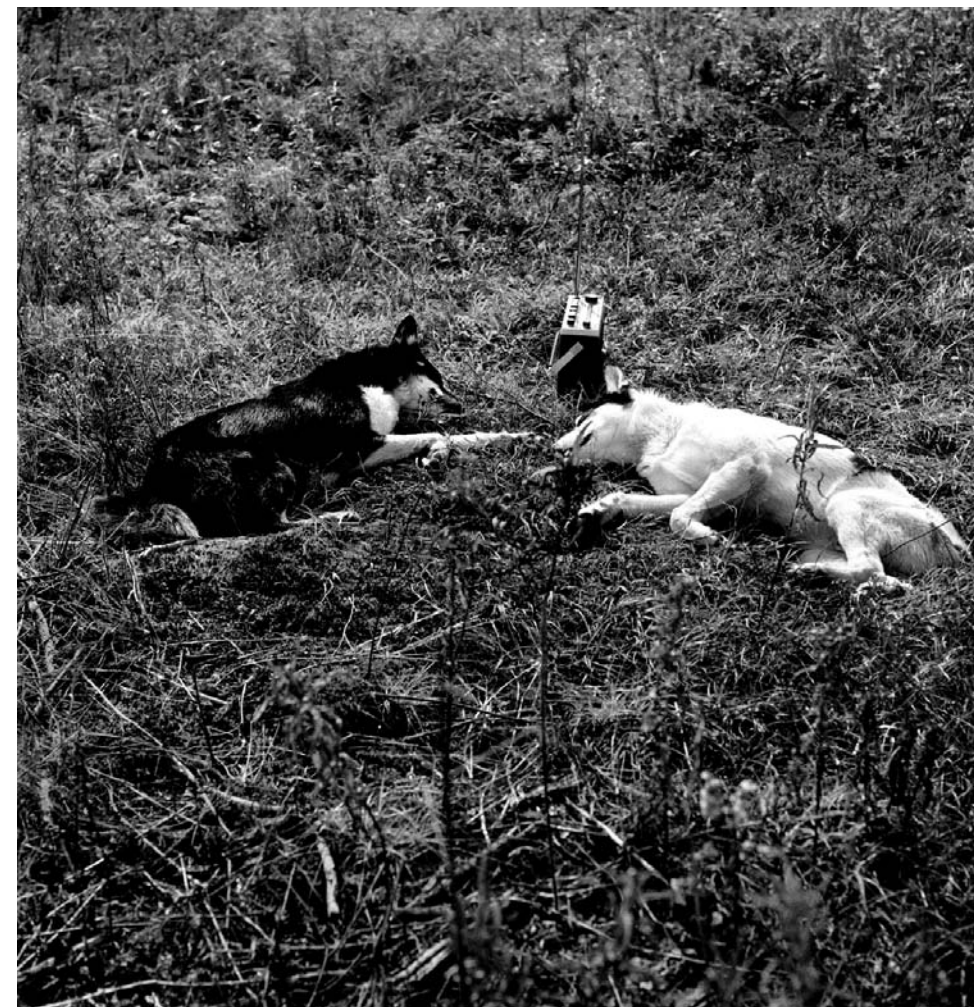

Никогда не оставляй посуду
немытой после ужина.

А это и есть обыкновенные бичи,
с которыми таксаторы привели леса в
известность от Урала до Камчатки.

Отдыха, как такового, в экспедиции практически в течение полевого сезона не бывает. Между длинными заходами бичи и таксатор, прежде всего, отсыпаются, отмываются, отъедаются, ремонтируются и опять собираются отправляться в тайгу на работу. Таксатор и техник (если таковой был в отряде) за это время успевают еще сделать обработку материалов, полученных в предыдущий заход. На все это затрачиваются не более трех дней и опять на четвертый день уходят в заход на 10-15 дней. В общепринятом смысле отдыхать некогда, памятуя, что надо выполнить огромный объем работ всего за 4-6 месяцев. Наиболее активно идет работа в тайге в августе-сентябре-октябре когда нет гнуса. После каторжных работ в июне-июле при сильном гнусе, вторая половина считается курортом.

В рабочий полдень мы любим полежать и послушать музыку.

Чтобы не завшиветь в тайге,
надо стричься наголо.

Разговор про рыбалку.

Якутский Казанова

Трифоныч, якутский Казанова.
Тува, с.Чадан, 1961 год.

Стояла мокрая погода. Окно то затягивало туманом, то изредка прояснялось. Видно было, как редкие капли дождя чертили мокрые полосы на стекле. В избушке нас было трое. Я сидел за столом. Изредка брал аэроснимки из стопки и склонившись над ними подолгу рассматривал через стереоскоп изображение лесов. Один рабочий валялся на раскладушке. Накрытый ватником, не отрываясь, он смотрел на яркие оранжевые мигающие дырки в печке. Печка стояла в углу и в ней потрескивали сосновые дрова. На чурбаке рядом с ней сидел Трифоныч, наш повар, бывший каторжник. Он заунывно гнусавил какие-то слова, побренькивая на гитаре. Изредка было слышно, как ему тоскливо на этом белом свете, как он ворчливо материл себя, какой он скотина, оставил дочь без матери и сам стал неприкаянным, мыкающимся по свету.

—Трифоныч, брось скулить,—не поднимая головы, проворчал я.—И так без тебя тошно.

Уже неделю ждали перевода из Новосибирска, жрать нечего, осталось всего 50 копеек на две булки хлеба.

—Лучше бы поднялся и где-нибудь у соседей подальше отсюда накопал бы картошки.

Трифоныч посмотрел на меня полными слез глазами, в которых поблескивали играющие отражения пламени из печки и ответил спокойно:

—Ладно, немного стемнеет, схожу на промысел. Соберу то, что Ермак еще не собрал.

И снова уткнувшись глазами в горящие дрова, продолжал свою заунывную песню про свою бестолковую жизнь.

Этот рабочий (не помню, где я его нанял) оказался толковым мужиком. Когда я его нанимал, вид у него был совершенно поношенный.

Жизнь в тайге отравляют только скучные люди. Без подначки и юмора, не будет мира и конфликты будут неизбежны.

Темное изможденное лицо избородили глубокие морщины, и только большие серые глаза и довольно-таки белые, не испорченные чефиром, зубы выдавали человека еще не совсем потерянного. На работу в лесу с топором я и не собирался его устраивать. Видя тонкие пальцы его рук, я понимал, что для этого дела он не годился. У меня не было таборщицы, и я его принял на ее место. В его обязанности входило охранять табор, варить пищу, готовить дрова и поддерживать порядок на таборе. Он с удовольствием согласился, и все это выполнял отлично. Здесь, особенно в Западной части Тувы, как оказалось, только такой таборщик, как Трифоныч, и должен быть. Ни одного постороннего более чем на 50 метров он не подпускал к табору, не выяснив, кто тот такой. Он артистично, не обращая внимания на время, выводывал все у человека, будь то тувинец или русский и приглашал к чаю только тогда, когда выяснял, что тот не только не имеет никаких злых умыслов, но может еще быть чем-то полезен в нашей таежной жизни.

Трифоныч жил все время в Якутии. В одном из районных центров он одно время был заведующим районным клубом культуры, и на этой должности он вел себя как меценат, общаясь в основном с провинциальными артистами, художниками, музыкантами, мечтающими завоевать подмостки в столице Якутии или даже в самой Москве. Он неплохо играл на гитаре, пел и как все заведующие подобными заведениями закладывал за воротник. Занимая эту должность, ему было практически нельзя отказаться от выпивок, встречаясь как с местным начальством, так и с местной провинциальной богемой. Увлекался девочками, для которых он был местным кумиром, и, конечно, в силу обстоятельств своей творческой жизни, приходил домой всегда поздно, и нередко даже на следующий день.

Подобная жизнь привела его к тому, что он становился все более равнодушным к женщинам, но самое страшное - появилась отчего-то ревность к своей жене. Как он рассказывал, эта ревность съедала его ежедневно, и избавиться от нее он не мог. Ему казалось, что его жена, оставаясь в школе с детьми, была не с ними, а с одним из поклонников, которые у нее были. Как мужчина, он был равнодушен и к жене, но все равно ревность его грызла, и в него закралась мысль избавиться от жены. Как он рассказывал, он три года точил топор и три года провожал с ним жену в школу, доходя до тропы, которая сворачивала от дороги в школу. Он и наметил этот поворот, где решил совершить задуманное злодейство. И он его совершил.

Никогда не играй с бичами в карты на интерес—проиграешься. Карты в экспедиции лучше не иметь, подальше от греха.

Ему дали 10 лет тюрьмы, он отсидел от звонка до звонка и попал в первый же год освобождения ко мне. Он долго не рассказывал о своей жизни, но часто брал гитару и со слезами на глазах тихим голосом речитативом рассказывал о своей непутевой жизни. Его глаза особенно наполнялись слезами, когда он вспоминал дочь и просил у нее прощения.

Начинало темнеть. Трифоныч поднялся, стал одеваться, собираясь идти на промысел. А промысел был простой. Где-то, возможно, у знакомых накопать всего пол-ведра картошки на ужин и завтрак. Он взял мешок, лопату, отворил дверь и тихо скрылся.

Прошел час. Нету Трифоныча. Прошло два часа - нету Трифоныча. Наконец через три часа вваливается и сбрасывает с плеча почти целый мешок картошки. В его поведении появилась какая то решительность. Он, не раздеваясь, подсел ко мне и без всяких предисловий попросил отдать ему оставшиеся на хлеб 50 копеек.

—Трифоныч, на что они тебе сейчас? Я же сказал тебе, что эти 50 копеек на завтра, и ты на них купишь хлеб. Сейчас-то тебе они на что? Пойми, они же последние.

—Николаич, Христом Богом прошу, дай мне их. Я их сегодня ночью пр.....у.

Немая сцена. Я отодвинул аэроснимки и, не мигая, уставился на Трифоныча. Лежавший рабочий резко сел на раскладушке и, не сговариваясь, мы вместе произнесли:

—Как прь?

—А так, очень просто! За встречу я пообещал 50 копеек. Я же мужчина, и я должен быть джентельменом.

Мы с рабочим буквально покатались со смеху.

—Джентельменом, за наши 50 копеек? Ты, оказывается, еще и слово это знаешь—джентельмен!

Трифоныч, нисколько не смутившись, артистично поднял голову и произнес:

—Вы что, не знаете, что я творческий работник от бога? Это я с Вами, как заблудшая овца, боящаяся Вашего рыка, а там я творец!

И он поднял указательный палец, оперев его в матицу потолка. Мы обомлели. Ну, как не дать 50 копеек на святое дело мужчины? Он, может быть, за эту встречу обретет новый вкус к жизни!

Я обратился к бичу:

—Ну что, дадим?

Я отсчитал Трифонычу два раза по 20 плюс 10 копеек, и каждую в

отдельности двумя пальцами—большим и указательным—немного подержав, ронял в его пригоршню, произнося:

—Смотри, не подведи нас! Ступай с Богом.

Трифоныч, радостный, выбежал из избушки и пропал до 11 часов следующего дня. Мы наварили картошку вечером, наварили утром, оставили Трифонычу и начали уже было беспокоиться о нем. Что-то он уж очень долго шляется по публичным домам.

На улице светило яркое солнце, обещая не только погоду, но и вселяя надежду, что перевод скоро придет. И, наконец-то, вот он, наш джентельмен, якутский Казанова! Идет вразвалку, в расстегнутой рубашке, щурясь на солнце. Увидев нас, он еще больше приосанился, и с широкой улыбкой, торжественным голосом произнес:

—Я сэкономил 50 копеек, сегодня будем с хлебом! Деньги не понадобились, я оказался не только джентельменом, но и истинным мужчиной, которого она не хотела отпускать! Вот так вот, шантрапа, лежащая на раскладушках!

Он, ухмыльнувшись, высокомерно глянул на коллегу.

Действительно, на следующий день мы получили деньги, нагрузили вьюки на лошадей и отправились опять в тайгу к отряду, ожидавшему нас уже неделю. Начались опять таежные будни, но теперь каждый день у костра мы слушали рассказы про ночные блудни Трифоныча в Чаада-не.

Экспедиция закончилась, слава Богу, без ЧП!
Слева направо—таксаторы Михаил Смирнов,
Владимир Герасимов, Леонид Рубенок,
Александр Николь, Яков Корсаков, Леонид
Кабанов (клещ).

Клещ

Мы сидели у камина и потягивали пиво. У меня в гостях начальник современной лесоустроительной экспедиции. Я, проработавший в различных экспедициях более пятидесяти лет, и он, уже лет десять ходит в начальниках и, конечно, нам было о чем поговорить. Мы обсуждали различные проблемы лесоустроительных работ в прошлом и сейчас, и, в конце концов, говорили о профессиональных качествах экспедиционных людей. Я сказал, что в современных новых технологических условиях, пожалуй не найти начальника партии или начальника экспедиции отличающихся какими-то оригинальными свойствами, которые могли бы вызвать удивление и быть примером в работе и в поведении. В, частности, я отметил:

—Ну, вот ты, кем ты являешься для своих подчиненных? Экспедиций сейчас настоящих нет, только выезды отдельных таксаторов в поле и то на своих автомобилях. Ты сейчас редко бываешь в поле. Вы, нынешние начальники, сидите целыми днями в кабинете, упершись в компьютер, вечно сверяете объемы выполненных работ в камералке и расходы на них. Точно по времени заканчиваете дневную работу и, не задерживаясь, почему-то спешите домой. Ну, вот ты—для подчиненных—плохой или хороший, злой или добрый, «закладывающий» или нет,—ты являешься для них, по-моему, некоей абстракцией, с ногами, руками и головой, и обязательно с галстуком на белой рубашке. Что ты можешь сделать сейчас такое, где мог бы проявить свою натуру, показать только тебе свойственный характер, чтобы мужики в курилке о тебе говорили с восхищением?—закончил я свой монолог.

Он начал всячески оправдываться и неожиданно заявил, обращаясь ко мне:

—Ну, а ты кого назовешь из своих начальников, который уж чем-то сильно отличался от других?

С бичами можешь быть и грубым, но всегда справедливым.

—Эх, ты, абстракция! - опять ухмыльнулся я.

Я мог позволить себе так сказать ему, поскольку друг друга мы знали давно.

—Ладно, расскажу тебе об одном начальнике экспедиции. Всего лишь маленький эпизод из экспедиционной жизни легендарного Кабанова Леонида Андреевича, под началом которого мне посчастливилось работать,—сказал я.—Правда, чтобы понять кто такой Кабанов, я вынужден сделать длинное вступление. Потерпи и ты все поймешь.

В 1961 году мы работали в лесах горной системы хребта Тану—Ола. Штаб экспедиции базировался в райцентре Чаадан. Нас было всех в экспедиции вместе с начальником 64 человека. Это была первая лесо-строительная экспедиция в Тувинской автономной республике, которая должна была обследовать и привести леса в известность на площади около 250 тысяч гектаров. Для гор это был большой объем и его должны были выполнить шесть таксаторских отрядов. Никаких вертолетов в Туве в ту пору не было и нам пришлось работать в тайге с вьючными лошадьми. Лошадей мы арендовали у тувинцев. Каждый месяц мы выходили из тайги в Чаадан с отчетами. Сдав их и нагрузившись продуктами, снова уходили в тайгу.

Был конец августа. И вот как-то, сдав отчеты, инженеры-таксаторы - я, Леонид Рубенок, Саша Никорь и рабочий Саша Банников зашли в столовую позавтракать перед отъездом на работу в Хондергей. За окном лил дождь. Вечером после сдачи отчетов мы немного посидели и, конечно, перед уходом в горы надо было «поправить здоровье». В буфете столовой не было ни водки, ни вина, ни пива. Было только шампанское, и мы для начала заказали две бутылки. Их быстро не стало. За окном продолжался дождь. Заказали еще еды и взяли теперь уже четыре бутылки шампанского. Открывали мы шампанское обычно со звуком, не стесняясь. За столиками никого кроме нас не было в эту рань. Но у входа в зал скапливались люди, переживавшие дождь. Однако дождь не кончался, и толпа у входа росла. И волей-неволей мы оказались как на сцене, за нами наблюдало много людей. В углу около стола росла куча бутылок из-под шампанского, кстати сказать, аккуратно составленных. Мы, конечно, уже разогрелись, почувствовали себя хорошо и продолжали сидеть за столом. Мы не были пьяны, так немного отяжелели от сухого вина.

Сашка Банников еще раз сходил в буфет, и приволок еще четыре бутылки, потом еще раз, и так до тех пор, пока мы не выбрали из буфета

С пьяными бичами или
вздорным инженером
никогда не связывайся.
Поддакивай, а потом когда
протрезвеют и успокоятся,
выгоняй.

весь их запас. Дело шло к обеду. На дворе все также шел дождь. Шампанское, как и пиво, заставляло нас часто бегать на улицу. И вот в один из таких выходов я увидел, что в грязи возится маленький клубочек жизни. Пригляделись—ба! Да это был щенок. Ему было недели три, из-под мокрой шерсти поблескивали глазенки, и он печально-печально скулил.

—О, вот и наша таежница!—воскликнул я.

Сашка подхватил щенка, положил его за пазуху, и мы вернулись к столу. Санька заказал стакан сметаны и блюдце. Налив сметаны в блюдце, он стал кормить щенка. Щенок с удовольствием стал уплетать сметану.

И все было бы ничего, но вдруг к нам подошла официантка и заорала на нас, что мы не только пьяницы, но еще и собак таскаем за собой, и ударила щенка ложкой. Возмущению нашему не было предела. Толпа у входа разом обернулась и стала смотреть в нашу сторону с еще большим интересом. Люди, кстати, никак не отреагировали на возникший эпизод. Ну и что, щенок! Щенок мокрый, очень маленький, мужики решили спасти его, накормить. Мне показалось, что толпа отнеслась к нашему поступку с одобрением. Официантку мы успокоили, заплатив за блюдце в пять раз дороже. Она успокоилась и ушла. Санька опять пригнул щенка и, держа блюдце в руке, дал щенку слизывать сметану. Дождь на улице прекратился, и толпа разошлась. Пора было ехать на подбазу в Хондергей.

—Ну, давай Санек, сходи, принеси шампанского на дорогу,—попросил я рабочего.

—Да все там кончилось. Мы же выпили шестнадцать бутылок! Шампанского больше нет, только компот в трехлитровых банках!

—Пацан, это же твоя Дуся в буфете. Иди, у нее конечно же, есть что-нибудь в заначке. Тебе-то уж наверняка она не откажет,—стали мы подбадривать Рубенка.

Он нехотя встал и поплелся в буфет. И вдруг минут через пять возвращается с ведром пива. Уж этого-то мы никак не ожидали. В тувинской глухомани пиво! Рубенок с улыбкой до ушей подошел и поставил ведро прямо на стол. Потом Сашка Никорь стал кружкой черпать пиво и разливать его по бокалам, из которых пили шампанское. Никто еще не успел даже пригубить этот экзотический для этих мест напиток, как вдруг мы услышали позади себя:

—Пройдемте!

Мы все разом оглянулись и увидели четырех милиционеров.

—Что значит «пройдемте»? Куда мы пройдемся?—задал дурацкий вопрос кто-то из нас.

Шибко пьяного нужно увести из компании, положить на постель на бок и поставить рядом таз. В этом положении не задохнется, если будет блевать. Присматривать за ним обязательно, чтобы не лёг на спину.

—Как куда? В милицию, конечно,—ответил внушительно один из милиционеров.

Ну что тут было делать? Мы поднялись и пошли к выходу. Рубенок прихватил пиво, и мы гуськом через центр села поплелись в милицию под конвоем четырех милиционеров. Впереди шли два милиционера, потом шел я, за мной Сашка Никорь, потом Рубенок с ведром пива, за ним Сашка Банников, и замыкали наше шествие два милиционера. «Не брать пива»,—никто из милиционеров не сказал. И вот мы в милиции. В первой маленькой комнате слева была печка-плита, а справа за столом у окна сидел дежурный милиционер. В дальнем углу в коридоре сидели еще два милиционера, курили. Из комнаты напротив вышел капитан, посмотрел на нас, на пиво и сказал:

—Заходите по одному, побеседуем.

Ладно, по одному, так по одному. Рубенок посмотрел, куда бы поставить пиво. Дежурный подсказал поставить пиво рядом с ведром воды. Потом принес кружки.

—А себе и вашим курящим коллегам?—спросил я.

—Так мы же на службе,—уклончиво ответил дежурный.

—Слушай, дежурный. Мы тоже на службе, и на очень тяжелой службе, и нам, и вам, служащим, отказывать себе в пиве, которого в Туве нет, нельзя! Это как-то непорядочно!—произнес я внушительно.

Милиционер пригласил своих товарищей, принес кружки, и мы стали за пивом обсуждать нашу нелепую ситуацию. Милиционеры смотрели на нас, весело ухмылялись, и один из них сказал, чтобы мы не брали в голову это событие, капитан разберется, и валяйте в свою тайгу.

К капитану я зашел первым. Он предложил стул и обратился ко мне:

—Ну, что случилось? А то здесь по телефону уже всякое наплели.

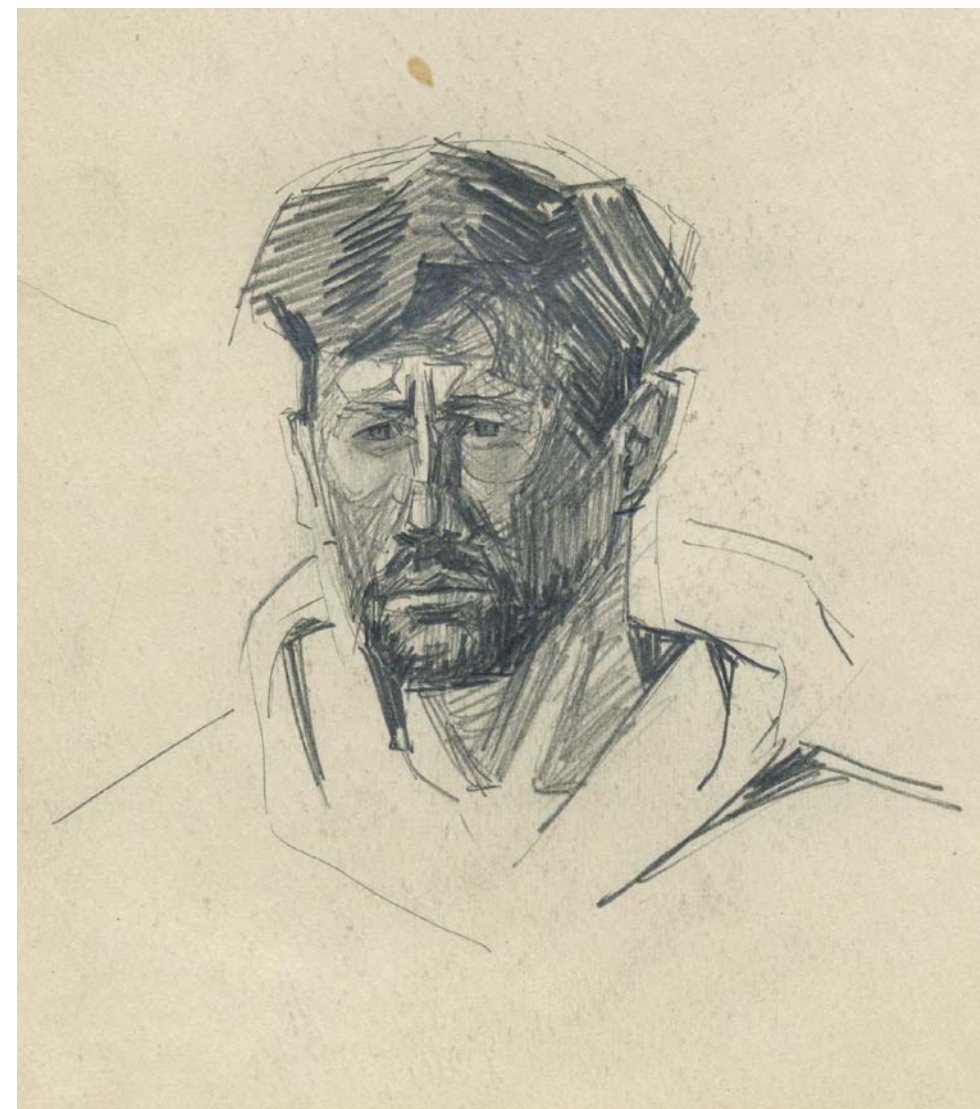
Я рассказал все, как было, и что виновный во всем щенок сейчас находится за пазухой за дверью. После меня он побеседовал со всеми и понял, что случившееся не стоит выеденного яйца. Потом он нас всех пригласил в кабинет и по-отечески обратился к нам:

—Мужики, постарайтесь больше так не похмеляться. Как-то нам здешним до сих пор не доводилось видеть, чтобы за завтраком, вчетвером, выпивали по 16 бутылок шампанского.

В это время зазвонил телефон и милиционер, глядя на нас, ответил в трубку:

—Да, да, да.

Пьяного никогда не бери
в лодку.

Мы уже уяснили себе, что мы расстаемся, но капитан на прощание, аккуратно положив трубку, улыбаясь, сказал:

—Пока не уезжайте. Приходите завтра, мы поговорим еще, а уж потом мы разъедемся. Все, до завтра, до 10 часов.

Мы вышли, допили пиво с милиционерами и уехали на квартиры на УАЗ-47, который все время нас сопровождал. Мы могли после милиции в любое время уехать на свою подбазу в Хондергей и дальше в тайгу. Нас ничто не держало, кроме джентльменского обещания, что мы придем.

Утром приходим в милицию. Дежурным был другой милиционер. Строго приказал подождать. Мы сели на длинную лавку. Вышел милиционер и пригласил сидящего ближе к двери, но теперь уже к двери другого кабинета. Милентьич зашел и через полчаса вышел, весь красный и злой, и стал нервно ходить по коридору. Потом зашел Никорь. Через полчаса тоже выскочил злой и красный. Я с недоумением посмотрел на них и с некоторой опаской зашел в кабинет. Это была большая комната, видимо используемая для всяких заседаний. В его конце был поставлен поперек стол, и за ним сидели три человека, как выяснилось потом, председатель райисполкома, начальник милиции, депутат. Рядом сбоку сидела девушка за пишущей машинкой. Справившись по данным в списке, кто я такой, они не разбираясь во вчерашнем инциденте, сразу втроем начали рассказывать, какая плохая наша экспедиция. От них я узнал, что в нашей экспедиции 64 человека, что из них уже в милиции, и в КПЗ в частности, побывали 35 человек. А теперь и мы, инженеры, пошли косяками: Милентьич—тридцать шестым, Никорь—тридцать седьмым, я—тридцать восьмым. Значит, тридцать девятым будет рабочий Банников. Я начал было что-то говорить в наше оправдание, но они не дали объяснить, как было дело. И вдруг заключили, что они лишат нас дипломов инженеров, выелят из Тувы экспедицию, и пр., и пр. Дослушав их обвинения, я им высказал, что приличной комиссии, пока она во всем не разобралась, к обвиняемому надо обращаться на «Вы», и добавил, что наши дипломы инженеров отнимать—это уже не их ума и права дело. Услышав от меня все это, председатель подчеркнуто жестко объявил, что я, как и мои коллеги, заслуживают по 15 суток принудительных работ. Санька Банников также получил 15 суток. Мы вышли, как оплеванные, и стали обсуждать, что же нам делать. Плюнуть на все и укатить в горы или подчиниться решению комиссии и подошедшему к нам улыбающемуся милиционеру, объявившему, что завтра в восемь часов он заберет нас из гостиницы работать на какой-то ферме.

Пьяного бича или инженера попавшего в милицию, обязательно выручай, когда станет трезвым. Рассказывай милиции всякие хорошие небылицы о них. Второй раз он должен выручить сам себя, а после третьего попадания избавляйся от него как от обузы.

Мы были до крайности возмущены этим произволом. Ни в чем не повинных людей, мирно завтракавших утром с шампанским, спасших щенка, наказали принудительными работами. За что? Надо идти искать правду. Мы отправились в райком, надеясь, что партия нас рассудит. А там нас уже ждали, узнав все от членов комиссии. Ждали третий секретарь и еще уполномоченный из совета министров Тувы, прибывший помогать на осенней уборке пшеницы. Встретили нас в райкоме любезно. Выслушав, очень вразумительно рассудили. Уполномоченный из министерства внешне очень солидный, с очень острыми глазками, сказал:

—Мужики, мы понимаем вас и ваше возмущение, но ничего сделать не можем. Комиссия так решила. И, мужики, на будущее мой совет. Мы здесь годами монотонно решаем задачи, вносим какую-то цивилизацию в жизнь Уренгойского края, самого отсталого на территории Сибири, а вы одним завтраком сводите насмарку наши усилия. Мужики, я вас понимаю, понимаю, в каких тяжелых условиях вы приводите в известность леса Тувы. Но зачем же устраивать бедлам всем на показ? Нехорошо, очень нехорошо!—заклучил он.

Не солоно хлебавши, мы вышли из райкома. Встали, курум, обсуждаем. Ладно, я пошел к председателю комиссии, т.е. к председателю райисполкома, решил поговорить с ним по-дружески. Он был еще в милиции. Я отозвал его из кабинета, где нас судили, и обратился к нему:

—Мы считаем, что Ваше решение было в высшей степени несправедливым, но подчиняясь ему, мы все-таки сделаем по-своему. Вот видите за окном стоит наш Вилис и ждет. Мы сейчас при Вас садимся в него и уезжаем далеко в горы на наши объекты. Можете искать нас, но Вы вряд ли без аэроснимков нас найдете.

Я показал ему пачку аэроснимков масштаба 25000, добавив, что они очень секретные и что совершаю преступление, показывая их человеку, не имеющему к ним допуска. Увидев аэроснимки, он как-то обмяк и стал ждать, что я ему еще скажу. А я сказал, что, отработав в горах свои объекты и выполнив государственное задание, мы вернемся в конце октября и отработаем свои пятнадцать суток принудработ. По-другому мы поступить не можем. Нас судили не за уголовное преступление, а так себе, для остратки.

—Так что смотри, председатель, решай, ты хозяин района и начальник комиссии,—сказал я, подчеркнув тем самым его значение.

Посмотрев на меня, кстати, очень внимательно, он вдруг обычным мирным голосом сказал:

На таборе категорически запрещай держать заряженное оружие. Помни: и кочерга раз в жизни стреляет.

—Ладно, заплатите штраф в банк по 15 рублей и обещайте завтракать так только дома!

Я молча, восхитившись его сообразительностью, улыбнулся и вернулся к парням.

Заплатив штраф в банке, мы тот час же отправились в Хондергей в штаб нашей партии. Нас ждали рабочие, с которыми завтра на лошадях с вьюками мы должны были отправиться в горную тайгу. Дорогой весело обсуждали последствия похмелья и гладили щенка, виновника нашего преступления. Он лежал на фуфайке, радостно посапывая от счастья. Мы дали ему кличку Беркут, в честь птицы, величаво парившей над нами. Беркут потом стал настоящим таежником, много лет ходившим с нами в экспедиции.

В камине весело горели дрова. Я на время закончил рассказ, допивая пиво в кружке и поглядывая на нынешнего начальника экспедиции.

—А где же рассказ про начальника?—спросил он.

—Ну,—ответил я—рассказ про начальника только начинается.

Приехали мы в Хондергей. Начальник партии Белов Владимир Иванович был невероятно рад нашему возвращению. Он еще больше обрадовался, когда мы, сидя во дворе на завалинке дома, обсуждали происшедшее с нами. Мы дали распоряжения своим рабочим подготовить коней, продукты и экспедиционный груз, чтобы на ночь уйти к себе в тайгу. Беседа шла, и мы были очень довольны, что все закончилось мирно. И вдруг мы увидели наш экспедиционный ГАЗ-51, вынырнувший из-за дома. Приблизившись на скорости к нам, он вдруг лихо остановился, подняв облако пыли. Дверь кабины скрипнула, и из кабины вывалился наш начальник экспедиции Леонид Андреевич Кабанов. Горбоносый, небольшого роста, но широкоплечий, он шел своей знаменитой походкой клеща. У него ступни ног не расходились, а были направлены под углом вовнутрь, и когда он шел, нам казалось, что он шел походкой клеща. Он даже не глянул в нашу сторону. Подойдя к начальнику партии, бросил строго:

—Собрать сейчас же производственное совещание!—и вместе с ним ушел в избу. Следом за ним появился шофер ГАЗ-51 Петя Синицин с ящиком «Старки» и засеменял мелкими шажками в избу.

Зайдя в большую комнату, Петя поставил ящики у двери и удалился. Белов с таборщицей быстро накрыли стол, поставили домашние огурцы и помидоры, нарезали хлеб, вскрыли несколько банок тушенки. Мы втроем, я, Рубенок и Санька Никорь, зашли в комнату и скромно сели

Идешь в тайгу на день, продукты бери на неделю.

на стулья, не придвигая их к столу. Леонид Андреевич сел во главе стола и строго сказал:

—Чего там-то сели? Ну-ка идите сюда и садитесь рядом со мной.

Мы перешли, сели, потупившись. Как только мы уселись, Леонид Андреевич сказал Белову:

—Что стоишь, давай открывай совещание.

Белов достал из ящика три бутылки «Старки», открыл их, и стал разливать питье по стаканам. Поставив стаканы перед каждым, сел. Леонид Андреевич взял стакан, чуть-чуть поднял его и произнес:

—Мужики, ну кто же так делает? Вы же сынки мои. Мне уже под шестьдесят, а вам еще тридцати нету. Что-то там случилось, а вы вдруг, не сказав мне ничего, я не говорю, что, не доложившись, а не сказав мне ни слова о случившемся, ускакали к себе домой. Кто же так делает? Меня вызывают в райком, я иду, и думаю, что я опять не дам им машину на уборку. У меня свой план, и они никак не могли меня заставить дать им машину. А с чего бы вдруг я дал им машину? Прихожу в райком, захожу к первому секретарю, сажусь, и вдруг он меня спрашивает: «Это твои бородачи?» И перечисляет вас поименно, рассказывает про вас, как вы завтракали с собаками в столовой, и что вы получили по пятнадцать суток принудительных работ. Моя машина еще не получила принудительных работ, а вы уже схватили. А, каково? И, ничего мне не говоря, мимо штаба экспедиции удрали к себе. Кто же так делает?

Он закончил, и добавил:

—Давайте выпьем, что все обошлось. Как видите, и ГАЗ-51 с Петей здесь.

Выпили, налили по второй, и он продолжил:

—Запомните раз и навсегда, зарубите себе на носу, что бы с вами не случилось, сразу ко мне, а там общими усилиями мы выберемся из любых трупоб. А теперь Белов, продолжай вести собрание, я остаюсь с вами до утра.

Утром, тепло попрощавшись с нами, он уехал. Мы же нагрузили коней вьюками и ушли в тайгу. Из тайги мы больше не выходили и через два месяца закончили работу. И теперь я всю жизнь вспоминаю этот урок, который без всяких разборок был преподан нам. Так что, мой молодой дорогой друг, понял, что такое таежный зубр, один из тех начальников экспедиции, благодаря которым приведены леса в известность на всей территории Сибири и Дальнего Востока?

Для создания хорошего вкуса еды, тушенку в вареве клади за минуту до снятия котла с тагана.

После встречи с «клещем»
опять в тайгу.

Пирожки с изюбрятиной

Август. Перешли на подножный корм—грибы.

Работали мы в лесах бассейна реки Гилюй. Наконец-то работа наладилась. Бичи практически не выходили из тайги. Я был доволен и занимался с одним из них таксацией. И вдруг он где-то в начале августа обратился ко мне с неожиданной просьбой:

—Николаич, рассчитай меня, я уйду в отпуск.

—В какой отпуск?—удивился я.—Вдруг, среди лета, просишь расчет. Заработки у тебя хорошие. И что это за отпуск такой?

—Что-то устал от тайги. Погулять охота. Хочу прогулять заработанные деньги, потом вернусь назад. Страсть люблю танцевать—как-то неуверительно пытался он объяснить свой поступок.

—Ну и что? В чем дело? Получай свои деньги и танцуй в Зее. Когда протанцуешь свои деньги, возвращайся. Отпускаю тебя на две недели и дуй в Зею на танцплощадку—пояснил я ему свое отношение к его отпуску.

—Нет, Николаич, так не пойдет. Вдруг со мной что случится. Вдруг какая-нибудь драка, или еще что-нибудь, заберут в милицию, будут судить. Вам потом будут лишние хлопоты, менты наедут, разбираться начнут, а Вы будете пытаться вывозить меня. Нет, так не пойдет—настаивал он.

Я рассчитал его. Он уехал в Зею и там в штабе экспедиции получил свои деньги. Прошла неделя, и мы стали забывать о нем. Прошла вторая неделя, и уже никто о нем не вспоминал, никто уже не думал, что он вернется. Уволился, ну и уволился. Мы, таксаторы, к этому всегда относимся спокойно и никого никогда не держим.

И вдруг, в один из дней, в конце третьей недели он появился. Да, притом появился не в штабе экспедиции в п. Зея, а прямо на моем таборе, в

На таборе категорически запрещай держать заряженное оружие. Помни: и палка раз в жизни стреляет.

котором мы стояли на берегу Гилюя. Улыбающийся, веселый, выходит из лодки геологов, которые подбросили его к нам.

—Ну, что начальник, принимай на работу, гол как сокол и готов хоть сегодня в тайгу.

Конечно, я был удивлен, ведь я его уже не ждал.

—Ну, давай садись за стол и колись, как провел отпуск. И чего вдруг так долго задержался—уже двадцать дней, как тебя нет. Мы уже от тебя отвыкли—произнес я с улыбкой.

—Да, что произошло? Все произошло,—как всегда просто произнес он с улыбкой, и начал свой рассказ.

—Прежде всего, я приоделся и стал ходить в ресторан. Заказывал там коньяк и бифштекс с яйцом. Больше там не было ничего. Присматривался к официанткам, и одна из них мне очень приглянулась. Я обычно с девчонками знакомлюсь быстро. Познакомился и с этой, пригласил ее в кино. Но в кино мне обычно скучно. Мне были нужны танцы. Я люблю танцевать и обычно я мастак в танце, особенно, когда играют вальс. Девчонку не нужно было долго уговаривать, и в третью нашу встречу мы отправились в местный дом культуры. Музыка, танцы те же, что в любом клубе России. Оказалось, она тоже любила танцевать вальс, и была потрясена ловкостью, с которой я кружил ее по залу. Многие даже останавливались и смотрели на нас. Мы были горды этим вниманием и старались танцевать еще лучше. Музыка затихла, и пока мы ждали следующего танец, я рассказывал ей всякие небылицы о себе.

Зазвучала музыка, опять вальс, я собрался снова пригласить мою спутницу на танец, но вдруг подкатывает какой-то прибалтанный из местных, потихоньку отдавливает меня от моей спутницы и приглашает ее танцевать. И что мне делать, как поступить—а, начальник? Я отодвинулся и ладонью похлопал по плечу новоявленного кавалера:—Молодой человек, видишь же—эта дама со мной. Надо спросить у меня разрешение на танец,—вежливо пытался я объяснить этому желторотому нахалу, как надо вести себя в подобных случаях.

—Какое еще разрешение? Это же наша Нинка с ресторана.

—Ну, что ж, что ваша Нинка. Была Ваша—стала наша,—грубо ответил я ему. После чего взял его за ухо, силой потянул к себе и процедил ему на ухо:

—Немедленно, сучара, отвали от Нинки и не зли меня зазря. О

Он моментально отвалил, и мы с Нинкой опять закружились, восхищая стоящую вокруг толпу. Танец закончился, я снова стал расска-

зывать о своих приключениях, но Нинка уже плохо слушала мой треп, тревожно то и дело оглядываясь. И ее тревога была не напрасной. Вдруг подваливают к нам уже трое молодых хмырей и приглашают меня выйти. Я опять вежливо тому первому объясняю, что мне нет резона выходить с ними, и если они что-то от меня хотят, то, пожалуйста, я к Вашим услугам.

—Нет, давай выйдем и объясним тебе—чья Нинка—ваша или наша.

Нинка стояла, потупившись, расстроенная, и вдруг побежала через зал к выходу. Ну, скажи, начальник, что я должен был делать? Я резко схватил одного из них и отработанным приемом бросил на пол. Двое этого не ожидали, но все-таки бросились на меня. Но я уже был готов их встретить. Этим для меня встретить было уже просто. Одного пинком в яйца, а другого, схватив за руку, приемом классической борьбы, развернул спиной к себе и коленом поддал с силой под зад. Он полетел к первому, который еще только поднимался.

Публика, стоявшая кругом, вдруг заплодировала и заулюлюкала, как в старом цирке, когда на ринге проходила борьба тяжеловесов по классической борьбе.

Вдруг откуда-то появился небольшой верткий человек (как оказалось, заведующий домом культуры), с ним какие-то престарелые фурии и здоровый милиционер с красной важной физиономией. Они оттащили от меня этих желторотых хмырей и куда-то уволокли. Меня же милиционер, взяв под руку, строго сказал:—Пройдемте. И я под рукоплескание толпы проследовал в отделение. На третий день после отсидки в КПЗ, мне дали пятнадцать суток, в течение которых я подметал улицы в центре села. Этим хмырей я больше не видел, а Нинка уже на следующий день стала каждый день приносить мне пирожки с изюбриной.

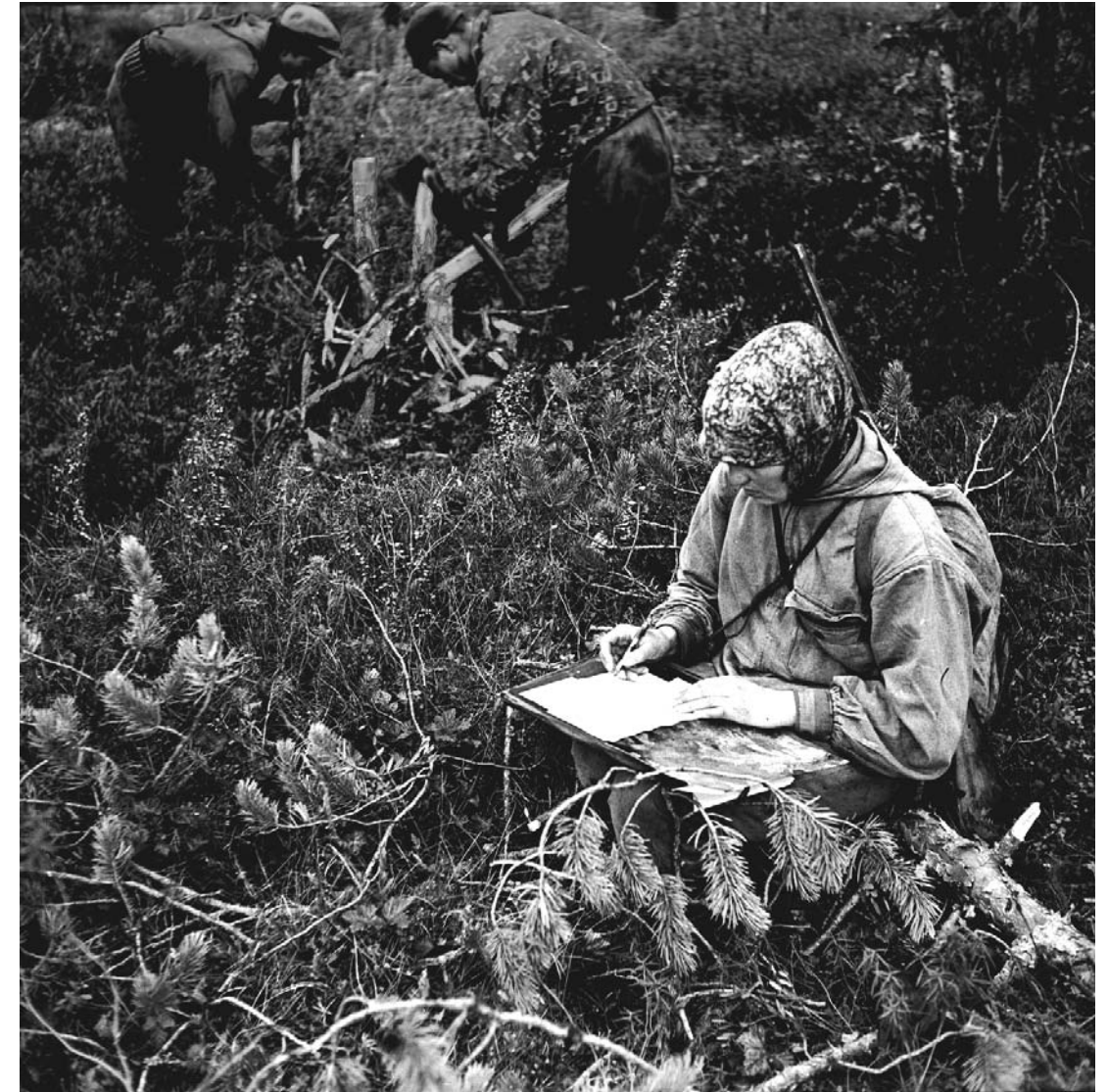
Вот так закончился мой отпуск. Давай начальник, принимай на работу—опять попросил бич.

—Слушай, а почему ты не остался в Зее, рядом с Нинкой и пирожками? Нашел бы работу рядом с ней и начал бы новую жизнь—ухмыляясь, посоветовал я.—Э, начальник, ты неправ. Теперь я должен заработать хорошие деньги и вернуться из тайги с цветами, которых в букете будет ровно столько, сколько я съел пирожков с изюбриной. А съел я их за отпуск немало.

Умей делать ночлег на болоте, в лесу, на камнях такой, чтобы не застудить почки. Учись этому в таёжника, как только ты появился тайге.

Чтобы выспаться у костра и не подгореть спи у надьи или у костра из сырых берёзовых дров.

В лесоустроительных экспедициях таксаторами работают также женщины, которые с таежной работой справляются не хуже, чем мужчины. Большею частью это жены таксаторов или стажировщицы, пока не ставшие еще женами каких-либо таксаторов. Там, где они, работа завершается обычно более качественно и с опережением, на таборах всегда больше котлет и блинов, а самогонки и браги никогда не бывает.

Будничная работа таксатора и бичей.

Г.Другова освоилась настолько в тайге, что стала самостоятельно одна ходить в тайгу.

Скоро все встанут, пора варить кашу и чай.

Наконец-то все отвалили в тайгу,
настала пора расслабиться.

Ата

Шел 1959 год. В стране шла реабилитация всех незаконно осужденных заключенных. Райцентр Ивдель, расположенный на крайнем севере Свердловской области, нелегально признанный Уральской столицей лагерей, был полон освободившихся заключенных, как политических, так и уголовников. К нам в экспедицию шли в основном уголовники, осужденные за различные преступления, имевшие различные сроки. Начальник экспедиции Владимир Иванович Трегубов и его помощник Бурага Даниил брали только матерых зеков, отсидевших в лагерях не менее 5-10 лет. Это были, как правило, мужики не более 40 лет, прошедшие в тайге на лесоповале огни и воды. Они понимали толк и в тайге, и в жизни. Руководители экспедиций брали их на работу, руководствуясь только им известным чутьем и, как правило, как показала впоследствии работа бывших зеков, чутье это оправдывалось. Они набирали их группами не менее 10 человек, отправляли на подбазу на оз. Арактур к таксатору Андрею Барышеву. Андрей принимал их, далее гидросамолетом отправлял в другую экспедицию, согласно уговору между начальниками.

В ту пору я проходил у Андрея стажировку и видел весь контингент рабочих экспедиции, к которым я сначала относился с опаской. Однако, жизнь на таборе текла по своим таежным правилам, и избавиться от общения с бывшими зеками было невозможно. Тем более, было невозможно уже потому, что с какими-то из них придется и самому работать. Волей-неволей надо было спать с ними около одного костра, есть из одного котла, ходить вместе в тайгу на работу, охоту, рыбалку, и это общение не проходило даром. Я увидел людей, не спрашивая их, за что их судили, ответственных, честных и даже по-своему благородных.

И вот, как-то со мной на работу на промер просек пошли двое рабочих. Один из них—бывший солдат, осужденный за расстрел каких-то своих обидчиков на службе, и Ата. Ата—туркмен, высокий, красивый,

В настоящей экспедиции девушек в сапогах не по ноге не бывает, такого по определению быть не может. Это возможно, видимо, только в научных и туристических выездах на природу.

как голливудская звезда, отсидев большой срок за убийство какого-то обидчика и оставленный после отсидки на севере на пожизненное поселение, оказался со мной в заходе. Он был из деревни Безмеин, расположенной в 15 км от Ашхабада. Когда он узнал, что я был на его родине и работал там в одной из экспедиций, сразу же после института, он не отходил от меня. Он называл меня «земелей» и каждый раз просил меня рассказывать о Кара-Кумах, Ташаузе, Мары, Байрам-Али, где мне довелось работать. Он постоянно напоминал мне:

—Николаич, когда будешь в Ивделе, ходи, не бойся, в любом месте в любое время. Вдруг если кто из местных попытается сделать что-либо дурное с тобой, тебе достаточно сказать, что ты земля Аты, друг Аты, и ты в Ивделе становишься для всех неприкасаемым и даже товарищем.

Такое вознесение меня вверх на уровень Аты мне было непонятно, но в то же время было интересно осознать себя в Ивделе неприкасаемым. Я, как мог, отнекивался от такой неожиданной защиты, но было приятно вдруг, ни за что, стать другом Аты, как я узнал впоследствии, очень авторитетного человека в Ивдельных лагерях.

Заход наш кончился, и Ата был рекомендован таксатору Иванову Юрию. В перерыве от заходов, дожидаясь Иванова, он с утра до вечера играл в карты и, видимо, чаще всего выигрывал. Как я узнал потом, в карточной игре ему не было равных, и он всегда строго следил за мухлевщиками.

Прилетел Юрий Иванов, и мы разъехались. Я больше не видел Ату и стал забывать его. Наступила осень. Работа в тайге заканчивалась, таксаторы один за другим стали вылетать в Ивдель. Я сидел в штабе экспедиции и обрабатывал полевые материалы. Вот вылетел и Иванов. Он появился в штабе и неожиданно, путем не поздоровавшись ни с кем, сразу же подошел ко мне. Он жал долго мою руку и вдруг неожиданно сказал:

—Ну и подсуропил ты мне Ату.

Я встревожился, но он с налету осадил:

—Не бери в голову. Ата—это человек, это человек с большой буквы и вряд ли когда я его забуду. Представляешь, я таборщицей взял девчонку после десятого класса. Это в толпу-то отпетых шести головорезов, у которых были серьезные сроки, и среди них Ата, у которого за плечами было многое, за что его и оставили на севере на вечном поселении. Девчонка исключительно готовила, стирала на всех белье, ремонтировала им спецовки и близко к себе не допускала никого. Она стала сре-

ди этой толпы авторитетом. Не дай бог сказать где-либо о ней плохо! Разорвут и закопают на месте. Были попытки среди бичей добиться ее, но она оставалась непреклонной и равной для всех. И вот как-то раз, как всегда, выйдя из заходов, эта братва с утра до ночи играла в карты. Ата большей частью оставался в выигрыше. Играли как всегда под интерес. А интересом был чай, папиросы, сахар, пуговицы и прочее, что было в обиходе. Пока протекала игра, парни трепались обо всем: о политике, о начальниках в лагере, о таксаторах и, конечно, о женщинах. Среди бичей был один прибалтанный кожаный бич, отчисленный из Ленинградской лесной Академии. Он также был заядлым картежником, но, как правило, ему не везло, и часто Ата его гнал из игры, замечая его мухлеж. Этот кожаный бич был, ко всему прочему, трепачем и как-то за игрой обмолвился, что он на спор покроет Вальку-таборщицу. Это заявление буквально потрясло всех сидящих за картами. Ата остановил игру. Он пристально посмотрел на бывшего студента и глухо произнес:

—Ну-ка ближе подвинься ко мне.

Студент замолк и, повинуясь, молча подвинулся к Ате. Ата вытащил нож, не обращая ни на кого внимания, отмерил два пальца от кончика ножа, затем зажал в этом месте нож тремя пальцами и моментально ткнул в бок кожаному бичу. Все разинули рот и с испугом глянули на Ату и студента. Студент тоже разинул рот, охнув, и схватился за место, куда вошел кончик ножа. Ата спокойно вытер кровь с ножа мешковиной, лежащей на земле вместо картежного стола, и спокойно произнес, не глядя на студента:

—А теперь ползи, ублюдок, в кусты, зализывай там рану и научись вести себя в приличном обществе, научись почтительно говорить о хороших женщинах.

Мне доложили о случившемся тотчас, но Ата, не дожидаясь разборок, сам зашел в мою палатку:

—Начальник не бери в голову. Ерунда. Ничего серьезного не произошло, просто засранца царапнул. Теперь будет знать, что бич и подонок—это совсем не одно и то же.

Ну, что было делать? Я никому «наверх» не доложил и разделил ответственность вместе с Атой за этот урок. Студент через неделю подлечился и ушел в заход. В карты он больше не садился играть и все больше читал какие-то книги. Ата закончил полевой сезон, получил расчет и сказал:

—Передай земле большой привет от друга Аты. Буду очень рад встретить его в Кара-Кумах, лучшем месте на земле для свободных людей.

Если нет таборщицы, а есть женщины-сотрудницы, не заставляй их готовить пищу. Если не рвётся сама готовить, заставь её заниматься мужской работой—готовить дрова, носить воду, разжигать костёр, управлять мотором, ставить и проверять сети и т. д. Если она и этого делать не будет, она станет обузой и придется избавиться от нее.

Самими лучшими учителями таксаторов были аборигены Сибири—ханты, селькупы, эвенки, якуты, алтайцы и переселенцы, ставшие подлинными сибиряками. В таежных дебрях таксаторы часто жили рядом с ними и учились у них охоте, рыбалке, ночевать в тайге, ходить на обласках, управлять оленями и многому другому—всему тому, что позволяло жить в тайге комфортно. С ними всегда были хорошие отношения. За любую небольшую услугу местных людей расплачивались только «магарычом» и длительной беседой о таежной и политической жизни. Если этого не сделаешь, или попытаешься оплатить услугу деньгами—это будет оскорблением, и с тобой никто никаких дел никогда иметь больше не будет.

Зимнее стойбище хантов и его хозяева.

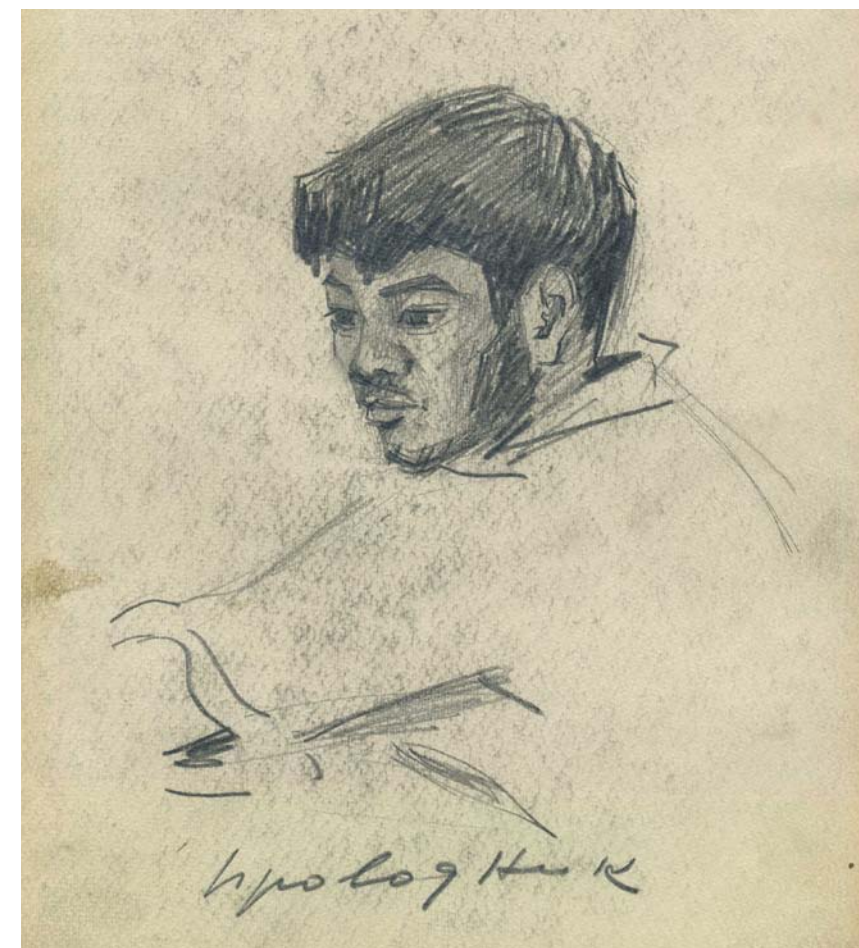
Чалдоны тетя Лиза и дядя Ваня аборигены деревни Покур, много лет дававшие приют таксаторам в своем доме.

Кондовые лихихи сибиряки из деревни из деревни Ларино, что на реке Обь Томской области. Колька Майков в воздушном мешке перевернутой лодки плыл по Оби и пел песни, чтобы кто-нибудь услышал и спас его. Сашка Волков услышал его, вплавь добрался до лодки, дотянул ее до берега и спас певца.

В горах Тувы. Вода застигла на переправе внезапно, 1960 год.

Ну, ну! А что было дальше после встречи с медведем? Юрий Степанов, охотник-промысловик из деревни Покур.

Я уже считал себя опытным полевиком, проработавшим в различных экспедициях около 30 лет. Много умел делать как в плане организации работ, так и в умении жить в тайге. Также считал себя достаточно опытным человеком, умеющим ладить и находить язык общения с местными людьми. А уж в умении использовать спирт в наших экспедиционных делах нам, экспедиционникам, конечно, не было равных.

И вот как-то мне довелось работать в лесах низовья Оби. Встали мы табором недалеко от поселка Азов, располагавшегося на острове. Закончив обустройство временного табора, я с сотрудницей решил идти в поселок на промысел: что-то купить в местном магазинчике и познакомиться с местным лесником. Для знакомства я прихватил бутылку спирта. Сходя в магазин и кое-что купив, мы пошли к леснику. Нашли его дом, огражденный штакетником. Дверь в ограде была открыта, и мы подошли к крыльцу. Около крыльца лежали три огромных пса. Они даже не пошевелились на наш приход, только чуть приподняв морды, осмотрели нас. Увидев, что мы скучные люди без ничего, они опять уронили морды на землю. Постучались в дверь. Нам открыл человек возраста где-то за пятьдесят. Поздоровались. Я объяснил, кто мы такие, и он пригласил нас зайти. Зашли, сели на лавки. Заглянув во вторую комнату, он обратился к хозяйке с просьбой поставить чай. Чай был тотчас же приготовлен, и нас пригласили за стол.

Мы сидели, пили чай, (кстати, мой любимый индийский чай второго сорта Иркутского развеса), закусывали пирогом с муксуном. Поговорили о всяких делах, о наших работах, о рыбалке, об охоте, и даже коснулись политики и женщин и стали собираться домой. Уходя, я вытащил бутылку спирта из рюкзака и предложил ее леснику, добавив:

—В разговоре я понял, что у Вас изредка побаливают колени и спина.

С местными лесниками не спорь. Они считают себя самыми знатными таежниками.

Вот Вам лекарство, и когда появляется боль, натирайте спиртом больное место.

От неожиданного подарка он буквально расцвел в улыбке и произнес:

—О, не ожидал! Конечно, буду растирать. Сейчас здесь такой дефицит спирта, что, конечно, буду принимать его как лекарство.

Тут подошла хозяйка, забрала бутылку и объявила:

—Спрячу подальше, и сама буду доставать, когда у тебя будут болеть ноги.

Строго посмотрев на хозяина, она удалилась в горницу.

Попрощавшись, мы ушли. Он проводил нас до калитки и все время говорил, чтобы мы, если что надо, заходили к нему. Все собаки стояли рядом с хозяином и внимательно слушали наш разговор.

Работа в этом районе пошла своим чередом. И вот как-то раз, возвращаясь из тайги, я подошел к деревне. Весь день моросил мелкий дождь. Я промок насквозь и сильно продрог. До табора было еще километра два, и я решил зайти к леснику и попросить чаю. Постучался в дверь. Открыл хозяин и, увидев, какой я мокрый, поспешно пригласил в дом. Он быстро поставил чайник на плиту горячей печки и усадил меня рядом с ней.

—Ты сиди, а я сейчас все приготовлю.

Он поставил на стол такой же пирог, каким угощал во время первой нашей встречи, нарезал на кусочки нельму, поставил черную икру, и ушел в другую комнату. Что-то долго его не было. Потом гляжу—он вытаскивает из тряпья бутылку мной подаренного спирта. Спирта в ней осталась только половина. Хозяин поставил бутылку на стол и произнес:

—А теперь будем лечиться!

—Как лечиться? Я же ее подарил, чтобы ты натирал спину!

—А я и натираю спину!—ответил он.—Хозяйка уехала на ту сторону Оби к сыну, и я вот уже неделю лечусь. Как только заболит спина, я тотчас приму стопочку, и она проходит! Вот так и лечусь.

—Не-е-е,—протянул я,—это лекарство тебе, и я его не буду пить.

—Будешь!—отрезал он.—Это лекарство тебе сейчас нужнее чем мне. Смотри, какой ты мокрый. Нет, нет, давай сиди у печки, я тебе все подам.

Ну что мне оставалось делать? Пришлось согласиться.

—Только чистый спирт я не пью. Надо развести. Когда будешь разводить, налей воду в бутылку, и дай постоять минут 7-9.

Он посмотрел на меня с ухмылкой и сказал:

—Кого учишь? Так как ты советуешь, у нас здесь не разводят спирт. Спирт по ученому надо вот как разводить. Смотри сюда. Вода наливается в бутылку. Налили. А теперь стукни щелчком по бутылке. На, щелкни.

Я встал, подошел к столу и трижды щелкнул по бутылке. Звук оказался глухим, похожим на звук, когда стучишь по дереву.

—Ну и что?—произнес я.—Звук, как звук.

—А теперь садись на место и подожди.

Он еще что-то делал на столе, а потом окликнул:

—Давай, подходи, постучи так же.

Я щелкнул по стенке бутылки, и услышал чистый звон.

—Ну, что ты слышишь?

Я еще раз постучал, и опять бутылка отозвалась чистым звоном.

—Ну что, слышал?—спросил хозяин.—А теперь спирт готов для питья, можем лечиться. Давай, садись за стол, а все твои мокрые вещи развесим у печки.

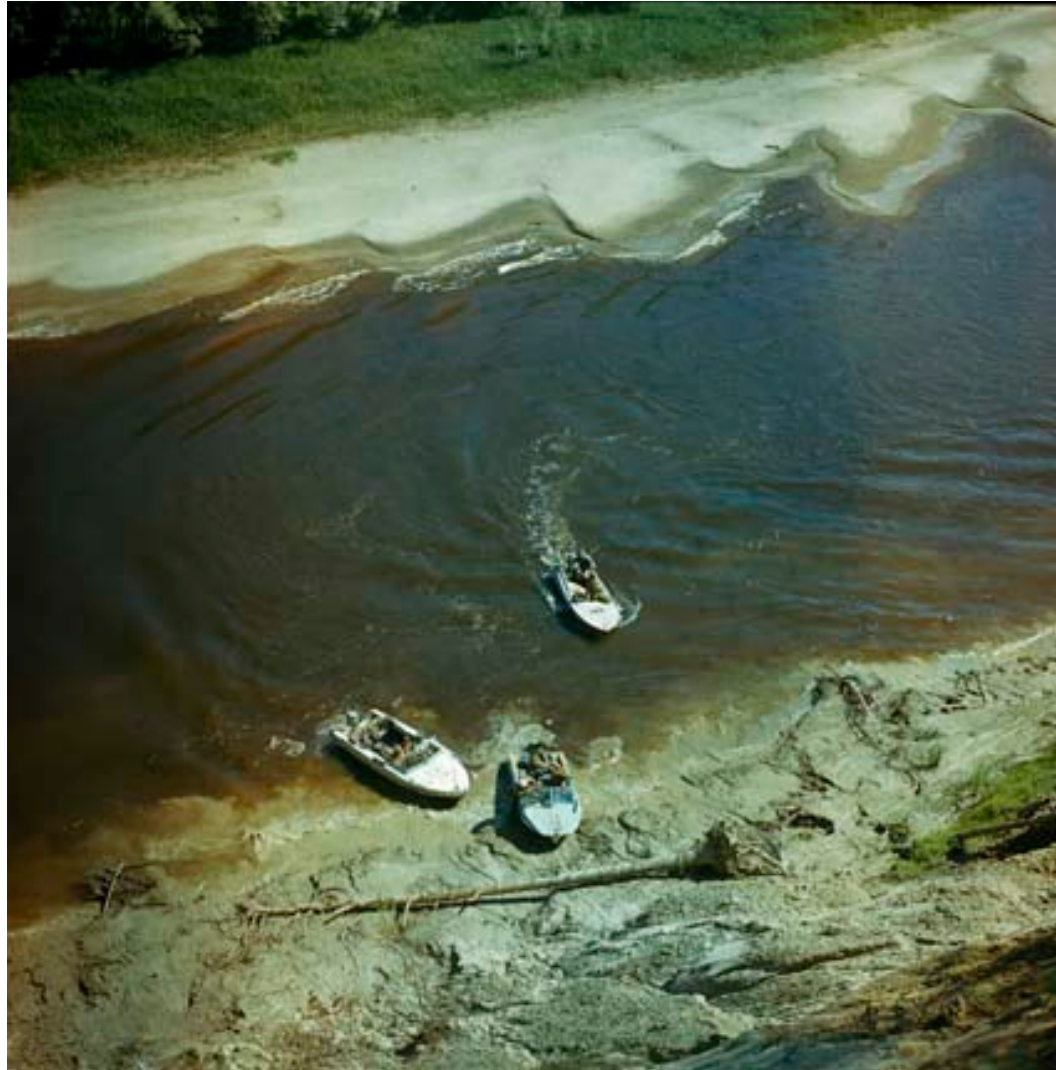
Вновь обретенный жизненный опыт привел меня в восторг. Оказывается, вот как по ученому надо разводить спирт для питья! И с тех пор я каждому со знанием этого дела рассказываю и показываю, как надо это делать. Права оказалась поговорка: «Век живи, век учишься». Учиться никогда не поздно.

Местному никогда ничего не обещаю за оказанную услугу. Поставь и выпей с ним бутылку и уважь разговором. Следующий раз он поможет тебе за так и также поставит бутылку, помня твое уважение, которое ты оказал ему при первой встрече.

Тайга в горах Танну-Ола.
Таксатор на квартире
у тувинца. Тува, 1967 год.

Сибирский Рыбнадзор

А вот и он—рыбнадзор.

Стояла великолепная погода, и у меня было великолепное настроение. Я сидел на кухне за большим столом, попивая после бани свой любимый чай—индийский чай второго сорта Иркутского развеса. Когда я оставался на таборе один, я всегда для себя одного топил баню, потом часа три ее принимал, а после нее обычно сидел на кухне и пил чай, поглядывая на реку. Кухня стояла на высоком берегу, и из нее было все кругом видно. Я сидел как в театре и наблюдал окружающую жизнь. Вот три чайки летят вдоль реки, переговариваясь между собой чаечным криком, вот бурнудук перебежал поленицу дров и нырнул в малинник, а вот на обласке семья хантов поплыла вверх по реке, чтобы недалеко от табора собирать клюкву. А вот метчик (небольшой рыбацкий катер) идет с вереницей прицепленных лодок на рыбалку. А вот кедровка, устроившаяся в кроне стоявшего рядом с кухней кедра, закричала своим противным голосом. Таежная жизнь в этот прекрасный день текла своим чередом. Очень не хотелось, чтобы кто-то нарушил ее каким-либо не таежным делом. Я сидел, попивая чай и наслаждался одиночеством.

Но это продолжалось недолго. Вдруг из-за поворота от Оби вынырнула лодка «Обянка» и на хорошей скорости пошла вверх по Ларь-Егану. Поравнявшись с табором, лодка неожиданно повернула, и на полном ходу пошла в мою сторону. Лихо тормознув, лодка вместе с волной навалилась на берег. В ней сидел, явно, мастер вождения дюралек. Он вышел из лодки и направился ко мне. Из тени навеса выскочил дремавший Угрюм, залаял, но, увидев человека, вернулся на свое место. Не обратив внимание на лай Угрюма, человек зашел в кухню, бодро сказал:

—Здорово были,—и добавил без всякого вступления:

—Я местный рыбнадзор.

Я много чего повидал на свете, но такого бойкого я еще не встречал.

Если аборигены угощают—
никогда не отказывайся.
Отказавшись, да еще если
ненароком проявишь брез-
гливость—станешь для них
плохим человеком навсегда.

Как я понял потом, он поздоровался специально громко, чтобы его кто-то еще услышал и, соответственно, сообразил, что надо убрать все с глаз, что может быть интересно рыбнадзору - пойманных муксуна, нельму, стерлядь.

—Здорово были,— буркнул я,—садись за стол, будем чай пить, коль ты рыбнадзор.

Я достал бутылку водки, ржавую банку «Завтрак туриста», нарезал хлеба, поставил две кружки.

—Вот ты сказал, что рыбнадзор? Какой ты, хрен, рыбнадзор, если мы с тобой будем закусывать «Завтраком туриста»? Где твоя закуска, поди, оставил в лодке?

Он не ожидал, видимо, такого выговора. Открыл рот, побледнел, потом покраснел и вдруг выпалил:

—Давай поедим сейчас же за закусью.

—Нет,—не согласился я,—давай вперед по пол-стакана дерябнем, закусим этой ржавчиной, а потом уж поедим за закусью.

Он залпом опрокинул стакан, поставил на стол и, направившись к двери, сказал:

—Поехали! Докажу тебе, что я рыбнадзор.

—Поехали,—согласился я.

Выпив свою долю и закусив нельмой, лежавшей в закрытой тарелке, отдельно стоявшей на полке, я пошел за рыбнадзором.

Подхожу к лодке, смотрю— он сидит на беседке, освобождает якоря из капроновых бечевок и что-то ворчит себе под нос. В лодке лежит мотор «Вихрь» (видимо запасной), кучей свалены крапивные мешки, топор, багор, сети и всякое хламье, видимо, нужное в его работе.

—Давай, садись, сюда, —пригласил он, подстелив мне на беседку серый мешок. —Профессор в моей лодке должен ехать с удобством.

(За столом я рассказал ему, что это за табор у нас, и чем мы занимаемся). Оттолкнувшись от берега, он дернул за шнур, и мотор сразу заревел. Буквально с места мы пошли на глиссере, и на максимальной скорости понеслись вниз по реке, потом пересекли Обь и влетели в тихую протоку. На малом ходу он проехал метров сто и остановился. Ничего не говоря, взял один якорь и бросил его в воду, удерживая за бечеву. Подгребая веслом, стал бечевой таскать якорь по дну. Потом остановился и с усилием потянул бечеву вверх. Вот появился якорь, на нем длинная натянута проволока, которая шла поперек старицы. На лесках с крючками, привязанными к проволоке, болтались три стерляди. Он снял две

В деревнях не блуди —
помни в любое время тебя
могут женить и не заметишь как.

стерлядки с крючков, а потом проволоку с крючками и с оставшейся стерлядкой бросил в воду.

—Поди, с этого самолова двух стерлядок достаточно. Одна пусть останется хозяину. Поставил ловушку не в том месте,—проворчал рыбнадзор, кинув стерлядей на дно лодки.

—Надо еще попробовать,—пробубнил он, на веслах отвел лодку метров на сто от этого места. Снова кинул якорь в воду и начал шарить им по дну. Зацепив проволоку, он поднял ее. На самоловах болтались две стерляди. Он снял одну и бросил опять ловушку в воду.

—Ладно, оставим одну хозяину, а нам на закусь будет достаточно,—проговорил он, и начал было заводить мотор. Но вдруг остановился и стал внимательно смотреть в сторону берега. Я тоже посмотрел туда и увидел в тени ивняков медленно движущийся обласок, в котором сидел какой-то человек.

—Эй, Иван, кончай прятаться, вылезай из кустов на белый свет, —крикнул рыбнадзор,—Ты куда поставил самоловы? Здесь никогда не было путевой стерляди. Что это за улов у тебя? Стыдно за тебя. Приехали мы с профессором одолжить у тебя закусь, а закуси путевой и нет,—стал он отчитывать человека, мирно сидящего в обласке,—Вот теперь слушай меня внимательно. Сними здесь свои самоловы и поставь их в залив. Ты знаешь, где это, это туда вверх, примерно километр отсюда. А завтра придешь ко мне в контору и заплатишь штраф за браконьерство,—добавил он строго.—Ну, а теперь, профессор, поедим к тебе на базу знакомиться и закусывать чужью.

Он дернул шнур, мотор взревел, и мы понеслись по сверкающей Оби ко мне на табор.

Ларинские рыбаки пошли неводить рыбу.

Абориген из деревни Ларино Костя Майков, научивший меня пить спирт салазками, закусывая чушью.

*Спирт пить надо салазками,
закусывая чушью*

Костя Майков, рыбак из местной деревни Ларино, давно обещал накормить нас чушью. Когда он узнал, что мы никогда не пробовали чушь, то был просто огорошен.

—Как так, чушь не ели? А мы здесь без нее жить не можем! Когда собираемся плавать с сетями на Оби, мы берем с собой только соль, такую крупную серую, которая у нас на берегу, на складах, осталась еще с войны. Тогда ее привозили в каждую деревню на засолку рыбы. Сейчас уже не солят рыбу, а сдают ее на плашкоут, и там ее закладывают в лед,—пояснил он.

—Так вот, берем с собой эту соль, хлеб и, конечно, спирт. Осенью на Оби плавать без спирта никак нельзя. Простынешь, и каюк. Так что без него никак нельзя.

Обычно осенью в августе и сентябре мы рыбачим небольшими неводами, добывая муксуна и сырка. Они идут осенью вверх по Оби и в это время самый лов. В реке часто даже осенью попадается стерлядь, вот из нее и готовится чушь.

—Ну, и что это за чушь?—спросил я.

—Чушь, как чушь! Сырая стерлядь, посыпанная солью, вот и чушь.

—И что, так, сырую, и едите?—опять пристаю я.

—Ну, не сырую, а посоленную, приготовленную особым образом. Это и есть чушь. Ладно, скоро поплывем неводить, и там все узнаете.

Стоял серый день. Холодный ветер дул снизу и было на Оби очень и очень неуютно. Била мелкая волна, которую приятно наблюдать из окна дома, где горячо топится печь. Глядя в окно, я очень жалел тех, кто проплавал по Оби на большой скорости, видимо торопясь домой. В лодках сидели нахохлившиеся фигуры, и видно было, как им было мерзко на Оби. Вдруг дверь отворится, и в избу вваливается Костя с возгласом:

Если не хочешь быть на поводе у кого-нибудь, то прежде всего с шофёрами никогда не панибратствуй.

—Что сидишь, начальник, собирайся, поплывем на ту сторону в заводь тянуть невод.

—Как тянуть невод сейчас? Смотри, какая погода на Оби. Садись за стол и сейчас что-нибудь сообразим—ответил я.

—Какое сообразим!—воскликнул Костя,—Я все уже сообразил! Соль, хлеб, есть бутылка тоже, что еще надо? Сейчас самая погода рыбачить. Давай быстро собирайся! Вон на берегу деревянная лодка с обласком и два человека рядом. Неводить поедем вчетвером.

«Ну что же? Надо плыть! Рафинированному горожанину надо познавать местную жизнь»,—подумал я, успокаивая себя. Быстро собрался, схватил спиннинг и прихватил на всякий случай бутылку спирта.

Сделали одну тонь. Попалось три муксуна и с десяток сырков. Переехали на новое место. Снова забросили. Попалось пять муксунов, десятка три сырка и с десяток язей и щук. Вроде рыбалка пошла. Ан, нет! Мужики, посоветовавшись, переехали опять на новое место вглубь заводи. Опять забросили невод. Притонили. И вот здесь я увидел настоящую рыбалку. Подтащили к берегу целую мотню всякой рыбы—муксуна, сырка, язя, щуку и среди них несколько стерлядок.

—Вот она и чушь попалась!—воскликнул Костя.

Он подхватил стерлядок и забросил их в ящик.

Около часа рыбу выбирали из невода, сортировали по ящикам и, было видно, как мужики были довольны. Погода стояла такая же мерзкая, тянул ветер, но никто этого не замечал. Я даже забыл про свой спиннинг, который забросил на нос. Все были увлечены разборкой рыбы.

Наконец всю рыбу рассортировали, сели на беседки в лодке, и Костя объявил:

—Ну, а теперь, мужики, надо сделать чушь. Глядя по рыбе, заработали.

Один из мужиков достал три стерлядки из ящика, хорошо ополоснул их в воде, распорол, выбросил внутренности летающей рядом чайке, постелил крапивный мешок на беседку, положил стерлядку на мешок, и стал резать рыбу поперек на куски. Стерлядки, когда он их потрошил, еще сопротивлялись, пытаясь выскользнуть из заскорузлых рук, но когда их распластали на мешке, успокоились. Костя достал из мешка крупную соль и посолил эти, еще вздрагивающие кусочки стерляди. Было противно смотреть на все это, как живую тварь, еще кровоточащую, растерзали на куски и посолили. Как можно есть эти подрагивающие кусочки рыбы? Чтобы больше не видеть это, я достал спиннинг, и пошел

было утолять свою рыбацкую страсть. Все трое вдруг остановились и недоуменно посмотрели на меня.

—Ты куда, а чушь?

Ну что я мог сделать? Не падать же в грязь лицом! Пусть пока рыба готовится, я тем временем нарежу хлеба, лука, достану кружки. Попал в стаю, вой по-волчьи. Я присел на борт лодки. Но Костя подвинулся на беседке и сказал:

—Чушь надо есть с толком, не торопясь, беседуя о фарте, который посещал каждого из нас раньше и посетил сейчас.

Из мешка он достал хлеб, две большие луковицы, с удовольствием нарезал все это и положил рядом. Вытащил всего лишь одну кружку и бутылку водки. Я тотчас вспомнил про свою бутылку спирта и быстро поставил ее на мешок—скатерть. Мужики заулыбались—увидели во мне своего человека. В то же время мне стало неловко оттого, что я спирт не успел развести, придется это сделать как-то здесь, разбавив его в кружке. Мужики еще веселее заулыбались, и один из них сказал:

—Как развести, зачем? Мы будем пить его с салазками.

Я раскрыл рот и промямлил:

—Как это пить с салазками?

—С салазками, спирт будем пить и заедать чушью!—объяснил Костя.

Он сидел, посматривая на куски стерлядок. Дрожь в них наконец прекратилась, и он произнес, кивнув своему рыбаку:

—Пора! Давай, начинай банковать!

Один из мужиков зачерпнул ладонью воду за бортом, вылил ее в рот и следом за ней выпил спирт из кружки.

—О! Покатился спирт на салазках, дошел до места, а теперь надо чушь,—произнес он радостно.

Взял кусок стерляди и начал сглаживать с кожи кусочки сырого мяса, посоленные крупной солью. Соль уже разошлась, и он с нескрываемым удовольствием жевал мясо. Потом мужик налил спирт мне.

—Давай, продолжай, пей также как я.

Я было начал ерепениться, но они все разом законючили, что я гость, и они, Костя и другой мужик, не будут пить, пока не выпью. Ну, что делать? Я зачерпнул воду из-за борта ладонью, вылил ее в рот, зажмурил глаза и разом выпил грамм сто неразведенного спирта. И почувствовал, как две влаги покатались вниз в желудок. Вода несла на себе спирт, и пищевод практически не ощущал его резкости. Вот они

Если попал к деревенской самогонщице, просто бери за чем пришёл и уходи. Застрянешь, считай пропал на три дня.

Никогда не руби берёзу, не посмотрев вверх на вершину. Убедись, что ствол берёзы не гнилой.

докатались до места, стали смешиваться и вот тогда, появилось где-то внизу тепло, и глаза стали искать, чем бы закусить. На мешке были кусочки сырой рыбы, посоленные крупной солью, и я, не выбирая, схватив ближайший ко мне, начал глотать мясо с кожи. Такого вкуса мой желудок никогда не испытывал. Я со звериным удовольствием жевал чушь, сдабривая ее хлебом и луком, глотая недожеванные куски.

Спирт выпили весь разом с салазками, потом добавили Костину водку. Покончили с чушью, и Костя произнес:

—Все, хватит рыбалки! Пора домой варить уху! А хозяйки пусть начнут прибирать рыбу.

На Оби тянул все тот же ветер, нагоняя серые волны снизу. Было по-прежнему холодно, но я этого после спирта с салазками и чушью уже не замечал.

Надо уметь ездить на лодочных подвесных моторах по мелким речкам. Если илистое дно, надо ехать на большой скорости, чтобы не прилипнуть ко дну. Если же дно каменистое надо ехать на лыже. Для этого надо прибить доску к днищу лодки, выпустив её под сапог мотора.

Слава богу, мели прошли.
Фото А.Зубцова.

Казымская культбаза (фактория
на р. Казым). север, Западная
Сибирь, 1967 год.

Днем стояла жара с паутом, а вечером густой комар. Сколько лет работал в тайге, такого гнуса не помню. Мой табор стоял в деревне Нильдино в среднем течении реки Северная Сосьва. Собственно, это была не деревня, стояли всего четыре избушки манси, прижатые тайгой к реке. В одной из них жил древний старик с внуком, во второй—среднего возраста муж и жена с коровой, а в третьей жила очень большая семья манси с кучей ребятишек обоего пола. Я занимал поодаль от всех четвертую избушку. Около нее поставили палатки, соорудили кухню и баню. Рабочие ушли в тайгу на прорубку просек. Работа шла своим обычным ходом. Правда, не успели мы как следует наладить связь, сломалась рация, и я не мог уже несколько дней связаться с базой партии, расположенной в 90 км от нас в п. Сосьвинская Культбаза. В нашем таежном деле без рации жить опасно, и я собирался на лодке в ближайшее время сплавиться на базу и исправить рацию у нашего радиста. Более никакой нужды быть на базе не было, и я, вообще-то, не торопился с выездом, не хотелось плыть на деревянной лодке со стационарным мотором, развивающим скорость 10-12 км/час. В экспедиции эти моторы повсюду кличут «Топчи-нога». Как оказалось, хорошо, что не торопился. Случилось неожиданное событие, которое перевернуло всю мою таежную жизнь. В ночь перед моим отъездом из тайги вышел один из бичей и сообщил, что его напарник рассек топором ступню, и только вертолетом его можно вытащить из тайги. Он оставил его у костра, заготовив на несколько дней дров.

Да, это было настоящее ЧП, и раздумывать, ехать на базу или нет, уже не приходилось. В тайге, без помощи, с таким порубом человек мог запросто погибнуть. Он сейчас сидит в заболоченной тайге, съедаемый гнусом, кое-как перевязанный всяким тряпьем и совершенно не может передвигаться. Я собрался за полчаса и в ночь ушел на базу. Ночь была

Если в тайгу очень просятся женщины, и ты их берешь, то предупреди, что никто не будет подавать руки при переходе через завалы.

светлая, и я без всяких проблем добрался до поселка часам к 10 утра. Радист срочно передал сообщение о ЧП в с. Березово в штаб экспедиции. Штаб через полчаса ответил, что вертолета сейчас нет, но он может прилететь в любое время дня.

—Ждите!

Спать было некогда, и я отправился на вертолетную площадку. На площадке буквально упал на живот в траву, спрятав голову в капюшон энцефалитки и положив её на скрещенные руки. Жара уже наступала. Комара сменил паут, и он буквально съедал мою спину. Спасти от паута не было никакой возможности, и я периодически со злостью катался по траве. Усталость все-таки взяла свое, и я, в каком-то полусонном забытьи, задремал.

Прошел час, два,—вертолета не было. Наступило время обеда. Жара не спадала, паут продолжал свирепствовать во всю. Пришел радист и сообщил, что пока нет никаких известий о вертолете, надо ждать, не уходя с площадки. Принес чай, тушенку, хлеб. Закусив немного, в той же позе я лежал на площадке, спрятав голову в энцефалитку. Ни о чем не думал, дремал и хотел только одного—когда спадет жара и исчезнет паут. И вдруг слышу над собой женский голос:

—Это вы ждете вертолет? Возьмите меня, мне надо...—голос продолжал что-то говорить, но что—я уже не расслышал. Я нехотя открыл глаза, полежал на животе, глядя перед собой, решал, не показался ли мне этот голос во сне. Нет. Голос продолжал просить взять с собой на вертолет. Я перевернулся на спину и—о, Боже! Прямо перед моими глазами оказались стройные белые ноги с мягким пушком где-то выше колен, прикрытые сиреневым с белыми лилиями платьем, слабо колышущимся то ли от ветра, то ли от волнения. Сон моментально покинул меня, и я, как освобожденная пружина, подпрыгнул и встал на ноги. Передо мной стояла юная красавица! Её длинные узкие глаза, очерченные сверху серповидными бровями, сходящимися под углом к носу, смотрели на меня. Не было никакой возможности отвести от них взгляд. Мягкие, припухшие, четко обрисованные губы в улыбке открывали необыкновенно белые ровные зубы. Над красавицей роem кружились пауты, но она как-то изящно отмахивалась от них березовой веткой. Я не стеснясь, пожирал ее широко раскрытыми глазами. Казалось, сама красавица Синильга с Угрюм-реки оказалась передо мной. Она еще раз обратилась ко мне с просьбой взять ее на вертолет. Объяснила, что она

студентка медицинского техникума, что добирается из Ханты-Мансийска домой в Нильдино.

Внезапно послышался звук быстро приближающегося вертолета. Было некогда расспрашивать, чья она, в какой избушке живет. Долгожданный спасатель, сделав круг, сел буквально рядом с нами. Дверь открылась, трап упал из салона, и я, схватив девушку за руку, быстро вместе с ней заскочил в салон. Дверь за нами захлопнулась. Я сел на место бортмеханика и показал на карте второму пилоту, куда надо лететь. Через час добрались до места, где на болоте, на настиле у костра должен был лежать пострадавший рабочий. С полчаса мы кружили, высматривая дым костра. Вот он! На болоте, поросшем низкорослой сосной, курился небольшой дымок от костра, рядом на настиле сидел сгорбленный человек, повернув голову в нашу сторону. Вертолет сделал еще один круг, выбирая место, куда сесть. Второй пилот показал вниз и приказал мне выскочить из вертолета, добежать до раненого и срубить несколько деревьев рядом с настилом. Я выскочил из зависшего вертолета, добежал до настила, затоптал костер, быстро срубил несколько низкорослых сосенок, и махнул рукой. Вертолет, не выключая винтов, подсел к настилу. Из вертолета выскочили бортмеханик и девушка. А я уже было забыл про нее, удивился—зачем она выскочила? Рабочий не двигался. Только болезненная, виноватая улыбка выдавала, что он еще живой. Надо было спешить. Я и бортмеханик подхватили его под руки и за здоровую ногу, подняли и понесли к вертолету. Девчонка с голыми ногами, проваливаясь по колено в мох и воду, поддерживала окровавленную ногу. Она первая заскочила в вертолет, и мы втроем заволокли бича в салон. Дверь захлопнулась, и мы буквально взмыли в воздух. Все! Слава Богу, человек еще живой. Он лежал на сиденьях, прерывисто тяжело дышал. Рядом, стоя на коленях, девушка в сиреновом платье своим носовым платком вытирала его грязное мокрое лицо, щупала пульс, губами пыталась определить температуру. Рабочий не открывал глаза. Вдруг Синильга придвинулась к его ноге и стала осторожно разворачивать кровавую повязку. Ступня была рассечена до полвины, лодыжка до самого колена была покрыта запекшейся кровью. Рабочий вздрогнул, застонал, открыл и снова закрыл глаза. Девчонка мигом вскочила на ноги, подбежала к кабине пилотов и закричала:—Воды! Воды! Пилоты удивленно на нее посмотрели—какой воды она просит? Бортмеханик обернулся, увидел окровавленную ногу рабочего.

Чтобы не пропасть в тайге, топор должен быть всегда острым, а спички сухими.

—Милая, тебе надо аптечку, а не воду.

Он быстро откуда-то достал металлическую банку с аптечкой и сунул ее девушке. Она схватила ее и вернулась к рабочему. Через десять минут его нога, после обработки йодом, лежала белая, завернутая бинтами до самого колена. Потом она снова переместилась к лицу рабочего и стала вытирать пот и грязь с его лица белыми бинтами.

Мы летели прямо в Березово, в райцентр, чтобы передать рабочего в больницу. Девчонка поднялась с колен, села на сиденье и положила его голову на свои колени. Она то и дело продолжала щупать его пульс и проверять температуру. Когда мы уже подлетали к Березово, она подняла свои строгие, широко распахнутые, с длинным разрезом, глаза и громко крикнула:

—Я не полечу в Нильдино. Парню очень и очень плохо. Буду сопровождать его до больницы, потом сама доберусь до дома.

Вертолет сел. Винты покрутились и остановились. Стало тихо. Бортмеханик открыл дверь, сбросил трап, и тут же в салон заскочили два человека из Скорой помощи. Они подхватили рабочего и вместе с нашей девчонкой скрылись в санитарном автобусе.

Пилоты заправили вертолет, и мы опять взлетели, взяв курс на Нильдино, чтобы высадить меня на моем таборе. Я радовался, что все закончилось хорошо.

Через две недели рабочего выписали из больницы, и его рассчитали в штабе экспедиции в Березово. Я отказался взять его на работу. Человеку, пренебрегшему правилами техники безопасности, в тайге не место.

Опять потекла обычная таежная работа. Я практически не выходил из заходов. Приближалась осень, и надо было успеть завершить таксацию до снега. Из этого события я запомнил только белые ноги с пушком, уходящие под колыхающееся сиреневое платье с лилиями. Лишь изредка задавал я себе один и тот же вопрос: а все-таки, к кому же она добиралась в Нильдино? В деревушке всего три семьи, один старик с внуком, муж с женой и короной, да семья манси с кучей ребятишек...

И вот наконец-то я вышел окончательно из тайги, и настало время камеральничать. Прошел день, прошел второй. На третий день меня пригласил отец большой семьи, предложив на ночь идти на рыбалку. Мы часто с ним неводили 30-метровым неводом, и обычно хорошо добывали. И на этот раз я с удовольствием согласился, а вечером, прихватив все, что надо для рыбалки, подошел к стоянке нашей большой деревянной лодки. Манси был уже там. Смотрю—а он не один. Какая-то

женщина в ичихах, в длинном красном платье, подпоясанном широким ремнем, на котором висел нож, в красной косынке и теплой стеганой безрукавке, укладывала вещи в лодку. Подхожу ближе и вижу: так это же Синильга! Увидев меня, она выпрямилась. Широкая улыбка, открывавшая белые зубы, длинный разрез глаз под бровями, углом сходящимся к носу, озарили меня.

—Вот это да!—воскликнул я.

Я долго смотрел на нее и подумал: сегодня будет не рыбалка, а сплошной фарт! Так и получилось. А не было бы поруба, и я не встретил бы ее в том сиреневом платье с белыми лилиями, и так и не узнал бы, кто такая эта Сосьвинская Синильга.

Запрещай спать у костра в обуви. Заставляй всех сушить портянки и обувь ежедневно у костра вечером.

Ни один опытный таксатор не работает в тайге без собак. Жизнь в тайге без них практически не возможна. Собаки охраняют табор и ночевки в тайге, с ними добывается дичь для пропитания, они заядлые собеседники и слушатели, они, как артисты, скрашивают скучные таежные будни. Этими универсальными собаками являются лайки, и только с ними в тайге не пропадешь. Лайки очень деликатны и никогда не позволяют себе лаять без дела. Лайки светлых мастей являются великолепными поводырями. В сумерки и ночью они обычно трусят в метрах 20-ти от впереди идущих и никогда не дают сбиться с пути.

После удачной охоты пора пить индийский чай второго сорта Иркутского развеса.

Наша задача держать дичь и кормить таежников.

Глухари надоели, пора полакомиться кедровым орехом.

Кукла «перестаралась» на охоте.

Кукла

Это было давно, в 1964 году. Наконец-то наша лесоустроительная партия теплоходом «Петр Шлеев» где-то в середине июня добралась до Сосьвинской культбазы. Этот поселок стоял на высоком берегу реки Северная Сосьва. Он был построен Советской властью в 30-тые годы и должен был служить факторией для хантов и манси, а также, как центр, из которого должна осуществляться политика хозяйственного освоения огромной таежной территории Приуральской части Березовского района. В поселке жили рыбаки и охотники из русских, хантов и манси. В поселке был рыбучасток, хлебозавод, медпункт, метеостанция, семилетняя школа и интернат для детей хантов и манси, учившихся в школе. Поселок был довольно чистый, и я бы даже сказал, ухоженный. На улице и на окраине поселка паслись несколько коров и телят. В этом поселке разместили штаб лесоустроительной партии для руководства таксационными работами на таежной территории, никогда раньше не проводившимися в этих краях. Наши таксаторские участки находились в 150-200 км от Сосьвинской культбазы, куда мы должны были добираться вертолетом и в дальнейшем им же обслуживаться. Вертолет должен был приходить из Березово, находившимся в 200 км от культбазы.

В ожидании заброски на участки каждый таксаторский отряд разместился на окраине поселка, поставив временный табор. Как всегда, вертолет в ту пору приходилось ожидать несколько дней. Ожидая вертолет, таксаторы и бичи занимались всякими подготовительными делами. Насаживали топоры, точили ручные пилы, ремонтировали экспедиционное имущество, собирали всякий хлам в деревне для обустройства своих таборов у себя на участке. Среди бичей никаких конфликтов не было, все готовились к заброске на участки, чтобы работать там 4-5 месяцев.

Без собаки жизнь в тайге — тоска. Собака всё — охранник, добытчик пищи, спасатель, собеседник. Такой универсальной собакой может быть только лайка.

У всех таксаторов партии были собаки лайки, с которыми они всегда залетали в тайгу. Только у меня, еще малоопытного таксатора, не было собаки. Лететь же на совершенно неизвестные безлюдные объекты без лайки просто опрометчиво. Оказаться без лайки в тайге—это значит, что, прежде всего, у тебя не будет дичи, весь сезон придется сидеть на тушенке с сухой картошкой, на макаронах и буквально на кислых щах. В эту пору кислые щи, законсервированные в 3-х литровых банках, таксаторы брали вдоволь. Щи, заправленные тушенкой или поджаренным салом, были отменной едой.

А что же делать мне без собаки? Обычно бичи в таких случаях в поселках, откуда приходится залетать в тайгу, подбирали праздно шатающихся собак. И сейчас бичи присмотрели пару собак на улице и начали приваживать их к табору, чтобы забрать потом в тайгу. Но я был против этого и запретил им приманивать собак. Я выбрал одного хозяина в поселке, у которого было пять собак, взял бутылку и пришел к нему с предложением.

—Дмитрич, привет!—обратился я к нему.

—Ну, прежде всего, я не Дмитрич, а Дмитрий, а по бабушке—Иваныч,—ответил он с укором.—Ладно, заходи.

Я зашел в ограду и поставил бутылку на небольшой стол рядом с крыльцом.

—О, бутылка! Значит, дело у тебя ко мне серьезное. Ей, Танюшка!—крикнул он в дом.—Тащи нам что-нибудь закусить.

Минут через пять босоногая девчонка лет двенадцати принесла хлеб, зеленый лук и соленых весеннего лова сырков, молча поставила все на стол и удалилась.

—Ну, давай, садись и рассказывай, паря, какое твое дело ко мне.

Он налил водку в алюминиевые кружки, стоявшие на полке, прикрепленной к стене, и произнес:

—Ну, давай, будем живы!» - и залпом выпил.—А ты чего медлишь, водка-то твоя, пей, да и рассказывай, с каким таким делом пожаловал ко мне.

После моего рассказа он протянул:

—Да, паря, в тайге без собаки дохлое дело. Однако, нет, паря, не дам я тебе собаку, а тем более не продам, Каждая из этих собак,—пояснил он,—притравлена только на определенного зверя. Вдруг случаем в тайге одна из них пропадет, что буду делать тогда? Нет, не дам, паря, они же

Можешь всё забыть, но никогда не забывай накормить собак. Они всегда будут преданы тебе.

мои кормильцы! Как без них? А продать, паря, это невозможно. У нас не принято это! Да ни одна их них и не пойдет с тобой в тайгу. Ты же новичок в тайге, они сразу тебя поймут—закончил он беседу.

Однако, внимательно посмотрев на меня, он произнес сочувственно:

—Да! В тайге без собаки делать нечего, паря! Знаешь что, паря, сходи-ка ты к тете Нюре, хантейке. Она живет на том краю. У нее пять собак, профессиональных. Она их почти не кормит, и, может быть, на лето она уступит тебе одну.

—Это как же не кормит?—удивился я.

—Да так и не кормит. Они все лето вокруг поселка сами промышляют в тайге. И собаки довольны, а тетя Нюра тем более.

Домик тети Нюры я нашел. Он стоял отдельно, без огорода, без садика. Около дома никаких собак не было, а на пне сидела хозяйка приличного возраста и чистила карасей. Бутылку на этот раз я не взял. Я понял, что в собачьем вопросе, пока дело не решено положительно, бутылка не поможет. Я поздоровался, тетя Нюра ответила, взглянув на меня:

—А, паря, с экспедиции? Что надо, рыбы? Бери из таза сколько надо, а то пропадет.

Я глянул на таз, полный рыбы. Караси, язи, окуни.

—Да, тетя Нюр, я возьму несколько штук на жареху. Но я не за рыбой. Я хочу попросить у тебя одну собаку на лето. Улетаю в тайгу на днях. Без собаки в тайге куда? Одну, может быть, дашь на лето? На время, а потом верну!

—Паря, однако, дам, бери. Тебе на что собаку - на лося, медведя, или на белку и соболя, или просто на глухаря?

—Да на кой мне собака на зверя и соболя? Мне бы на глухаря!

—А, на глухаря, бери Куклу!

Я посмотрел вокруг—нет никакой куклы!

—Однако, паря, приходи вечером, собаки вернутся с охоты и ты возьмешь Куклу.

—Тетя Нюра, с какой охоты, лето же?

—Э, паря, они у меня утром рано уходят промышлять в тайгу, а вечером ночевать возвращаются из тайги сытыми. Я прикармливаю их немножко летом рыбой, а так они сами добывают себе.

Вечером пришел опять к тете Нюре. Во дворе лежали три крупных кобеля и две сучки черно-белого окраса.

—Бери вон ту, Куклу!

Никогда не обманывай лайку. Если где-то лает, не ленись, сходи, проверь. Если лает на рябчика, бурундука, кедровку, белку, сойку — накажи. Для таксатора достоянная дичь—глухарь, лось, медведь.

Через три дня мы улетели на объект. За три дня Кукла уже привыкла к нам. Она с удовольствием съедала все, что мы ей давали и, судя по всему, была довольна тем, что не надо отправляться на охоту и самой, самостоятельно добывать себе пищу. Началась обычная таежная жизнь—заходы в тайгу, таксационные описания, различного рода измерения деревьев, прорубки и промер просек и т.д. и т.д. В тайге Кукла проявила свое мастерство в полной мере. Практически каждый день с весны мы добывали глухаря или копылуху. Кукла никогда не уходила от дерева, на котором сидела птица, до тех пор, пока мы не возьмем ее. Обычно, после каждой такой добычи, я отдавал Кукле лапку птицы, и Кукла была очень довольна. Потом наступил июль. Птицы стало меньше. Наступил август. Молодняк глухарей уже начал подниматься на крыло и Кукла в азарте гоняла и облаивала их весь день. Волей неволей надо было брать птицу. Но в заходе это сильно отвлекало от работы, да и незачем нам было добывать более двух птиц. И тогда я придумал для Куклы режим, по которому я заставлял ее жить. С утра я добывал молодую копылуху или глухаря, опаливал его на костре и половину отдавал Кукле. Поджаренное мясо она съедала полностью, и после этого сытая она лениво преследовала птиц. Я не обращал внимания на ее лай, не подходил стрелять и она, видя это, очень легко прекращала облаивать. Какое-то время она даже просто плелась сзади, не особо стараясь убежать в сторону. В этом состоянии она находилась примерно до 4-5 часов вечера. С этого момента ее было не остановить, и она опять гоняла по тайге в поисках глухаря или копылухи. Практически каждый день я добывал по 2-3 птицы, и больше нам было ни к чему.

В августе мы практически отвыкли от тушенки, сала, макарон и даже щей. Ежедневно у нас было целое ведро глухарятины. Мясо было и утром и днем и вечером. Я впервые имел такую охоту, и она уже стала для меня обычным делом. Из мяса глухаря мы научились делать пельмени, вкус которых стоит у меня во рту до сих пор. Жизнь с Куклой стала сплошной масленицей. А Кукла, как ни в чем не бывало, с утра наедалась поджаренной глухарятины, плелась позади до вечера, а вечером начинала устраивать концерты, облаивая глухарей.

Однажды я добыл уже три птицы, было поздно, и я торопился на табор. Лая пока не было слышно, и я уже с удовольствием думал о доме. И вдруг, мать честная, опять лай! И лай слышался откуда-то издалека, от просеки. Я прикинул расстояние—не менее полукилометра. Я ускорил шаги к дому, совершенно не собираясь сворачивать на лай. Подумал:

полает-полает и перестанет, все-таки поздно. Нет, продолжает лаять. Я же продолжаю идти домой. Вдруг лай прекратился. Ну, думаю, бросила лаять, слава богу. Куда же нести четвертого глухаря! Сейчас Кукла догонит меня и как всегда поздно вечером побежит по тропе впереди меня. Прошел с сотню метров и вдруг лай Куклы раздался буквально за спиной. Оказывается, она бросила лаять, добежала до меня, остановилась метрах в 20 от меня и стала настойчиво облаивать меня. Я остановился и начал уговаривать ее идти домой, но она продолжала лаять и делать движения в сторону, откуда прибежала. Ну, думаю, черт с тобой, пойду за тобой! Я сделал шаг в ее сторону, она тут же скрылась в тайге и через несколько минут я услышал лай в той же стороне, откуда она прибежала. Что же пришлось идти и добывать четвертого глухаря. Когда он упал с дерева под ее лапы, мне показалось, что она начала танцевать. Радости ее, казалось, не было предела. Я никогда не думал, что собака может быть такой сообразительной, и вместе с ней радовался этому открытию. Кукла же, очевидно, была довольна результатом своей настойчивости.

Я уложил глухаря в рюкзак. Она очень внимательно наблюдала за этим, и когда я закинул рюкзак за спину, Кукла заняла свое место впереди меня и трусцой повела меня к табору.

Но этим случаем ее сообразительность не закончилась. Заходов в тайгу становилось все меньше, днями приходилось сидеть в палатке и камеральничать. Сезон заканчивался, и надо было готовить материалы к сдаче. Кукла, видя, что я все реже хожу в заходы, повадилась рано утром в одиночестве убежать в тайгу на охоту. Она, как всегда, находила птицу и лаяла до тех пор, пока кто-нибудь не приходил на ее лай. Часто случалось, что просто некому было идти на лай. Конечно, все понимали, что мы этим портим собаку. Однако нет, собака сообразила по-своему. Она стала притаскивать из тайги молодых птиц, и делала это все чаще и чаще. Конечно, она получала свою опаленную порцию глухаря, на ночь успокаивалась и лежала рядом с кухней. От таборщицы ей перепало в достатке всякой еды, но, несмотря на это, она почти ежедневно притаскивала по утрам птицу.

И вот, наконец-то, полевой сезон завершился. Пора вылетать из тайги. Все экспедиционное барахло упаковано, и мы передали в штаб, что готовы вылетать. Прикинули, что груза будет рейса на два. Нам пообещали вертолет на завтра, и мы начали перетаскивать все экспедиционное имущество на вертолетную площадку. Площадка была метрах в ста от табора на болоте. Там нами был сделан крепкий настил из бре-

Если медведь все-таки напал и нет оружия, а есть только остро отточенный нож, бросайся ему под брюхо ближе к задним лапам, если сумеешь распорить ему брюхо, всё остальное будет зависеть от бога.

вен размером 10 на 10 метров. Все перетащили. Оставили одну палатку, в которой все ночевали и стали ждать вертолет. День клонился к вечеру, надежды на вертолет уже не было, и мы собрались ночевать. Но вдруг где-то на горизонте возник характерный звук машины, который все больше нарастал. Это вертолет шел к нам. Я подумал, что сегодня вертолет уже не сделает два рейса, быстро разделил табор надвое. И вот он наш родимый! Почти не делая круга, четверка (вертолет МИ-4) быстро сел, из него выскочил механик, посмотрел кругом под колеса, и скомандовал быстро загружаться. Окинул взглядом груз, и скомандовал грузить только половину. Я так и думал. Поэтому в вертолет заскочили я и таборщица, а бичей Ваську Рака и Яшку Красненкова оставили в тайге до завтра вместе с Куклой. Я прикинул, что завтра прилечу первым рейсом. Так и получилось. Я добился от начальника партии разрешения полететь первым рейсом к себе на табор. В этих случаях, если не примешь участие в расстановке очереди, то всегда будешь последним. Вертолет набрал высоту, и через полтора часа мы уже подходили к табору. На площадке были бичи и привязанная Кукла. Вертолет сел. Не выключая винтов, мы быстро загрузили вертолет. А где Кукла? Нет Куклы. Она сорвалась с привязи и, не оглядываясь, резво бежала к лесу. Кричать, так же, как и бежать, за ней было бесполезно. Она встретилась с вертолетом второй раз. Первый раз был, когда мы залетали в тайгу, и тогда мы погрузили ее в вертолет практически связанную, а здесь мы об этом не подумали. Обычно таксаторские собаки сами заскакивали в машину, даже впереди груза.

Я стоял на краю вертолетной площадки, кричал: Кукла, Кукла, Кукла! Но все было бесполезно. Подбежал механик, стал что-то кричать и тянуть меня за рукав. Что делать? Я заскочил в вертолет и хмурый и злой посмотрел на бичей. Ну, что я мог им сказать? Ругаться поздно. Собаки нет. Осталась одна в тайге, и лететь за ней также бесполезно. Она, может, и придет на табор, будет скулить о нас, о себе, о красивой летней жизни. Потом будет, скорее всего, скитаться по тайге, пока не выйдет на людей или не попадет волкам в пасть. В этом районе волки были, поскольку были дикие олени. Я сидел мрачный. Что же я скажу тете Нюре, когда я приду к ней без собаки. Она так просто отдала мне ее на лето и даже не просила вернуть. Обязательное возвращение считалось само собой разумеющимся.

Прилетели на культбазу, разгрузились, и начались поле-камеральные дни на базе. Надо было доделать таксационные материалы и сдать их

начальнику партии, а потом уже садиться на теплоход «Петр Шлеев» и добираться на нем до Березово. Шли дни, к тете Нюре я не шел, и решил вообще не идти. Ну, что я ей скажу? Какой же я таежник, если не сберег чужую собаку?! Как она к этому отнесется, я не знаю. Но, я знаю, как мне будет больно говорить, что Кукла осталась в тайге. И не хватило у меня смелости и совести сказать ей об этом. Так и улетел я в Березово, а потом в Новосибирск. С этим темным пятном в душе и ходил.

Прошла зима. В марте стали известны лесостроительные объекты на новый летний сезон и среди них был объект вблизи Сосьвинской культбазы. Я, не думая, согласился лететь на этот объект и работать, залетая с Культбазы. Опять добирался теплоходом «Петр Шлеев» до поселка, и опять началась обычная суэта перед залетом. Каждый день собирался зайти к тете Нюре и покаяться. Загодя в Новосибирске набрал всяких подарков для не. Долго собирался, но все-таки пошел. Нашел дом тети Нюры. Она во дворе, также как в прошлом году, чистит карасей, и вижу—Кукла лежит рядом с крыльцом. Увидев меня, Кукла кинулась ко мне, и, поднимаясь на задние лапы, пыталась лизнуть меня в лицо. Я ее обнял как родную. Тетя Нюра перестала чистить карасей, заулыбалась и произнесла:

—Однако, паря, я думала, что ты пропал в тайге. Кукла вышла из тайги, а тебя нет. Я даже вместе с Куклой погоревала о тебе. А ты живой! Рассказывай, как ты выбрался из тайги?

Мы сели за стол, тетя Нюра пожарила карасей, я достал из рюкзака все, что было, и весь вечер рассказывал тете Нюре, какая у нее замечательная собака. Когда я закончил, тетя Нюра произнесла:

—Однако, Кукла такая же, как и все мои собаки. Только глухарей она добывает больше, чем все остальные. Кукла это моя продлавка в тайге, однако.

И тогда я задал тете Нюре вопрос:

—А почему Кукла дома, а других собак нет?

—Так те же собаки на охоте, а Кукла никак не хочет идти. Видно, вы приучили ее лежать около кухни, вот она и не хочет отвыкать от хорошей привычки, однако.

Куклу я опять взял с собой на лето, и она опять все лето нас снабжала глухарятиной, работая нашей продлавкой.

При встрече с медведем не беги. Смотри на него прямо, уходи, пятясь назад. Если есть оружие и нет опасности —лучше не стреляй. Подра-нишь, медведь порвет тебя.

Не дай бог нарушить тишину.
Залаешь зря, уволят и переведут
в дворняжки.

Король пал, да здравствует король!
(Велька справа, Угрюм слева).

На таборе было три породистых лайки—Велька, Буран и Угрюм. Велька уже старый кобель, десяти лет от роду. Плотный пес, покрытый густой коричневой шерстью с проседью на морде и на груди, занимал лучшее место на таборе. Оно находилось в яме около корней под могучим толстым кедром. Пока мы были на таборе, он всегда находился в своем логове. Не поднимая головы с лап, он только глазами следил за всем вокруг, практически не реагируя на окружающую жизнь. Велька, кроме мяса и костей, особенно любил есть еду, если в ней была картошка. Хозяин с детства приучил его есть картошку, и он ее обожал до самой старости. В отличие от остальных псов у него была короткая шея, и ни один ошейник не удерживал его на цепи. При переезде из тайги в город на него надевали упряжь, которую он сбросить никак не мог. Благодаря короткой шее он в драке оставался непобедимым. Ни один пес не мог с ним ничего сделать, он любого сбрасывал с шеи и давил его под собой, отпуская полуживого. На таборе среди наших собак он вел себя по-королевски. Нехотя поднимался из своего логова на лай наших собак, шел проверить, на кого они лают и, если он видел, что они лают на недостойный его внимания объект, т.е. на человека, он с явной досадой возвращался в свое логово. К еде он поднимался, услышав звук железной поварешки о котел, и шел сначала к своей миске. Попробовав, что в ней находилось, он шел к другим собакам по очереди, проверяя их еду. Каждая из них отходила на два - три шага от своей миски, ложилась, прижав уши, и наблюдала, как Велька проводит свою инспекторскую проверку. Окажись там картошка, он обязательно частично съест ее и возвращается к своей миске доедать оставшееся.

Но, не дай бог, если лодка подходит к табору с собакой, о чем обычно извещал Угрюм. Велька первый сбегал, вниз к воде и садился метрах в двадцати перед лодкой. Буран и Угрюм сбегали за ним, но они лаяли,

бегая по берегу. Велька же сидел молча, зорко наблюдая за собакой или собаками в лодке. И, если он видел, что вдруг собака в лодке делает попытку выйти из нее, то тут уж этой собаке не сдобровать. Велька первый бросался к лодке, за ним Буран и Угрюм, и только хозяин лодки мог спасти свою собаку или собак, если он успевал оттолкнуться веслом от берега.

Бурану было около четырех лет. Это белый кобель, который всегда валялся около палатки хозяина Валеры Мозолевого. Он тотчас поднимался и плелся за хозяином, куда бы тот ни шел. Если хозяин заходил к кому-то в палатку, он терпеливо ждал снаружи.

Мой кобель—Угрюм. Высокий, с широкой грудью и тонкой талией, сантиметров на пять выше Вельки и Бурана. Белый, с несколькими темными пятнами на спине и боку, с черной мордой и черными ушами, весом 47 кг. Он был грозой всех собак, кроме Вельки. Он шлялся по табору, устраиваясь, где придется. Любимым его занятием было лежать перед палатками на высоком берегу и наблюдать за рекой. Он долгим внимательным взглядом следил за проходящими лодками, и первый извещал о том, что в лодке собака или собаки. Он обычно вставал и долго смотрел вслед уходящей лодке с собакой.

Псы были профессионалы в своем деле. Каждый из них в отдельности и все вместе ходили на лося, на медведя, соболя и глухаря. Таксаторы приучают их с малолетства ходить только на эту дичь и жестко запрещают и отучают их от лая на рябчика, косача и белку. Велька в экспедиции появился раньше Бурана и Угрюма и своим собачьим делом он владел давно и мастерски. Буран появился в возрасте 2-х лет, а Угрюм—в возрасте одного года. Своему профессиональному делу они научились от Вельки и, конечно, к своему учителю они относились почтительно и со страхом. Он приучил их уважать себя сразу же, как только они появились. Своим сдержанным рыком он сразу же научил их отходить от миски, когда проводил инспекцию. Они и сейчас отходят от миски и ложатся, прижав уши, когда Велька подходит к их еде.

И вот как-то раз я сидел на мостушке и чистил рыбу. Вдруг подходит лодка. В ней сидит человек и три собаки. Собаки, опираясь передними лапами на борт лодки, уже приготовились выпрыгнуть из нее. Я усмехнулся и обратился к хозяину:

—Паря, если ты приехал ко мне с делом, то проходи, чай будем пить. Только, прежде чем выходить, привяжи своих собачек. А то беда будет. Давай, давай, привяжи!

Если в заходе трое или более человек, впереди и сзади должны идти опытные и физически сильные люди.

—Да ну, что могут сделать ваши городские собаки с моими?—теперь уже усмехнулся и он.

—Ну ладно, только поберегись сам,—проронил я.—Пожалуйста, я не против, испытай наших.

Он действительно не испугался и вышел из лодки. Все три собаки выскочили за ним. Велька, спокойно наблюдавший за ними, вдруг сорвался с места и торпедой ворвался в стаю. Все три собаки повисли на нем, пытаясь придавить к земле. Но они только раззадорили Вельку. Велька, как гуттаперчивый мяч, выскочил из-под них. Втроем они не сумели удержать Вельку за шею, даже не оставили на ней никакого следа. Буран и Угрюм, не дав им опомниться, на загравках двух собак буквально влетели в лодку, загнав их под беседку в корме. Третья собака, самая крупная, плыла к другому берегу. Велька, проплыв за ней метров десять, вернулся, вылез на берег и опять сел на свое место. Я заскочил в лодку и, ударив веслом по спинам своих собак, выгнал их из лодки. Хозяин, потерянный таким неожиданным поворотом дела, бегал по берегу и что-то кричал мне. Буран и Угрюм, стоя в воде, свирепо облаивали лодку, потом вылезли на берег и сели рядом с Велькой.

—Ну что, кого привязывать надо, твоих или моих собак?—ехидно обратился я к хозяину лодки.

—Да,—протянул он,—не ожидал я этого от городских собак.

—Какие они городские?—возразил я.—Наши собаки весь сезон с нами. Они в тайге не видят других собак, и им только в радость подражаться с твоими! Ладно, пошли к чаю.

Хозяин лодки уехал со своими собаками, и опять на таборе воцарились обычные будни. Собаки снова занимали каждая свое место и по-прежнему каждый день отходили от своей миски, ложились, прижав уши, наблюдая за Велькой, когда он проверял их миски. Я все время подначивал Угрюма, укоряя его в том, что он подчиняется Вельке:

—Эх ты, Угрюм! Ты же сильнее Вельки, ну намни ему бока и больше не унижайся, когда он нагло проверяет твою миску.

Угрюм только вилял хвостом на мое ворчание, пытаясь понять меня. И вот, наконец-то, наступила осень. Мы залетели в тайгу с Велькой, Бураном и Угрюмом на один из объектов, на котором надо было завершить работу. На этом объекте была охотничья избушка, в которой мы разместились втроем. Каждая из собак облюбовала себе место, и между собой они продолжали жить привычной жизнью, отлаженной на таборе. Велька все также проверял миски Бурана и Угрюма, и не было никаких

Если в захода трое или более человек, впереди и сзади должны идти опытные и физически сильные люди.

ссор. Шла обычная работа. Птицы не было, и мы питались в основном лапшой с тушенкой. И вот, наконец-то, нам повезло. Добыли оленя за день и вытащили мясо из тайги. Нашей радости не было границ—последние две недели мы и собаки будем по настоящему сыты.

Вечером, наевшись свежего мяса, мы сидели в избушке, пили чай и слушали спидолу. Потом валялись на топчанах, обогреваемые жаром горячей печки, были очень довольны собой, и, казалось, ничто не могло нарушить нашего благодушия. И вдруг, ни с того, ни с сего—лай, грызня и хрипы, настолько громкие, что мы оцепенели. Чего это вдруг? С кем драка? Визг, скулеж, лай. Мы выскочили и увидели невероятное. Сваленный на землю Велька, бился, пытаясь лапами добраться до Угрюма. Угрюм, захватив в пасть обе челюсти Вельки, давил их изо всех сил, не давая тому воспользоваться зубами. Я и Виктор схватили за хвосты каждый свою собаку и стали растаскивать их. На морде Вельки от глаз к носу остались длинные кровоточащие раны. Мы оттащили своих собак, по-прежнему рвущихся в драку, и, в конце концов, их разняли. Буран стоял в стороне, лая на собак и, конечно, на нас, ввязавшихся в драку.

Собаки разошлись, и стало тихо. Мы успокоились и ушли в избушку. Для нас было неожиданно, что Велька подрался с Угрюмом. Из-за чего они подрались? Мы не видели, как начиналась драка. Угрюм, видимо понял, что хватая за шею, ему не одолеть Вельку, поэтому схватил в пасть обе челюсти Вельки. Конечно, мы подумали, что это случайная драка и не придали этому событию особого значения. Мы успокоились и продолжили пить чай. Но тихо было недолго. Вдруг за стеной снова раздались лай, визг, грызня, и мы тотчас же выскочили из избы. Велька, опять сваленный на землю, пытался достать лапами Угрюма, который опять зажал его челюсти в своей пасти. Он яростно тянул Вельку, не подставляя себя под Велькины лапы. Буран лаял в стороне, не вступая в драку. Мы опять растащили их за хвосты, и отхлестали как следует поводками. Собаки разбежались, и опять стало тихо.

Мы ушли в избушку продолжать наше чаепитие. Но надо же—Угрюм опять схватил Вельку за морду. Вся морда Вельки была в крови, и было жалко кобеля. Он даже не моглизывать раны. Мы обработали ему раны и пошли спать. Драк до утра уже не было. Утром мы сварили собакам кашу и пошли их кормить. Буран и Угрюм уже были на ногах и без дела слонялись вокруг избушки. Где же Велька? Вельки не было! Потом мы увидели его. Его опухшая морда торчала из норы. Вместо глаз—опух-

шие щелки. Он печально, тоскливо, но спокойно смотрел на Угрюма, Бурана и на нас, видимо уже смирившись со своей участью.

Целую неделю Велька лежал в норе, изредка вылезая по нужде на свет. Виктор каждый день смазывал ему мазью раны, и они через две недели затянулись.

Король был свергнут. Велька уже не обходил миски, и каждый раз после еды залезал в свое логово. Угрюм, новый король, миски не обходил, но свое уже никому не отдавал. А драка возникла, конечно, из-за костей. В первый день добычи оленя после ужина всем собакам были выданы кости. Покончив со своей костью, Велька пошел, как всегда, обирать Угрюма и Бурана. Видимо кость была очень вкусная, и Угрюм впервые решил не отдавать ее. А в драке он сообразил, как свергнуть короля с трона. Он, видимо смекнув, что Вельку не одолеть, хватая его за шкуру, схватил в пасть обе челюсти Вельки и своим весом поверг короля на землю. Король умер, да здравствует король! Угрюм теперь всегда ходил с закрученным хвостом и всегда первым бросался во всякие таежные и собачьи разборки.

Если без оружия встретил
медведицу с медвежатами—
считай пропал. Только бег
может еще спасти тебя.

Конец полевых сезонов

И, наконец-то, полевой сезон закончился в сентябре-октябре месяцах и, возможно, частично в ноябре. К этому времени, начиная с конца мая, таксатором с бичами прорублено и промерено 300-400 км просек и визиров, проведено таксационное описание 1500-2000 участков леса, поставлено 200-250 квартальных и визирных столбов и, самое главное, экспедиция завершилась без ЧП и приключений. Последнее означает, что экспедиция проведена высокопрофессиональными спецами, хорошо знающими таежное дело, не допустившими какого-либо разгильдяйства в работе и всякого рода приключений, помятую, что любое приключение в тайге случается из-за непрофессионализма руководителей экспедиции в организации работ.

Наконец полевой сезон закончен!
Домой, домой на Большую Землю!

Поди соскучилась. Пора навести марафет!

Не гоже профессору И.Волкову вылетать на Большую Землю в грязной рубахе.

На тренировку в леса на другом берегу озера,
Арантур, 1959 год.

В начале сезона таксаторы проходят тренировку по отработке методики таксации местных лесов. В лодке—бич Мишка Барон, таксаторы В.Седых, А.Барышев, Ю.Иванов и др. плывут на тренировку в леса на другом берегу озера. Озеро Арантур, 1959 год.

Лосенок

Мы возвращались из очередного захода. Несмотря на то, что впереди нас ждал отдых, еда, уютный ночлег, настроение у всех было, прямо скажем, неважное. То ли усталость была виной, то ли зарядившее со вчерашнего вечера ненастье, то ли накопившаяся за месяцы работы в тайге тоска по дому, по близким, по другой жизни. В лодке нас пятеро. Согнулись, нахохлились, как куры на насесте, уткнулись носами в отвороты фуфаяк, безучастно смотрим на воду, иногда на берег, иногда на мокрую спину соседа. Окрестный пейзаж столь же безрадостен, как и наше настроение: низкий обрывистый берег, редкие шеренги сосенок по краю обрыва, серая гладь реки, серое небо. Как говорится, глазу не за что зацепиться. Тоска. Да еще мелкий, нудный, ни на минуту не переставший дождь.

Неожиданно все вздрогнули от громкого крика моториста:—Лось! Лось! Смотрите, лось!

Все невольно привстали, вглядываясь в серую поверхность реки.

—Вон он! Вон, смотрите! Здорово прет!

Действительно, метрах в двухстах наперерез лодке плыл лось. На гладкой поверхности воды хорошо была видна большая горбоносая голова, оставлявшая за собой след расходящихся волн.

Один из нас выпростал из-под наваленных кучей рюкзаков ружье и, прилаживаясь для выстрела, попросил моториста:—Прибавь газу! Сейчас мы его...

—Да погоди ты!—положил тяжелую руку на ствол его сосед.—Не видишь—лосиха с теленком!

Теперь все увидели и теленка. Он плыл в метрах пяти за матерью. Лосиха, учуяв приближающуюся лодку, поплыла быстрее. Лосенок стал отставать. Моторист сбавил скорость. Лосиха была уже совсем близко у берега, ноги ее коснулись дна, над водой обозначилась бурая спина, и,

окруженная взрывом брызг, она легко выскочила из воды. Вскоре подплыл к берегу и лосенок, побежал вслед за матерью, которая уже скрылась в кустах.

Моторист прибавил газу, все поудобнее устроились на своих прежних местах, но настроение у каждого было уже другим. Неожиданная встреча словно стерла усталость. Перебивая друг друга, мы стали рассказывать о своих таежных приключениях, безбожно мешая быль и небылицы.

—Эй! Смотрите!— снова закричал глазастый моторист, показывая свободной рукой на берег.

Все повернулись в ту сторону. На скосе обрывистого берега, поросшего густым тальником, кто-то барахтался в воде. Подплыли ближе.

—Да ведь это наш лосенок!— крикнул кто-то.

Как только лодка подошла вплотную, лосенок из последних сил попытался выскочить на берег, но не удержался на обрыве и вместе с комьями обрушившейся земли упал в реку. Двое из нас, не сговариваясь, выпрыгнули за борт и, схватив лосенка, перевалили его в лодку. Почувствовав под собой опору, лосенок подскочил, как на пружинах, и уже почти выпрыгнул из лодки, но тут мы все дружно навалились на него и подмяли под себя. Лосенок вырывался из последних сил, дергался, бил ногами, глаза его от ужаса почти вылезли из орбит, он задыхался от напряжения, бессилия и ярости, но мы, охваченные охотничьим азартом, не обращая внимания на весьма чувствительные удары его ног, окончательно придавили его к днищу лодки, лишив возможности малейшего сопротивления. Почувствовав свое окончательное бессилие, лосенок вдруг как-то сразу обмяк и затих. Мы оставили его лежать на носу лодки, привязав на всякий случай веревкой к бортовым стойкам. Он неподвижно лежал, откинув голову, и мелко дрожал. Глаза его были полузакрыты влажными веками, и только оскаленный рот и порывистое дыхание подсказывали, что он еще не сдался. Кто-то из наших бичей, пожалев, накрыл его фуфайкой.

Мы не раздумывали над тем, что заставило лосиху и лосенка решиться переплыть реку в такую пору. Радовались удачному случаю, легкой добыче, и никому даже в голову не приходило, какое зло мы только что совершили, отняв у матери ребенка и лишив его свободы. Мы уже почти полгода жили в тайге, возможно, огрубели и несколько очерствели, а, возможно, заскучали по каким-то теплым и заботливым чувствам, и неожиданно осознав, что детеныш лосихи нуждается в нашей заботе и

помощи, мы как-то все разом ощутили в себе желание заботиться и помогать.

Через часа полтора лодка наконец-то приткнулась к берегу у табора. Возбужденные недавним происшествием, мы даже про сон и еду на первых парах забыли и немедленно занялись устройством нашего пленника. Кто-то тащил старую палатку, кто-то нарвал охапку травы, один из бичей, открыв банку сгущенки, совал молоко лосенку и громко удивлялся, что тот отворачивается от такого сладкого угощения.

В конце концов, пленника уложили на подстилку из какого-то тряпья и стали наперебой подсовывать все, что отыскалось на таборе из съестного. Лосенок на все подношения реагировал одинаково—он ничего не ел. Опасаясь, как бы он не помер от голода, решили силой разжать ему зубы и засунуть еду прямо в рот. Но еда вываливалась изо рта, а лосенок по-прежнему лежал и косился на огонь костра, отражение которого металось в его глазах, то вспыхивая, то погасая. Мы суетились вокруг, говорили ему непривычные для себя ласковые слова, словно ребенку, чесали за ухом, словно собаку, гладили бок и шею, но у пленника это не вызывало ни малейшей положительной реакции. Посоветовавшись между собой, мы решили оставить лосенка до утра в покое, чтобы он освоился в новой обстановке, и разошлись по палаткам.

Утром увидели, что он ни к чему так и не притронулся. Тогда мы упросили нашу таборщицу сварить для лосенка лапшу со сгущенным молоком и попробовать все-таки накормить его. Но когда мы уходили на работу, лосенок неподвижно лежал все в том же положении, только глаза у него были закрыты.

Рабочий день на этот раз почему-то показался многим из нас, причастным к судьбе лосенка, чересчур длинным. Вечером мы поспешили домой, надеясь, что все изменилось к лучшему. Но лосенок неподвижно лежал все на том же месте и выглядел совсем плохо. Лапша на сгущенке так и стояла нетронутой. Мы растерялись и никак не могли решить, что же еще можно сделать, чем помочь лосиному детенышу. Кто-то сказал, что если так будет продолжаться, лосенок погибнет. Снова насильно попробовали накормить его и перемазали молоком всю его морду. Давали варенье, хлеб, но он по-прежнему ни на что не реагировал и лишь широко раскрытыми глазами смотрел мимо нас на подступавшую вплотную к табору тайгу. Снова гладили его, говорили успокаивающие ласковые слова, пытались поставить на ноги. Но ноги у него подламывались, как ватные, и он снова и снова заваливался на бок. Но нам так хотелось его

После ночевки в охотничьей избушке не забывай оставить дрова у печки, а если сможешь—оставь спички, чай, сахар и соль.

Стреляй лося или оленя только тогда, когда уверен, что мясо будет вынесено и использовано полностью.

приручить, вылечить, что мы пытались добиться нужного для себя результата во что бы то ни стало, не понимая, как жестоко мы поступаем с этим, совсем недавно появившимся на свет зверенышем. Все ласковое и нежное, что копилось в душе каждого из нас эти месяцы, нам хотелось обратить в действия и слова, которые, как нам казалось, могли помочь лосенку. И почему-то именно в это время особенно тосковалось по дому, по оставленным далеко-далеко близким и родным людям.

Поздно вечером мы снова разошлись по своим палаткам. На душе было муторно, беспокойно. Пламя костра и блики его на стенах палаток казались почему-то тревожными, беспокойными. Не слышно было обычных разговоров. Какая-то особая тишина воцарилась в лагере. И вдруг, когда на востоке чуть забрезжил рассвет, кто-то громко сказал, словно выносив, наконец, давно обдуманную мысль:—А может, отпустим его? Ему там лучше будет.

Оказалось, что никто из нас не спал, и все, словно давно ждали этого предложения, выбрались из палаток и пошли к неподвижно лежавшему лосенку. Молча подняли его на руки и понесли в лес. Там положили его на траву, а сами спрятались поодаль за кустами и стали ждать.

Сначала лосенок лежал неподвижно. Но вот вздрогнул, повернул, словно вглядываясь во что-то, голову. Осторожно перевернулся с бока, на котором лежал, на живот. Голова его все еще лежала на земле. Дрожали ноздри, словно он принюхивался к чему-то. Неожиданно он быстро и легко поднялся на ноги. Ноги чуть-чуть подогнулись, его качнуло, и вдруг стремительным прыжком он скрылся за кустами.

Мы выбежали из своей засады и долго прислушивались к шороху кустов и удаляющимся шагам перехитрившего нас звереныша. Но нам не было обидно. На душе было легко, и многие думали в эти минуты о неизбежной и радостной встрече с родным домом.

Если в тайге встретил медвежат без медведицы, поворачивай и быстро уходи той же дорогой, которой пришёл.

Проверочка

Закончив свой первый полевой сезон в Сибирской тайге на севере, я вернулся в начале октября в Новосибирск. Полевые материалы я сдал госкомиссии и с нетерпением ждал, когда главный подпишет мое заявление на отпуск. Я получил приличную сумму денег за поле и рвался как следует гульнуть. Но не тут-то было. Вызывает главный. Главный инженер Николай Фомич Тимофеев, высокий, поджарый, неулыбчивый мужчина, выпускник знаменитого Томского лесотехнического техникума, высочайший профессионал и опытнейший полевик. Подняв голову от бумаг, на мое: «Здравствуйте» ответил:

—Давай, проходи, садись.

Я сел, уставившись на его стол, пытаюсь увидеть среди бумаг свое заявление. Его там не было. Это насторожило меня, и я стал безучастно разглядывать всякие карты и схемы на стенах. Николай Фомич встал, прошелся по кабинету, остановился у окна и, глядя на улицу, произнес:

—Николаич, я пока не отпускаю тебя в отпуск. Тут вышла заминка в работе Московской партии. Мы пригласили ее сделать часть нашего объема на севере Новосибирской области, а она где-то там, на каком-то объекте застряла и, пожалуй, до снега ни хрена не управится. Надо им помочь.

Он сел за стол, внимательно посмотрел на меня и добавил:

—Мне известно, как ты сделал свою работу на Севере. Ты стал “стреляным воробьем” и надеюсь, что справишься. Честно, не скрывая, добавлю—объекты там, на севере области, очень тяжелые. Там не леса, там сибирские джунгли. Давай, собирайся и лети в Пихтовку. На месте, в штабе партии, разберешься, что к чему.

Ну, что я мог ответить ему, старому зубру, молодой, начинающий полевик, еще не научившийся уходить в кусты в таких случаях? «Ну, коль надо помочь, значит—надо. Придется лететь»—подумал я.

Начальник партии А.Шалыгин и Николай Фомич Тимофеев, работавшие в экспедиции лесосырьевых изысканий с первого года ее организации в 1938 году.

—Твоя командировка лежит у секретаря,—добавил главный, когда я уже был у двери.

Прилетаю на АН-2 в Пихтовку. На местном травяном аэродроме меня встречают два парня в замызганных фуфайках. Один высокий, другой на голову ниже. Это оказались двое рабочих, собиравшихся лететь со мной. Оба делают вид, что они рады моему приезду. Высокий, не откладывая, начал высказывать свои соображения по поводу нашей встречи и нашей работы в тайге. Мол, наконец-то мы дождались настоящего таежника, сибиряка. Готовы с тобой идти в заход в любую тайгу. А то предлагают здесь работать с какими-то москвичами, которых мы знать—не знаем, и знать не хотим.

Я, конечно, промолчал, что сам только первый год в тайге и в Сибири. Жду, что будет дальше.

—Нам с тобой в тайгу идти, рядом жить у костра, хлебать юшку из одного котла, вместе работать,—продолжает длинный.—Надобно бы проверочку друг другу устроить, выяснить, кто чего стоит.

—Какую такую проверочку?

—Так завтра чуть свет в тайгу выходить, вот и посмотрим, кто как и каким выйдет, после того, когда ты как следует поставишь,—объяснил он.

Тут я уже не ухмыльнулся, а развеселился: такой наглости, преподнесенной легко и даже изящно, я никак не ожидал услышать. По их виду и поведению это были обычные шаромыги районного масштаба, никак не похожие на рабочих, тем более, на бичей. Даже кожаные бичи не позволяли себе так вести себя, и держались бы в этом случае достойно, отвечая только на вопросы таксатора-работодателя. Прекратив дружелюбно улыбаться, я решил пояснить им, что за «сибиряка» они встретили. Надо было сбить с них дурацкую спесь. Все-таки на Севере у настоящих бичей я кое-чему научился.

—Мужики, спасибо за то, что вы меня так радушно встретили, наговорили всяких приятных слов. А теперь слушайте сюда, как говорят в Одессе. Ты, колхозник, с чего это так горячо леща мне кидаешь и всякий понт гонишь? Что, вознамерился на халяву поханыхжить?—оглядывая веселыми глазами длинного, произнес я.

Длинный раскрыл рот, и начал было:

—Да, нет, мы только хотели...

—Что вы хотели, я понял с полуслова. А теперь запомните, если вы хотите работать с натуральным Сибиряком. Ты, стропила, и ты, под-

пасок, я с вами под забором не кирял, и в КПЗ не сидел, и поэтому на будущее—потрудитесь обращаться ко мне на Вы. Второе. Ты, стропила, не коси под ревизора из ОБХСС и таежного волка, ты хотя и длинный, но еще до них не дорос. Глядя на вас—вы еще даже не кожаные бичи, а так, колхозная пьянь, выросшая на шмурдяке. И третье. Зарубите на своих шнобелях, что в нашем деле делать проверочку на вшивость положено только мне, и ты, доморощенный ревизор, не пытайся впредь подменять меня.

Не останавливаясь и не обращая никакого внимания на их реакцию, я продолжал, направляясь к своим вещам—к рюкзаку и оружию:

—А теперь, если хотите работать у натурального таежника, хватайте мой груз и канайте со мной в штаб партии.

Смотрю, не огрызнувшись на мои пояснения, они, взяв рюкзак и оружие, пошли следом за мной в штаб партии.

В штабе я узнал, что москвичи еще не таксировали леса вблизи реки Икса, в самом удаленном и труднодоступном районе. Разобравшись с аэроснимками и получив всякие разъяснения от начальника партии, я вышел на крыльцо, раздумывая, как сделать этот невероятно тяжелый объект. Мужики, увидев меня, торопливо подошли и стали молча, без пижонства ждать, что я им скажу. Я посмотрел на них внимательно и подумал: как я пойду в тайгу с этой, даже не деревенской, а хуже—районной—пьянью? Эх, где теперь кантуются мои бичи? Как я без них справлюсь с таким тяжелым объектом? Надо было до снега прорубить и протаксировать около 50 км просек, которые должны были проходить в сибирских заболоченных джунглях. Как этих колхозников увлечь, чтобы они не рванули из тайги, когда станут понимать нашу работу. Поддаться и идти на предложенную проверочку? Глупо, это ничего не даст. Запьют и начнут выклянчивать еще что-нибудь. Нет, это все не годится. Надо, пожалуй, оставаться крутым таежником, натуральным сибиряком, авторитетом, какого они себе придумали.

—Ну, мужики, а теперь я приступаю к проверочке, как нагло выразился один из вас на аэродроме. Чифирите?—неожиданно я задал вопрос, отчего, мне показалось, они даже вздрогнули.

—Нет, не балуемся,—протянули они оба разом,

—Это же не водка и даже не самогон—заметил подпасок.—Так себе, иногда.

—Так вот себе, иногда! Слушайте сюда! Если втихаря собираетесь чифирить, то лучше возвращайтесь в свои хазы, к своим биксам, балду го-

К бичам и младшему персоналу относись ответственно, будь строг при приеме на работу и честен при расчёте.

нять. Если же нет, то идите к завхозу партии. Я сказал ему, что такие-то придут к нему и получат две спецовки, две пары сапог, топоры, тент, два рюкзака, два котла, аптечку и мешочки под продукты. Потом найдете меня и с барахлом—ко мне.

—А почему барахло будем получать до оформления на работу? А если мы сбежим?—хитро улыбаясь, спросил ревизор.

—Куда вы сбежите из этой дыры? Бежать со старой амуницией? Вы еще не успеете перейти эту непролазно грязную центральную улицу, как вас на той стороне встретят московские бичи. Тут один кожаный бич летом спер фотоаппарат у начальника партии, так до сих пор ходит еще с черными фингалами, которыми его отоварили кондовые бичи. Ревизор, не пудри мозги. Ступай и делай, что сказал,—оборвал я его, улыбаясь.

—А аванс будет?—тихо и просящее протянул он.

—Будет! Будет и аванс, и заработок, когда я закончу проверочку.

Через час он пришел в мою комнату, где я расположился на ночь.

—Так, а теперь бросайте все на пол, и мы посмотрим, что за имущество всучил нам московский завхоз.

—Так,—продолжил я,—тент и рюкзаки отремонтировать, топоры насадить и наточить, мешочки постирать, а новые сапоги и новую спецовку оставить у меня,—многозначительно глянул я на ревизора.

—Как, мы должны отремонтировать?—промямлил ревизор и так остался с раскрытым ртом. Подпасок молчал.

—А кто же еще, если не вы? Таборщицы у меня нет. Вы же живете здесь дома, делать будете для себя, вот и делайте. А я после этого посмотрю, годитесь ли вы работать со мной, натуральным сибиряком.

После этого я пояснил им, как делать их работу.

—Нам бы аванс получить,—неожиданно заговорил подпасок.—Нас домой не пустят без аванса.

—Значит, у вас есть еще жены дома, и, поди, дети тоже. А я подумал, глядя на вас, что вы из-под забора. Мужики, ну простите меня!—После этого я бодро добавил:

—Скажите вашим женам, что не только получите аванс, но еще будете оформлены на работу бичами и хорошо заработаете.

—Какими такими бичами?—спросил ревизор.

—О! Вы даже не знаете, кто такие бичи, а собираетесь в тайгу,—произнес я.—Ладно, бичами вы еще будете. Идите, не отнимайте у меня больше времени. Мне еще надо по аэроснимкам прикинуть дорогу на Иксу.

Без дела в экспедиции не матерись. Применяй мат только по делу, когда без него обойтись невозможно.

Смотрю—мужики замолчали, собрали вещи, постояли около двери, глядя в мою сторону, и пропали до завтра.

По аэроснимкам я выяснил, что до Иксы придется двигаться по болотам с высокими кочками, заболоченным лесом, км 40 от Пономаревки, самой ближайшей деревни к Иксе. В партии, кто слышал об этих местах, объяснили, что дорога туда практически непроходимая. Правда, отметили они же, в ту сторону была проложена лежневка, по которой когда-то в Томскую область гнали заключенных, но она сейчас прогнила и совершенно не пригодна для ходьбы. Конечно, меня, после Севера, эти объяснения не пугали, но, тем не менее, я понял, что надо готовиться для перехода как следует, и, если что случится у нас в тайге, нам долго никто не поможет. Рацию РПМС я брать не хотел. Она слишком тяжелая, и для ее переноса нужен был третий рабочий. А его негде было брать. По аэроснимкам я выбрал другую дорогу, и по ней будем добираться до места.

К обеду следующего дня явились мои кандидаты в рабочие и вывалили все отремонтированное на пол. Рюкзаки были более-менее зашиты, мешочки постираны, топоры были тоже готовы. Но тент не был постиран.

—Мужики, а почему тент не зашит?—спросил я.

Ревизор, считавший себя бывалым таежником, было начал делать мне замечания о том, что я почему-то им не сказал получить палатки у завхоза, а также почему не взяли спальные мешки.

—Я видел у завхоза хорошие палатки и спальные мешки, а вы, видимо, забыли сказать, что их надо взять,—назидательно высказал он мне.

—Дорогой ревизор, спец по тайге! А теперь слушай сюда. Таксаторы в заход никогда не берут с собой ни палаток, ни спальных мешков. Они с бичами ночуют у костра, только под тентом, на настилах из жердей. Для этого обустраивается ночлег так, чтобы было тепло и сухо. В палатках спят только геологи и туристы, которым есть, кому таскать лишний груз. Весь наш груз состоит из продуктов, и только продуктов. Понял, специалист по проверочкам? А теперь возвращайтесь, и пусть ваши жены, или вы сами, отремонтируйте тент, чтобы он не тек. Понятно? Если понятно, то ступайте и делайте, что сказано.

—А аванс когда?—почти хором протянули оба парня.

—Так вы же еще не выполнили работу, кстати, работу, очень важную для тайги. Теперь я понял, что у вас есть дома и жены, и я очень хотел бы познакомиться с ними. Мне понятно ваше поведение, вас откуда-то

выгнали с работы, и вы, конечно, домашним без заработка уже надоели. Аванс нужен не вам, а вашим семьям. Я вам аванс не выдам. Вы тут же пропьете его, пропадете на сутки, а нам с вами надо сделать еще одну самую важную работу.

—Какую еще работу?—буквально взвыли они.—Быстрее бы в тайгу от этих жен и забот,—продолжали канючить они.

—Вот так, без вашей проверочки пойдете в тайгу ломать спину?—ехидно заметил я.

—Николаич, быстрее уходим без всякой проверочки, уже не вмоготу дома жить,—заканючили оба.

—Ну, я не знаю, почему вам не вмоготу, но надо выполнить еще одну, самую важную работу. В московской партии уже давно съели все запасы сухарей. В тайге без сухарей делать нечего. Надо срочно засушить кг 20. Где? Только у вас дома! Сейчас идем, покупаем 30 кг хлеба, заносим вашим хозяйкам по 15 кг, и пусть засушат за сутки этот хлеб в русских печах. Послезавтра мы уезжаем в Пономаревку, самую ближайшую деревню к нашему объекту.

—Николаич, так они же не пустят нас!—взмолились оба.

—Выделите денег, мы сами купим хлеб и засушим у наших знакомых—плаксиво запросили они меня.

—Получается, вас выгнали из дома, и вы сейчас в этой Пихтовке бичуете. Так, понятно с вами,—заклучил я.

—Нет, парни, или вы уволены, или идем к вам домой.

Они долго ломались и потом нехотя потащились за мной в лавку за хлебом. Разделили по 15 кг, и каждый понес к себе домой при моем сопровождении. Кстати, их дома были недалеко друг от друга, и мы быстро избавились от ноши. Их жены, обычные деревенские женщины, после потери работы их мужьями, из-за пьянки, давно их выгнали из домов, и они бродяжничали в Пихтовке и ночевали, где придется. В Пихтовке их на работу больше никто не принимал. Не приняли их на работу и московские таксаторы. В партии у них работали обычные проверенные бичи, и там также не было места для местной уличной пьяни.

Пришли сначала к хозяйке длинного, а потом подпaska. Я никогда не видел женщин в такой ярости. Каждая у себя учинила такую расправу своему мужику, что мне даже стало жалко этих парней. Потом их жены собрались в одном доме и уже вдвоем чинили расправу над ними. После того, как они устали колотить мужиков, я спокойно объяснил им, зачем я пришел с их мужьями.

—Девки, я ваших мужиков забираю на три недели в тайгу. Пою, кормлю их там, и вдобавок вышибаю из них алкогольную дурь, а вы мне за это засушите сухарей вот из того хлеба, который они принесли. Вот вам деньги за вашу работу, а это аванс за работу вашим мужикам. Который день они канючат выдать им его. Ну, и соберите своих мужиков в тайгу. Выпарьте их в бане, смените им белье, уж больно дух от них идет, как из параша. Выдайте им в тайгу шерстяные кальсоны, шерстяные носки, а заодно отремонтируйте вот этот тент, чтобы он не протекал. Ну, и вот вам аванс, а когда они выйдут из тайги, надеюсь, вы им многое простите.

Когда парни увидели, какие авансы я отвалил их женам, у них в глазах потемнело, и выступили слезы. Женщины после этого как-то обмякли, и как-то по-иному, чуть ли не с нежностью глянули на своих мужей. А они стояли рядом, как остолопы, молча наблюдая за мной и за своими женами, ничего не понимая.

—Ну, а теперь, мужики, давайте ваши ксивы, т.е. паспорта, и вот по этому образцу пишете заявления на прием на работу с того дня, как я прилетел сюда.

Они поспешно вытащили из карманов паспорта, положили их на стол.

—Вот вам бумага, ручки, и давайте пишете, если не передумали работать с натуральным сибиряком и таежником. Ну, и заодно, напишите каждый по расписочке о получении авансов, которые я вручил вашим женам. Из паспортов я увидел: тебя, длинного, звать Вова, а тебя Ваня. Мое имя вы знаете давно, еще до встречи на аэродроме. Итак, парни, проверочка закончилась, и вы теперь являетесь полноправными бичами Московской лесостроительной партии. Кто такие кожаные и кондовые бичи, вы узнаете на Иксе.

На Иксе мы проработали около 30 дней, со всякими приключениями, и к снегу вернулись в Пихтовку здоровыми и невредимыми. Вова и Ваня вернулись домой, а их жены через несколько дней получили их серьезный заработок.

В случае драки бичей на таборе уберите срочно с глаз ножи, ружья, топоры, пилы, тяжелые предметы, а потом разнимай. Не бойся, если можешь—пускай в ход кулаки. Разнимешь дерущихся кулаками, бичи потом будут уважать тебя пуще прежнего.

Полевой сезон закончился.
Пора расставаться. Аэропорт
в п.Березово, место ссылки
князя Меншикова, 1968 год.

Наступил октябрь. Осталось провести последний заход. Нужно было пройти и протаксировать горные леса на двух визирах общей протяженностью 48 км. Визеры были проложены на самом севере объекта и шли от р. Гиллой до хребта Тукурингра. На эту работу с подходами и выходами надо было затратить около 10 дней. До первого визира, откуда начинался заход, мы добрались на лодке. Виктору Мазину я наказал вернуться на табор, и там, никуда не дергаясь—ни на рыбалку, ни на охоту—ждать нашего выхода. Бензина у нас оставалось только на спуск до Перевоза, куда мы отправимся тотчас после выхода из тайги. При этом я упомянул, что на табор выйдем 13 октября или на день раньше. От конца второго визира до табора было около 35 км и это расстояние мы пройдем налегке за день.

Закончив чаепитие, мы расстались. Мазин лодкой ушел на табор, а мы с Санькой Банниковым отправились в тайгу выполнять нашу обычную работу—таксировать леса. Погода стояла великолепная. Нас ничто не отвлекало, кроме свиста рябчиков в распадах. Мы каждый день их добывали по 4-6 штук, и питание у нас было, как в лучших ресторанах Москвы. Тайга, состоящая в основном из лиственницы, покрытая осенними оранжевыми шаями, поглотила нас. На четвертый день к ночи мы поднялись на хребет Тукурингра. На нем уже лежал первый снег. Выспавшись у костра в зарослях кедрового стланика, сидя утром за чаем, мы любовались тайгой, ее оранжевым волнистым одеялом, уходящим далеко за горизонт. Где-то внизу недалеко ревел изюбр, а ему откликался еле слышный рев, идущий бог весть откуда. Тайга ликовала и всем своим видом показывала, что ей нипочем приближающаяся зима.

Настроение у нас было почти восторженное, какое редко посещает нас, и мы с легкостью пошли вниз выполнять очень скучную работу, возвращаясь на Гиллой. Работа шла своим чередом. Ночевали, как всегда,

у костра на хорошо приготовленных постелях, весело беседуя за индийским чаем второго сора Иркутского развеса в предвкушении встречи с Большой землей. 13 октября мы вышли на Гиллюй вблизи брошенного поселка золотарей Кукушка. Заночевали в одной избушке, в которой была еще печка. Погода последние три дня совсем скурвилась. Тайга поблекла, ветер срывал клочья хвои с деревьев, раздвоя их догола. Всюду чувствовалось наступление зимы.

Утром ветер утих. Падали редкие снежинки. Стоял сырой холодный день, но он не испортил наше настроение. Несмотря на все летние приключения, а их было много, я закончил со своими бичами полевой сезон без ЧП, выполнив работу в полном объеме. Осталось пройти всего 35 км по известным тропам до табора и оттуда, наконец-то, домой. Поддавшись хорошему настроению, нам вдруг не захотелось идти пешком, а захотелось спуститься на табор на плоту, комфортно сидя у печки. Кругом стояли дома из очень сухой лиственницы и сделать плот из нее проще простого. Из стен выбрали с десятков длинных бревен, оборвали электрические шнуры в избе и к обеду связали плот. Поставили на плот печку-буржуйку с трубой, подобранную во дворе, в качестве флага привязали к высокому шесту какую-то серую тряпку, нарисовав на ней углем череп со скрещенными костями. Мы, как оказалось, еще не заскорузли в гребаной тайге, из нас еще не выветрился дух романтики, и мы решили с юмором появиться на таборе. Загрузили дрова на плот, бросили рюкзаки, ружье, топор и отчалили. Мы прикинули, что эти 35 км мы пройдем по реке за 3-4 часа и придем на табор засветло. Впереди было всего три известных нам шиверы, которым мы не придавали никакого значения. Печка топилась, на печке в котелке варилась гречневая каша. Шел редкий снег. Небольшой ветерок гнал по Гиллюю свинцовую рябь, и было на реке очень и очень неуютно. Но это никак не беспокоило нас, настроение у нас было превосходное. Шесты для управления лежали рядом, которыми пока воспользовались только при отчаливании от берега и разворота плота по течению, лежали рядом. Мы шли ближе к противоположному берегу, где русло было удобно для сплава.

Печка топилась, дым из высокой трубы тянулся за нами, и даже тряпка наверху трепыхалась, как флаг, на ветру. Мы сидели у печки, ждали, когда сварится каша, были очень довольны собой и воображали, как наш романтический корабль появится перед табором. Берега шеренгой лиственниц со скоростью плота монотонно уплывали назад. Не было

никаких признаков, которые могли бы поставить под сомнение наш пижонский поступок.

Я с неохотой поднялся от печки, чтобы шестом подправить движение плота. Он как раз заходил на шиверу. Не успев поднять шест, я увидел в метрах десяти громадный камень, облизываемый сверху водой. Молниеносно понял, что плот не отвести от камня и заорал Саньке прыгать в воду. Тут же наш плот полез на камень и встал под углом 40° на дыбы. Я успел схватить кашу, топор, ружье и рюкзаки с материалами и взобрался на верхний конец плота. Раскаленная печка с трубой, дрова, шест с флагом полетели в воду. Облако дыма и пара вихрем поднялось над нами, и я увидел, что Санька бредет к берегу, который был в метрах десяти от плота. Вот он на берегу и кричит что-то мне. В ответ я кричу:—лови кашу!—и бросил котелок ему. Санька на лету ловко поймал его, даже не вывалив кашу, и поставил на землю, после начал прыгать и дуть на ладони. Вцепившись рукой в край бревна, я на четвереньках стоял на вершине плота, с тоской провожая взглядом рюкзак, уплывавший от нас вниз, и в то же время радуясь, что второй рюкзак с материалами остался со мной. Я слез с плота и по пояс в воде побрел к берегу, таща на себе все, что успел схватить.

—Ну, что, пижоны, не захотели идти по сухим таежным тропам, решили с выебоном (выпендрежем?) прокатиться? Вот и прокатились, вот Вам наказание за пижонство,—громко ворчал я с кривой улыбкой на лице. Санька подхватил вещи, и вот мы снова на берегу, как полчаса назад. Съели кашу руками, как плов, развели костер, обсушились. Стали рассуждать, а что же делать теперь? Чая и сахара не было, они уплыли в другом рюкзаке. Прикинули, что от Кукушки мы проплыли не более 5 км, и отсюда нам предстояло идти до табора 30 км. Было 2 часа дня. Решили идти только по берегу Гиллюя, не останавливаясь на ночевку. В тайге пришлось бы ночевать, а здесь, по берегу, мы к утру доберемся до табора. Все! Решили и пошли резво вниз. Снег отдельными хлопьями лениво падал на землю и тут же таял. Тишина и покой подбадривали нас. Мы были в кирзовых сапогах и первое время, километров десять, шли бодро, пока не сбили в кровь ступни ног. Появились редкие капли дождя, и они, вперемешку со снегом, начали буквально отравлять нам настроение. Сапоги от сырости, камней и пота размягчились и, с усилием преодолевая боль в ногах, мы старались ступать на песок или на мелкую гальку. На крупной гальке разбитые подошвы сапог скольз-

Настоящая таёжная экспедиция это та, в которой выполняется ежедневно скучная, без приключений работа согласно инструкции и технике безопасности.

Если не уверен, в тайге никогда не спрямляй маршрут. Помни—самая короткая дорога—это известная дорога.

или и становились опасными для ходьбы. На 20 километре выбились из сил полностью. Только тогда мы поняли, как изнурительно идти в кирзовых сапогах по крупной гальке и небольшим валунам. Выбившись из сил, сели отдохнуть и решить—идти дальше или заночевать? Стояла кромешная тьма. Где сейчас найти место для ночевки и где заготовить сухие дрова для костра? Не было видно никаких отражений неба в воде, не было видно берегов и русла реки и только дождь со снегом, падая на воду Гилюя, тихо и зловеще говорили о близости реки.

Решили идти. Впереди оставалось 10 км. Кое-как поднявшись, как пьяные мы побрели вниз, слухом чуя кромку берега. Нас выкинуло не на берег где стоял наш табор, а на другой, пологий, покрытый песком, крупной галькой, булыжником. Это нас и спасло. На нашем берегу часто к воде подходили щеки, которые можно было обойти только по тайге. Более того, мы бы, продвигаясь вперед по нашему берегу, не увидели бы огня в избушке, и неизвестно, вышли бы без него вообще на табор. С нашей стороны, от ожидаемого поворота мы увидим свет в избушке на таборе, и это будет нашим спасением. Надежда заставляла нас упрямо двигаться медленно вперед в размочаленных сапогах, преодолая боль в ногах. Портянки в сапогах были мокрыми, в крови, и было нечем заменить их. И вот он поворот. А вон впереди огонек в черном пространстве, обволакивающим нас. Все, сил больше нет. Светилась только маленькая звездочка. Сели, дрожа от холода, прижавшись спинами друг к другу. А что дальше? Берег был усыпан очень крупными валунами, которых также, как и воду, не было видно. А огонек впереди светился, настойчиво приглашая и заставляя подняться и идти. А идти мы уже не могли. Мы падали, натываясь на камни, лежали подолгу на земле, поднимались и опять пытались брести. Но уже идти ногами мы не могли. Пошли сплошные крупные валуны, которых не было возможности преодолеть. Мы приноровились медленно, как обезьяны, двигаться на четвереньках, нащупывая камни и оползая их. Сил хватало передвигаться таким образом метров двести. Сидели на один камень спина к спине и каждый, видимо, молча тяжело дыша, думал о своем. Каждый раз наступало через некоторое время тепло. Снилось почему-то синее море, которого я никогда не видел, пальмы, загорающие женщины на пляже и почему-то целая жареная курица, лежащая на сковороде. Памятуя о том, что так замерзают люди, я толкал спиной Саньку и цедил сквозь зубы:

—Саня, замерзаем, поползли дальше.

Не зная броду, не суйся в воду. Чтобы не иметь приключений, эта поговорка в прямом и переносном смысле должна сопровождать тебя повсюду, пока ты находишься в тайге.

Саньке виделось, как наяву примерно то же, что и мне. Отрезвев от сна, мы вставали и опять, как обезьяны, на четвереньках, ощупывая камни руками, двигались вперед. Опять садились на камень, прижимаясь спинами друг к другу, дрожа от холода, еле дыша. Мы видели те же сны, убаюкивающие нашу волю. А огонек светился впереди. Он держал нашу волю и заставлял медленно, с перерывами, все-таки двигаться. Мы знали, что этот огонек была наша жизнь. Сил уже не было. Мы медленно, с каждым шагом, погибали. И вот прямо перед нами совершенно неожиданно засветилось отражение огонька в воде, и мы поняли—мы спасены. С усилием я снял ружье, и уже полулежа на гальке, выстрелил два раза. Стали ждать. На том берегу минут через десять загудела "Москва" и вот она лодка перед нами. Нас затащили в лодку, потом в избу, раздели и стали растирать. В избушке было жарко. Мы просто таяли, и в наших глазах начинала пробуждаться жизнь.

—Мазин,—едва окрепшим голосом просипел я—хватит всухую растирать нас. Из-под той доски, третьей от стены, достань лекарство.

Мазин быстро сообразил, достал припрятанную мной бутылку и быстро налил в стаканы спирт.

—Витя, по полстакана спирта трать на растирание нас, а вторую лей в пасть Саньку и мне, дай запить и закусить соленым тайменем и налей горячего Индийского чаю второго сорта.

Утром проснулись около 12 часов. За окном был снег по колени, мороз около -20° и небольшая поземка. Я глянул на это все из жарко натопленной избушки и невольно расплылся в улыбке до самых ушей. Вот она и жизнь!

Не мешкая, собрались и ушли на последнем бензине вниз. На Гилую на плесах шла шуга, вода была тяжелая, как масло, и мы, не боясь ни шивер, ни порогов, пришли к вечеру в п. Перевоз. Внизу ждала машина. 20 км—и мы в п. Золотая Гора. Переночевали в штабе партии. Утром, часов в 10, с Перевоза сообщили: Гилую встал,—и я понял, как удачно, без особых приключений завершился полевой сезон и последний наш заход в тайгу.

По возвращению из экспедиции начинай гулять только после сдачи полевого материала.

На утро после выползания из тайги.

Экспедиция уходит с последним пароходом.
Ну, девки, до следующего поля.
Р. Обь, деревня Тренька, 1964 год.

Слобода бичей и таксаторов
в деревне Ларино на Оби.

Диверсант

На улице мела пурга. Я сидел у окна своей комнатухи и безучастно пустыми глазами наблюдал за поземкой на дороге, за сполохами снега, сметаемого с крыш домов напротив. Такая погода уже была с неделю. Я смирился со своим положением и свыкся с мыслью, что я из Покура, этой приобской деревни, не выберусь в Сургут раньше, чем установится на Оби зимник. А он, по всей видимости, откроется только в конце ноября. А сегодня было 7-е ноября, и бодрый праздничный московский голос диктора радио еще более нагнетал тоску по большой земле.

Полевые работы в этот сезон пришлось закончить очень поздно. Был большой объем работ, и никак не удавалось его выполнить раньше середины октября. Но все-таки работы были закончены, я вылетел 15 октября с двумя бичами из тайги в Покур. Бичей я рассчитал, и они успели уйти на одном из местных катеров, который ушел по тяжелой шуге в Сургут. Мне еще пришлось остаться доделать камеральную обработку материалов, подготовить таборное имущество к сдаче и рассчитаться со всякими долгами в деревне. Начальник партии обещал за мной прислать вертолет где-то 30 октября, а тут пурга, и надолго. А тут уже и 7-е ноября. На столе стояла бутылка московской, жареная рыба, муксуновая икра, приготовленные хозяйкой дома, у которой я снимал комнатуху. Я изредка наливал себе рюмку, чокался с бутылкой и проглатывал под тост: за революцию!

Слышу, кто-то из сеней отворил дверь в дом, и на кухне я услышал голос, обращенный к хозяйке:

—А где-то здесь у вас ссыльный... бродяга...

Потом открылась дверь в мою комнатуху и ввалился местный лесничий Гедров Семен Иванович, весь покрытый снегом.

—Николаич, чтой-то ты сидишь такой грустный, в такой день. Давай, собирайся, и пошли ко мне отмечать праздник. Анна ждет нас.

Я, было, смутился неожиданному такому напору. А он свое:

—Давай, давай. Пошли!

Ну, что же делать? Собрался и бодро пошел с ним.

Я часто бывал у него в гостях. С хозяином, очень прижимистым лесничим, мы вели всякие разговоры о житье-бытье, об охоте, рыбалке и, кстати сказать, никогда —о политике. Его жена, тетя Анна, я ее называл тетей, и она не возражала. Все-таки она была старше меня лет на 20. На столе у нее всегда было много всякой еды, но в основном, все рыбное и блины. И сейчас на столе были пирожки, соленые грибы, брусника и блины. А на плите стоял большой противень с пирогом из муксуна. Конечно, я никогда не мог отказаться от этих угощений. Тетя Анна всегда была рада тому, как я уплетаю ее приготовления, но была в то же время смущена, когда я отказывался пить ее чай. Когда я бывал у них дома, я всегда с ее позволения готовил свой чай, наслаждаясь вкусом индийского чая второго сорта Иркутского развеса после ее угощений. Хозяева с ухмылкой относились к моим, как им казалось, причудам, не понимая, почему я отказываюсь от того же чая, но много раз «женатого», сутками стоявшего в заварнике.

И на этот раз, зная мою привычку, тетя Анна сразу же заявила, чтобы чай себе я заваривал сам. Раздевшись, поставив свою бутылку спирта на стол, я прошел на кухню и стал шарить глазами по полкам, присматривая, что же можно заполучить для чая. И вдруг, совершенно неожиданно для меня, оба, Семен Иванович и тетя Анна, попросили меня провести для них наглядный урок приготовления чая по моим, как им казалось, особым рецептам. Я был искренне удивлен просьбе и тотчас согласился поучить их чайному делу, при этом отметив, что самыми популярными являются чай «по-купечески», чай «по-английски» и «чай с коньяком». Они решили освоить все три. Ну, что же, коль своих собственных рецептов у меня не было, я нудно начал рассказывать о рецептах заварки чая по Похлебкину, оговаривая подробно, какие условия при этом надо соблюсти. Увлечшись, я наплел им, что надо обязательно соблюдать семь условий. Семен Иванович и тетя Анна просто обомлели, услышав столько условий. Но деваться было некуда, и они согласились все их выполнить. Но я еще добавил два своих условия —чай надо брать в лавке только Индийский, второго сорта, Иркутского развеса и не жалеть заварки. И последнее, я напомнил, что приступать к чаепитию можно по

прошествии минимум 20-30 минут после еды, при этом пристально с вожденной улыбкой глянул на стол.

Хорошо посидев часа три за столом, поглотив почти все, что было на нем, выпив за революцию, за Чапая, за фарт на охоте и рыбалке, за здоровье своих детей и всего мира —тетя Анна все убрала со стола, и мы приступили к приготовлению чая, согласно принятым условиям.

Прежде всего, мы заварили «купеческий» чай и, выждав положенные четыре минуты, я стал разливать чай по тонким стаканам в подстаканниках, чтобы не только чуют запах чая, но и видеть его цвет. Не торопясь, выпив чай «по-купечески» в прикуску с настоящим колотым сахаром и сушками, я начал давать урок, как заваривать чай «по-английски». Чай «по-английски» надо заваривать крепче, чем «по-купечески», и заварку лить только в кипяченое молоко, а не наоборот. Тетя Аня, услышав это, воскликнула радостно:

—Так мы все время пьем чай «по-английски», забеливая его молоком! Что за придурь, не все ли равно, молоко добавлять в чай, или наоборот.

—Возможно, это не придурь, а только причуда, —поправил я, как пуховый учитель.

—Но и этой причуды придерживается вся Англия, —добавил я строго.

Про «чай с коньяком» я успел только сказать, что коньяка в стакан надо добавлять не ложку и не две, а всего 3-5 капель, как кто-то забарабанил по стеклу. Потом в избу буквально влетела медсестра из больницы и визгливым голосом затараторила, что если я хочу попасть в Сургут, то надо бежать за рюкзаком, и рвать на вертолетную площадку, над которой уже кружил вертолет, прилетевший за роженицей.

Чтобы оценить дальнейшие события, надо отметить тогдашний мой внешний вид, с которым я заскочил в вертолет и с которым из него вытряхнулся в Сургуте. Была на мне обычная для того времени телогрейка, вязаная, измызганная шапка, крупнейший рюкзак с муксуном, клюквой, копченым лосиным мясом —гостинцами для дома, за плечами карабин, а на груди редкий в ту пору и дорогой фотоаппарат «Салют». Все это —и борода и то, что я весь сезон не стригся, было очень привлекательным для любой милиции, и тем более для сургутской.

Самолеты в Сургут и из Сургута не летали с 30 октября, так что легко себе представить, что творилось в тогдашнем маленьком, еще деревянном аэропорту одной из будущих нефтяных столиц Западной Сибири. Зал ожидания был забит до отказа. Не то чтобы сесть, пройти сквозь

толпу было практически невозможно. Глядя на все это, никаких не было надежд даже вылететь в ближайшие дни. Значит, придется бичевать, неизвестно, сколько дней, искать ночлег, добывать как-то билет на самолет. Но, слава Богу, я вспомнил о знакомом милиционере в Сургуте, с которым мы браконьерничали на Лангусейских песках на Оби. Но адрес его у меня был один — Сургут. Но все знают, что повсюду милиционеров знает в лицо каждая собака, а уж тем более, его сослуживцы. Я разглядел у кассы милицейского капитана, который кого-то энергично успокаивал, и стал пробираться к нему. Зал был битком набитый народом, и пришлось через толпу буквально продираться. Кого тут только тогда не было — самоуверенные геологи, поддатые топографы, вахтовики с перевязанными чемоданами, закопченные бичи, простые работяги с мешками и маленькие, отдельные группки интеллигентных людей с растерянными лицами. Кто работал в то время в тех краях, может легко представить себе картину переполненного осатаневшими от напрасного ожидания людьми грязного зала. В одном углу с азартом играли в карты, в другом вповалку спали, в третьем «керосинили», а подручные капитана вытаскивали из толпы в дупель пьяных людей в милицейский автобус, постоянно дежуривший у входа в аэровокзал. На моем пути к капитану оказалась еще одна компания картежников, игравших в «очко». Когда я поравнялся с ними, кто-то из них, видимо, смухлевал, и тут же от игрока напротив получил бутылкой по башке. Бутылка — вдребезги, мухлевщик — на полу, а окружающие на разборку — ноль внимания, видимо привыкли уже к таким сценам. Капитан начал было вразумлять игроков, но тут, вежливо дотронувшись до его плеча, перед ним оказываюсь я и спрашиваю, не знает ли он такого-то лейтенанта из Сургутской милиции. Окинув быстрым тренированным взглядом меня с ног до головы, капитан медленно начал багроветь и зло зашипел, как-то умело и даже громко:

— Ты кто такой?! Какой тебе еще милиционер?! Почему с оружием?! Кто тебя вообще впустил сюда?!

Я спокойно пытаюсь его урезонить:

— Говорите, пожалуйста, спокойнее. Проверьте документы сначала, разберитесь... а тогда и...

— Какие еще документы у бича! Документы у него! А ну пошел!

Вцепившись в рукав фуфайки, начал остервенело толкать меня к выходу. Я по опыту знаю, что в подобных ситуациях права лучше не качать, а спокойно дожидаться, чем дело кончится. Чем оно кончится, я догады-

вался, и даже был рад познакомиться с капитаном и потому спокойно помогал ему протискиваться к его «служебному» автобусу, правда, несколько струсив по поводу набитого груза в рюкзаке. Вдруг попросит вскрыть его до проверки документов! Все, пиши пропало! Начнутся разборки не бутылкой, а протоколами.

Реакция оживившейся при виде этой сцены окружающей публики была удивительной. Одни чем-то довольные, обстоятельно объясняли тем, кто еще не разобрался в чем дело:

— Диверсанта поймали! Диверсанта...

Другие ехидно комментировали:

— Американский шпион! Ишь, как ловко под бича косит.

Третьи испуганно сторонились, открывая нам дорогу к выходу. Но было видно, что все кругом были явно рады необычному происшествию, скрасившему скуку осточертевшего ожидания. Люди, как мне показалось, глядели на меня явно с уважением и сочувствием, но никак не с осуждением. Все-таки на мне был настоящий карабин, огромный рюкзак и невиданный еще в ту пору широкоформатный фотоаппарат.

Капитан с дружинниками затолкали меня в милицейский автобус, в дополнение к задержанным ранее алкашам, и повезли в отделение. По дороге нас остановил какой-то, судя по воротнику и шапке из выдры и холеной физиономии, крупный местный начальник. Он заглянул в автобус, внимательно всех оглядел и особо поинтересовался насчет меня, единственного трезвого, сидящего в обнимку с рюкзаком на заднем сиденье:

— А это кто такой там сидит?

— Этого с оружием поймали.

— Молодцы! В праздник должен быть полный порядок! — искомандовал: — Везите!

В милиции капитан, видимо в виду особой опасности, которую я, по его мнению, представлял для окружающих, провел меня под конвоем в свой кабинет и приступил к допросу. Я достаю разрешение на оружие, документы, говорящие о том, что я таксатор из аэрофотолесоустроительной экспедиции, что возвращаюсь из тайги...

Как говорится — немая сена. В какой-то момент мне даже стало жалко капитана, ведь я предвидел, чем все это закончится. Как, думаю, он будет выходить из этой ситуации?

Долго молчал, потом четко говорит:

—Ладно, Николаевич, ты уж прости, сам видишь, что в аэропорту творится. Вторые сутки на ногах. Тебе куда лететь?

—В Новосибирск.

—Помогу улететь. А то надолго застрянешь. Видел, сколько народу...

В общем, начался нормальный человеческий разговор. Помог он мне отыскать моего знакомого, который встретил меня, как родного. Хорошо посидели, вспомнили свои рыбацкие «подвиги», переночевал. Утром через милицию раздобыли мне билет, а через несколько часов вылет. И вот идет посадка в самолет. Я, довольный и радостный, стою, как всегда, в очереди последний. Поднимаюсь по трапу, а бортпроводница меня не пускает: —Мест нет. Выходите из самолета.

На улице метель, рейс вот-вот отложат.

—Вот, —говорю, —мой билет, вот место...

—Ничего не знаю, выходите. Вас отправят следующим рейсом.

—Нет, из самолета не выйду, пока не разберется.

Сбежался весь экипаж меня выдворять. Ну, тут уж я на принцип пошел:

—Вынесете меня из самолета только вместе с дверью. Я уже сколько дней добираюсь до Вас, а Вы так невежливы со мной. Разбирайтесь. Можете даже вызвать милицию. Посмотрим тогда, чья возьмет! —нагло заявил я, уверенный, что уж тут-то моя милиция меня сбережет.

Кто-то из пассажиров из салона кричит:

—Чего вы с ним цацкаетесь? Выкинуть его к чертовой матери и все дела.

—Эй, ты, гнида дебаркадерная, сиди не вякай, —говорю, —Сейчас пройду и разберусь с тобой.

Экипаж стоит растерянный, но решили проверить билеты у пассажиров, и нашли двоих зайцев. Один из них —тот самый крикун и какая-то малявка от каких-то блатных...

Первая точка в этом приключении была поставлена только в Новосибирске, где самолет благополучно приземлился, и я дотащился к счастью, с полным рюкзаком до дверей своей квартиры.

Вторая же была поставлена позже. Через три месяца получаю письмо из Покура от Семена и тети Анны Гедровых. Передают приветы и благодарят за то, что я приучил их готовить и пить настоящие чаи. «Только, —пишут, —«чай с коньяком» нам нравится больше. Правда, пьем его не с каплями, а с двумя-тремя столовыми ложками югославского коньяка «Юмолок».

Если будешь исполнять все вышеперечисленные заповеди, то прежде всего в тайге не пропадешь, и из тайги выйдешь здоровым и очень довольным собой.

Яшка Красненков и Васька Рак, с ними я обследовал за много лет сотни тысяч гектар Западно-Сибирской, Восточно-Сибирской и Дальневосточной тайги.

Рассчитав бичей и сдав материалы начальнику партии, таксаторы покидают тайгу, и теперь после них таежный дух вступает в свои права управлять тайгой. А таксатор в течение долгой зимы приступает ходить к определенному часу на скучную камеральную работу и с утра до вечера крутить цифры на арифмометре и щелкать на счетах, приводя в порядок данные об обследованных лесах и подготавливая различные проекты организации лесного хозяйства и освоения лесных ресурсов. Одним из главных изделий камеральных работ являются крупномасштабные лесные карты, отражающие состояние лесного покрова, являющейся настольными материалами для спецов лесной отрасли в решении лесных задач—лесопользования, воспроизводства лесов и их охраны от пожаров. И только в курилке остается трепаться о таежных подвигах и эта скучная жизнь теперь будет тянуться до следующего сезона.

И только треп о полевых сезонах продолжается в камералке и курилке. Таксатор Виктор Баев и начальник партии Владимир Хлюстин.

Неохота, но что поделаешь? К 8.30
надо быть как штык на работе.

Тоска по тайге.

Как часто вспоминается теперь и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек. Много огней и раньше и после манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла... Но все-таки... все-таки впереди—огни!

В. Г. Короленко
Якутия, 18... год

